

Проф. А. С. ЧИКОБАВА

ВВЕДЕНИЕ
В
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

часть

I

Проф. А.С.Чикобава

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

часть

I

2-е издание

Допущено

*Главным управлением высшего образования
Министерства культуры СССР
в качестве учебного пособия
для государственных университетов
и педагогических институтов*

 ★
ГОСУДАРСТВЕННОЕ

УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА · 1953

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-----------------------	---

Стр.

І. ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Языкознание и общее языкознание	13
§ 2. Научное изучение языка как результат исторического подхода к фактам языка	15
§ 3. Донаучные грамматики: филологическая грамматика и рациональная грамматика	17
§ 4. Советское языкознание как новый этап в развитии науки о языке	20

ІІ. ЯЗЫК, ЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ СУЩНОСТЬ, РАЗВИТИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

§ 5. Что такое язык?	23
§ 6. Процесс речевого общения и его социальная основа	24
§ 7. Монологическая речь и социальность языка	27
§ 8. Язык и мышление	28
§ 9. Быть средством общения — определяющая функция языка	30
§ 10. Язык — необходимое условие возможности общественной жизни	31
§ 11. Что составляет основу конкретного языка?	32
§ 12. Язык не является надстройкой над базисом	35
§ 13. Ошибочность утверждения Н. Марра, будто язык является надстройкой над базисом	42
§ 14. Язык не может быть классовым	45
§ 15. Ненаучное, вульгарно-материалистическое утверждение Н. Марра о классовости языка	52
§ 16. Язык как система	55
§ 17. Об изменениях в языке. К постановке вопроса	60
§ 18. Язык и диалекты	61
§ 19. Лингвистическая география	64
§ 20. Социальные диалекты и жаргоны	67
§ 21. Язык как историческая категория	72
§ 22. Основные вопросы развития языка. Об основе развития языка	78
§ 23. О внутренних законах развития языка	79

§ 24. О темпах развития языка	85
§ 25. О характере развития языка	90
§ 26. Об основных процессах развития языков	94
§ 27. От родовых языков к языкам национальным	102
§ 28. О нациях буржуазных и социалистических и их языках	107
§ 29. Будущность наций и национальных языков	110
§ 30. Национальный язык, литературный язык и территориальные диалекты	115
§ 31. Наиболее распространённые языки современности	121
§ 32. Происхождение языка. К постановке вопроса	124
§ 33. Об индивидуалистических теориях происхождения языка	127
§ 34. Учение Энгельса о происхождении языка	128
§ 35. К вопросу о первичности незвукового языка	131
§ 36. О происхождении языка по Н. Марру	134

ОТРАСЛИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

§ 37. Отрасли языкознания. Виды грамматик	136
---	-----

III. ФОНЕТИКА

§ 38. Предмет фонетики. О значении фонетики	140
§ 39. Характеристика звука с акустической точки зрения	144
§ 40. Речевой аппарат, его устройство и функции отдельных его частей	145
§ 41. Работа активных органов речи	147
§ 42. Артикуляция звука и артикуляционная база	149
§ 43. Классификация звуков. Гласные и их классификация	150
§ 44. Долгие гласные	152
§ 45. Дифтонги и трифтонги	153
§ 46. Классификация согласных и основа их классификации	154
§ 47. Артикуляционные особенности согласных и возможности их изменений	156
§ 48. Артикуляция отдельного звука и звука в сочетании с другими звуками	158
§ 49. Фонетическое ударение и его виды	159
§ 50. Логическое ударение	161
§ 51. Энклитика и проклитика	163
§ 52. Такт и слог как фонетические единицы	164
§ 53. Звуковые изменения, обусловленные коартикуляцией (так называемые комбинаторные изменения)	165
§ 54. Звуковые изменения общего характера (так называемые спонтанные изменения)	168
§ 55. Звуковые соответствия в родственных языках	169
§ 56. Звуковые изменения и необходимость учёта их при научном анализе фактов языка	170
§ 57. Фонология и её отношение к фонетике	171
§ 58. Письменная речь и письмо	174
§ 59. Пиктографическое, идеографическое и речевое письмо	175
§ 60. Взаимоотношение языка устного и языка письменного	178

IV. КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

§ 61. Классификация языков. К постановке проблемы	182
§ 62. Морфологическая классификация языков	—
§ 63. Различные толкования морфологических типов	188
§ 64. К оценке значения морфологической классификации	189
§ 65. К вопросу об изменчивости морфологического типа	190
§ 66. Генеалогическая классификация языков	191
§ 67. Семьи языков	198
§ 68. Языки индоевропейской семьи	199
§ 69. О термине „индоевропейские языки“	213
§ 70. Некоторые характерные особенности индоевропейских языков	—
§ 71. Языки семитической и хамитической семей	214
§ 72. Языки угро-финской семьи	216
§ 73. Языки алтайской, или туранско-монгольской, семьи	217
§ 74. Языки манчжурско-тунгусской семьи	218
§ 75. Языки иберийско-кавказской семьи	219
§ 76. Древние языки Передней Азии и Междуречья	224
§ 77. Языки китайско-тибетской семьи	228
§ 78. Языки дравидской семьи	229
§ 79. Индонезийские языки	231
§ 80. Языки Африки и Америки	—
§ 81. Языки Советского Союза в генеалогическом отношении	232
§ 82. Взаимоотношение генеалогической и морфологической классификаций	234
§ 83. Научная несостоятельность стадильной классификации Н. Марра и ненаучный, идеалистический характер анализа по элементам	235

V. МЕСТО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ НАУК

§ 84. Языкознание как общественно-историческая наука	241
§ 85. Прикладное значение науки о языке	242

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие по курсу „Введение в языкознание“, издаваемое Учпедгизом, как было отмечено в предисловии к первому изданию данной книжки, выходит в трёх частях. Предлежащая первая часть вышла в ноябре прошлого, 1952 года. В начале июня текущего года вышла из печати и вторая часть, включающая Семаснологию, Лексикологию, Лексикографию и Этимологию (автор — член-корреспондент АН СССР, действительный член АН Украинской ССР проф. Л. А. Булаховский). Подготавливается к печати и третья часть, посвящённая вопросам Морфологии, Синтаксиса и Стилистики (автор — акад. В. В. Виноградов).

По выходе в свет всех трёх частей состоится широкое обсуждение всего текста, и все три части будут объединены в одну учебную книгу по „Введению в языкознание“.

Предлежащая первая часть разошлась в первые же месяцы после выхода из печати. Чтобы не оставлять без учебного пособия новый контингент первокурсников, потребовалось дать второе издание книжки, не дожидаясь выхода всех трёх частей.

Новое издание воспроизводит текст первого издания почти целиком, без каких-либо существенных изменений. Устранены лишь отдельные неточности, заменены неудачные примеры, запово отредактированы некоторые формулировки, с учётом отзывов и замечаний, полученных как издательством, так и непосредственно автором.

Автор глубоко признателен товарищам, давшим отзывы, высказавшим замечания, которые помогают яснее формулировать вопросы и точнее определить ответы.

* * *

„Введение в языкознание“ в разное время разными авторами понималось по-разному. Обычно в нём давались отрывочные сведения из различных отраслей языкознания, а также классификация языков, по преимуществу индоевропейских.

„Введение в языкознание“ нами рассматривается как элементарный курс „Общего языкознания“, как введение в „Общее языкознание“, в теорию языка и языкознания. У нас пока нет курса „Общего языкознания“. Но „Введение в языкознание“, понятое как элементарный курс общего языкознания, не могло не затронуть принципиальных вопросов науки о языке.

Таковы в первую очередь: взаимоотношение коллективного и индивидуального в языке, исторического и предисторического периода в изучении языка, фонологии и фонетики, языка и мышления.

В связи с этими вопросами считаем нужным отметить следующее:

1. Для научного, марксистского понимания язык — создание и достояние коллектива, язык как средство общения — явление общественное, притом явле-

ние совершенно исключительное по своей важности для жизни и развития общества. Быть средством общения — этим определяется общественная сущность языка: коммуникативная функция и есть ведущая функция. Быть орудием мысли — весьма существенно. И всё-таки эта сторона сущности языка не может играть решающего значения: язык, переставший быть средством общения, не может сохраниться в качестве орудия мысли.

Ставить знак равенства между этими двумя сторонами сущности языка (язык — средство общения; язык — орудие мышления) в принципе неправомерно.

Водораздел между двумя принципиально различными пониманиями сущности языка — индивидуалистическим и социальным — определяется тем, какое место отводится коммуникативной функции. Социальная концепция может быть и материалистической, и идеалистической, но индивидуалистическая концепция не может быть материалистической. Таким образом, социальная концепция — далеко не достаточная, но совершенно необходимая предпосылка научного, марксистского понимания сущности языка. Нельзя защищать марксизм и ограничивать значение социальной сущности языка. Это было бы непоследовательно. Непоследовательность эту, сами того не замечая, проявляют отдельные товарищи.

2. Без историзма нет науки о языке. Более двух тысяч лет существовала *филологическая* грамматика, но не было научного понимания языка. Со второй половины XVII века возникает *философская* грамматика, но и на её основе не смогло возникнуть языкознание. В продолжение столетий увлекались *этимологизированием* слов, но фантастические толкования „первичного значения“ не дали ничего положительного. Задолго до XIX века *сравнивали слова* различных языков, стремясь выяснить родственные взаимоотношения языков, выявить, какой из известных языков служил „началом всех языков“ („праязыком“). Всё это характерно для *донаучного* периода в истории грамматик и изучения языков. Научное изучение начинается с исторического изучения: историческая грамматика (или историко-сравнительная грамматика), естественно, оказалась той основой, на которой впервые могла быть построена наука о языке (в первой четверти XIX века).

Историко-сравнительное языкознание и образует конкретное содержание науки о языке. Общее языкознание должно представлять собой теорию исторического языкознания.

Нет и не может быть „донаучного языкознания“ (языкознание всегда научно), но существовала „донаучная грамматика“ (грамматика филологическая, грамматика рациональная), которая по своим принципиальным установкам противостоит научной, т. е. исторической, грамматике (и описательной научной грамматике, как элементу исторической грамматики).

Современная идеалистическая философия языка в принципе против историзма, против историко-сравнительного языкознания (против „классического языкознания“). Между тем — факт, что всё научно ценное, положительное, что только нам известно о языке, добыто в процессе изучения истории развития языков (языковых семей, групп).

Нельзя строить научную, марксистскую, теорию языка и языкознания, недооценивая принцип историзма. Нельзя должным образом учитывать принцип историзма и не проводить резкой грани между периодом, когда язык изучался без учёта его развития (период очень продолжительный), и периодом, когда язык стали изучать в его развитии.

3. В связи с принципом историзма следует рассмотреть и вопрос о фонологии. Фонология возникла как *психологическая* интерпретация сущности звука. Фонология развивалась как *статическая* дисциплина (с приёмами феноменологического анализа). Психологизм ведёт к *дематериализации* звука: между тем как лишь будучи материальными, звуки речи могут образовать средство общения. Статическая установка фонологии трудно совместима с историзмом: фонология как историческая дисциплина — пока ещё не факт (а подчас даже не программа). Историческая фонетика представляла собой надёжную опору науки о языке. Фонология не является опорой науки о языке.

Смыслоразличительную функцию исследователи вносят в фонему, а не выводят её из свойств фонемы. Если бы сущность фонемы определялась смыслоразличительной функцией, невозможны были бы омонимы. Невозможно было бы понять, как может упрощаться звуковой состав в процессе развития языка (и, следовательно, в процессе обогащения словарного состава). Невозможно было бы понять, как могут диалекты одного и того же языка расходиться по своему фонематическому составу (а эти расхождения бывают нередко значительными).

Фонологию, во всяком случае её определённое течение, трудно оградить от телеологизма, несовместимого с научным объяснением фактов.

Ценное, живое в фонологии — это принцип системности звуков языка. Фонема определяется по её месту в звуковой системе данного языка: звук языка во всей его материальной данности, как элемент звуковой системы языка, — такова фонема. Системный характер звуков языка так же бесспорен и так же ценен, как системный характер фактов морфологии, словообразования, синтаксиса.

Изучать эту системность необходимо. Но для этого нет необходимости фонетику замещать фонологией. Всё ценное, что может фонология дать языкознанию, вполне умещается в фонетике и по сути дела (т. е. в практике исследовательской) и раньше учитывалось в ней. Следует лишь осмыслить это теоретически.

4. Язык и мышление, их взаимоотношение. Проблема эта волнует человечество по меньшей мере две с половиной тысячи лет. Было бы странно, если бы учебник по курсу „Введение в языкознание“ претендовал на решение этой проблемы.

Учебник ограничивается лишь указанием на роль языка как орудия мысли в свете высказываний классиков марксизма и ссылкой на возможные постановки вопроса. Дело систематического курса („Общего языкознания“) дать анализ главных направлений в толковании вопроса и изложить, как понимается советской психологией и физиологией (учением великого русского физиолога И. П. Павлова) процесс формирования мысли в слове.

Следует иметь в виду, что решающее слово здесь принадлежит психологии и физиологии, поскольку речь идёт не о том, какова роль языка в реализации мысли, а о том, как происходит эта реализация, каков процесс воплощения мысли в слове (вопрос этот обходят пока что и психологи, и физиологи; до сих пор никто не ответил, например, на вопрос: как протекает процесс суждения в отличие от процесса восприятия или процесса умозаключения и как следует понимать эти процессы на основе учения о второй сигнальной системе).

Вопрос о локализации речевых центров (точнее — зон) требует разъяснения. Вопрос о локализации в старом понимании не разделяется учением И. П. Павлова, но это вовсе не значит, что учение И. П. Павлова стоит на точке зрения эквивалентности („равных возможностей“) различных участков коры мозга: принцип эквивалентности (Лэшли) логически ведёт к отрицанию зависимости психической деятельности от работы мозга, следовательно, антинаучен¹.

* * *

Работая над текстом, автор старался не упускать из виду, что книга служит учебным пособием, что „Введение в языкознание“ — теоретический предмет, к тому же один из трудных предметов для первокурсника. И это ко многому обязывает.

Автор всюду стремился обосновывать положения: заучить можно и догматически изложенное положение, но понять должным образом можно лишь положение обоснованное. „Введение в языкознание“ должно

¹ О некоторых вопросах, затронутых здесь, мы имели случай подробнее высказаться в статьях: „Язык, как общественное явление...“ (сборн. „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“), „Об основных задачах и вопросах советского языкознания...“ (сборн. „Вопросы теории и истории языка“, 1952).

не только дать определённый объём знаний, но и в какой-то мере научить мыслить лингвистически. А для этого требуется познать факты языка, положения науки о языке. Только должным образом познав изученное, студент научится мыслить лингвистически.

Иллюстративный материал берётся в основном из русского языка. Лектор, естественно, может привлечь дополнительный материал из языков, известных слушателям, в первую очередь — из родного языка студентов.

В главе, посвящённой фонетике, дано лишь самое необходимое. Педагогический опыт подсказывает автору, что материала по фонетике вполне достаточно для того, чтобы помочь правильно понять явления морфологии, синтаксиса, лексики и особенно — этимологии. „Введение“ не может ставить перед собой задач ни специального курса общей фонетики, ни фонетики того или иного языка (о фонологии и её отношении к фонетике см. выше). Иллюстративным материалом (схемами, снимком речевого аппарата и его частей), а также библиографией и индексами, к сожалению, не удалось снабдить и это издание.

Классификация языков, особенно генеалогическая, изложенная здесь относительно подробно, требует к себе значительно большего внимания, чем ей здесь уделено: историческая классификация языков (т. е. генеалогическая классификация) органически связана с историко-сравнительным языкознанием. Необходимо дать подробную лингвистическую характеристику языков, в первую очередь языков Советского Союза (с анализом соответствующих текстов). В рамках данного издания этого сделать было нельзя. Нужна большая предварительная работа. Спорное в генеалогической классификации языков начинается сразу же, как только выйдем за пределы перечисления главных членов индоевропейской семьи (даже классификация наиболее изученных романских языков не бесспорна). Но „спорное“ ещё не значит „ошибочное“.

Нужные карты, к сожалению, ещё не уточнены. Ориентировочно можно пользоваться схематической этнографической картой народов Советского Союза, включаемой в учебные атласы.

* * *

Высказывания классиков марксизма, руководящие положения работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, на которых строится данная учебная книга, органически включены в изложение.

Составить марксистский учебник по „Введению в языкознание“ — дело исключительно ответственное. Эту ответственность автор учитывает в полной мере. Свой текст автор рассматривает как одну из попыток решения сложной задачи с первым приближением. *Необходимо*, чтобы побольше авторов включилось в дело составления учебника по „Введению“ и другим общелингвистическим курсам. Только имея ряд учебных книг *различных авторов* по данному предмету, можно создать учебник, стоящий на должной высоте.

Автор и в дальнейшем примет с благодарностью все замечания, которые помогут улучшить содержание данного выпуска.

Проф. Арн. Чикобава

21. VI. 1953.

Тбилиси, Университетская ул., д. 19, кв. 20.

„Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить своё мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время“.

И. СТАЛИН.

В В Е Д Е Н И Е

§ 1. **Языкознание и общее языкознание.** Языкознанием, или языковедением¹, называется наука о языке.

Следует различать практическое знание языков и научное изучение языка (языков). Можно в совершенстве владеть рядом языков и не иметь никакого представления о языкознании (точно так же, как можно прекрасно петь, но не знать элементов теории музыки).

Говорить на многих языках (быть полиглотом) ещё не значит стать языковедом. Полиглоты имелись во все времена², но это не повело к созданию науки о языке, существующей лишь с XIX века. С другой стороны, среди языковедов полиглоты насчитывались единицами. Практическое знание многих языков желательно, оно помогает языковеду, но не делает языковеда.

Для языковеда требуется научное понимание языка, пусть даже одного единственного. Понять научно язык — это значит изучить основу данного языка — его грамматический строй и основной словарный фонд, — происхождение и развитие как того, так и другого. Для этого обычно требуется изучить группу

¹ Термин *языковедение* звучит, как книжное образование. Термин *языкознание* лишён этого недостатка, но языкознание путают с практическим знанием языков. К тому же от него не образуется прилагательное: *языкознание*, но *языковедческий*. В русском языке употребляется также термин *лингвистика* от французского *linguistique*, в основе которого лежит латинское *lingua* — язык. Термин *лингвистика* представляет собой неудачное образование: *лингва* — *лингвист* — *лингвистика* — срв. *машина* — *машинист* — „*машинистика*“(!).

² Так, например, понтийский царь Митридат, живший во II веке до нашей эры, как утверждает история, знал много языков. Аделунг, немецкий филолог, не случайно озаглавил свою книгу о языках земного шара „*Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde**“ (Митридат, или общее языковедение), 1806.

языков, объединённых по происхождению (группу родственных языков); научно можно изучать и отдельный язык (путём сравнения его диалектов).

Общее языкознание создаётся на базе научного изучения отдельных языков или групп языков, путём обобщения результатов их изучения. В задачи общего языкознания входит осветить следующие вопросы:

1. Что такое язык? В чём состоит сущность языка (язык и общество, язык и мышление и т. д.)? Как развивается язык? Каким образом зародился язык?

2. Каковы специальные методы (приёмы), при помощи которых анализируется язык, изучается его основа (строение, функции), история его развития, взаимоотношение с другими языками?

3. Каковы состав и строение языкознания: какие отрасли языковедческого знания создаются в результате научного изучения языка? Каковы внутренняя связь и взаимоотношение этих отраслей (например, морфологии, синтаксиса, лексикологии, стилистики, фонетики).

4. Какое место отводится языкознанию в системе наук? Относится ли оно к кругу наук естественно-исторических или общественных?

На все эти вопросы общее языкознание, как уже отмечалось, может давать ответы, лишь обобщая опыт научного изучения отдельных языков или их групп.

Чем больше языков изучено научно, тем больше материала окажется для обобщения, тем богаче будет общее языкознание по содержанию. И наоборот, чем меньше языков изучено научно, тем более узкой окажется база, на которой следует строить общее языкознание. А если научно не изучен ни один язык, невозможно и само существование общего языкознания.

Общее языкознание является частью языкознания, а именно теоретической его частью.

„Введение в языкознание“ не что иное, как элементарный курс общего языкознания. „Введение“ знакомит лишь с основными понятиями науки о языке, тем самым вводит в проблематику общего языкознания, с одной стороны, облегчает научное понимание явлений — при изучении конкретных языков, с другой стороны.

„Введение в языкознание“, являясь элементарным курсом общего языкознания, не может представлять собой случайную

сводку данных о языке; оно должно давать минимум сведений в строго определённой последовательности, — если хочет быть курсом, пусть даже элементарным.

§ 2. Научное изучение языка как результат исторического подхода к фактам языка. Язык изучали филологи и философы ещё до начала нашей эры в древних культурных странах Ближнего Востока (каковы: Египет, Ассирия, Вавилон, Хеттское государство), в древнем Китае, в древней Индии и Греции.

Однако научное понимание языка стало возможным лишь на основе сравнительно-исторического изучения родственных по происхождению языков, лишь после введения метода исторического и сравнительного в первой четверти XIX в.

Первыми работами такого рода являются: 1) „Исследование происхождения древнесеверного, или исландского, языка“ датчанина Расмуса Раска (1814 г.; опубликовано в 1818 г.); 2) „О системе спряжения санскритского языка в сравнении с системой спряжения греческого, латинского, персидского и германского языков“ Франца Боппа (1816)¹; „Немецкая грамматика“ Якова Гримма (в четырёх томах; первый том появился в печати в 1819 г.; второе издание первого тома, содержащее историческую фонетику германских диалектов, вышло в 1822 г.); 4) „Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка“ Александра Востокова (1820 г.).

Сравнением языков увлекались и раньше, особенно в XVIII в., пытались выявить родственные языки, писали об изменчивости языка, но сравнение лишено было научного характера: во-первых, сравнивали лишь слова, притом не только основного словарного фонда, но всякие, без разбору, в том числе и заимствованные; грамматический же строй к сравнению не привлекался; во-вторых, сравнение носило случайный характер; внешнее сходство сравниваемых слов решало вопрос.

В результате такого сравнения к правильному выводу могли прийти лишь случайно (так, например, родство европейских языков было подмечено в результате такого сравнения ещё в XVIII в.); обычно же такое сравнение приводило к неверным выводам (так, например, философ Лейбниц считал грузинский

---

¹ Ф. Боппу же принадлежит первая „Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков“ (в трёх томах, 1833—1852 гг.).

язык родственным греческому — опираясь на наличие в грузинском языке таких слов, как *органо*, заимствованных из греческого языка).

Для научного понимания языка имеет значение лишь такое сравнение, которое помогает уяснить историю сравниваемых языков: сравнение служит средством, история же является целью. Вопросы сравнения и истории по-новому ставились у Раска, Боппа, Гримма, Востокова.

Р. Раск доказывал, что существенным является сравнение именно грамматических явлений (формантов) и установление звуковых соответствий.

У Ф. Боппа сравнивается спряжение глаголов родственных языков, т. е. к сравнению привлекаются факты грамматического строя.

Первая историческая формула звуковых изменений в германских языках дана у Я. Гримма („закон Гримма“).

Вопросы истории славянских языков, в частности исторической фонетики, поставлены на научную почву в „Рассуждении о славянском языке“ А. Востокова, независимо от других авторов применившего принципы историко-сравнительного изучения языков.

Таким образом, научное, сравнительно-историческое изучение впервые вводится в языкознание в процессе изучения славянских, германских и родственных с ними индоевропейских языков.

Научное сравнение языков — это сравнение на основе истории и для целей истории. Лишь зная историю, можно понять изучаемое.

Элементарный пример. Глагол русского языка в настоящем времени изменяется по лицам, но не изменяется по родам: наст. вр. — *я работаю, ты работаешь, он, она, оно работает*. В прошедшем времени лица не различаются, глагол, напротив, изменяется лишь по родам, и то в одном лишь единственном числе. Прошедш. вр. — *я работал, ты работал, он работал*, но: *я, ты, она работала, оно работало* (во множественном числе все три лица звучат одинаково: *работали*).

Как могли сочетаться в языке эти два различных принципа спряжения глагола? Какой из этих принципов надо считать свойственным русскому языку?

История спряжения показывает, что изменение глагола по родам нужно считать явлением вторичным: сложное прошед-

шее совершенное время образовывалось описательно из причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола (*работалъ есмь, еси, есть*); причастие могло изменяться лишь по родам; вспомогательный глагол — по лицам. Вспомогательный глагол отпал; в роли личных форм выступили причастия, изменяющиеся лишь по родам, но не по лицам.

В настоящем времени сохранился старый принцип спряжения; изменения произошли в прошедшем времени; тем самым нарушилось единообразие. Без учёта происшедших изменений, без истории данного факта было бы совершенно непонятно, откуда появился разнобой.

Исторический подход к языку потому и есть научный, что он помогает понять явление. Воздействовать на развитие явлений в желательном направлении возможно лишь в том случае, если явление научно понято.

§ 3. Донаучные грамматики — филологическая грамматика и рациональная грамматика. Наиболее известна филологическая грамматика, которую создали индусы и греки. Уже в IV в. до нашей эры мы имеем в Индии законченную систему филологической грамматики — грамматику Панини.

Первая греческая грамматика Дионисия Фракийского, так называемое „грамматическое искусство“ (греч. *technē grammatikē*, лат. *ars grammatica*)¹, создаётся на рубеже II и I в. до нашей эры в Александрии.

Как индийская, так и греческая грамматика изучали лишь письменный язык: в одном случае — памятники древнеиндийского языка, в другом — древнегреческого. Живая речь (индийская, греческая) развивалась, язык древних памятников, сохранившихся в рукописях, становился непонятным. Приходилось давать объяснение непонятных слов, выражений. Надо было восстанавливать искажённые в процессе переписывания места рукописей. В результате такой филологической работы над текстами и возникла филологическая грамматика.

Следует отметить, что в подготовке элементов греческой филологической грамматики — в отличие от индийской — нема-

---

¹ Греки различали *искусство* и *теорию*. Термином *искусство* у греков обозначался спод эмпирических знаний; *искусству* противопоставалась *теория*, т. е. наука в современном понимании.

лую роль сыграла греческая философия, анализировавшая категории речи в интересах анализа мысли и подчас подменявшая грамматическими категориями логические (имя, глагол, падеж и тому подобные понятия и термины созданы греческими философами и унаследованы греческой филологической грамматикой). Индийская филологическая грамматика в анализе фактов языка была более последовательна, чем греческая.

По образцу греческой грамматики была разработана грамматика латинского языка (например, грамматика Варрона — в I в. до нашей эры). В латинской грамматике Доната (IV в. нашей эры), служившей в продолжение ряда столетий школьным учебником латинского языка, филологическая грамматика становится школьной технической грамматикой, которая учит, как писать (и говорить) правильно (по-латински). Термин *грамматика* (от греч. *grammata* — буквы, написанное) со всей ясностью указывает, что она имеет дело лишь с письменным языком¹.

Другой тип донаучной грамматики представлен в грамматике рациональной, или общей (часто называется также философской). Рациональная грамматика была разработана во французском монастыре Пор-Рояле, последователями Декарта (картезианцами).

Первая „Рациональная, или Общая грамматика“, авторами которой явились Арно и Лансло², была издана в 1660 г. В продолжение XVII и XVIII вв. появлялась не одна „общая грамматика“, обычно — под названием философской грамматики.

Рациональная, или общая грамматика построена на определённых принципах. Основные принципиальные положения рациональной грамматики могут быть выражены схематически следующим образом.

Язык — средство выражения мысли. Мысль изучается логикой, язык же — грамматикой. Объекты изучения — мысль и

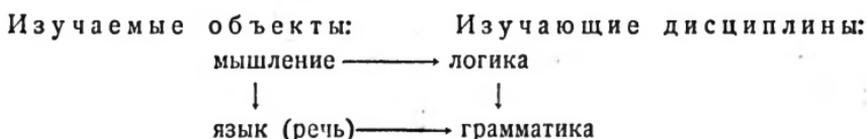
---

¹ У индийских филологов в значении грамматики употреблялся термин *ви-акарана* (*vuakarana*), что значит *анализ*. И в этом проглядывает высокий уровень филологической мысли у индусов (в сравнении с греками).

² Один из этих авторов, именно Арно, принимал участие в составлении также логики, которая по имени философа Декарта называется *картезианской* и была разработана в том же монастыре Пор-Рояле. Картезианская логика и картезианская грамматика (т. е. рациональная грамматика) внутренне связаны между собою, являясь выражением одних и тех же принципов.

язык — внутренне связаны между собой. Соответствующая взаимосвязь должна существовать между логикой и грамматикой: грамматика должна опираться на логику, грамматические категории должны рассматриваться, как выражение логических категорий. Таким образом, взаимоотношением мышления и языка определяется взаимоотношение логики и грамматики.

Наглядно схему этой связи можно представить следующим образом:

Грамматика, основанная на категориях логики, будет грамматикой рациональной (латин. *ratio*, род. *ration-is* — *разум*). Логика одна, следовательно, одна должна быть и грамматика, основанная на категориях логики. Эта одна грамматика не может быть грамматикой того или иного отдельного языка: она с неизбежностью должна быть общей, поскольку изучает только то, что является общим в различных языках, как выражениях мысли. Итак, рациональная грамматика не может не быть общей. Отсюда и название: рациональная, или общая, грамматика.

Основные положения рациональной грамматики в различных вариациях повторялись и впоследствии. Они подкупают стройностью и внутренней целостностью, на первый взгляд являясь вполне убедительными.

Однако принципы рациональной грамматики нельзя признать научно состоятельными. Рациональная грамматика, правда, начинается с совершенно бесспорного положения: язык — средство выражения мысли, но при этом не учитываются два обстоятельства: 1) в различных языках одно и то же содержание мысли может быть выражено различно; 2) более того, в одном и том же языке — в разные периоды его развития — одно и то же содержание мысли может получить различное выражение: язык развивается¹. Развитие языка — вот чего именно не учиты-

¹ Категории мысли также не считаются неизменными: историчность логических категорий теперь общепризнана.

ваает рациональная грамматика, рассматривая язык, как выражение неизменных логических категорий, и, следовательно, как нечто неизменное. Обосновывая необходимость связи между грамматикой и логикой, рациональная грамматика пришла к утверждению неизменности языка, к отрицанию принципа историзма.

Рациональная, или общая (или философская), грамматика в принципе антиисторична.

Вполне естественно поэтому, что рациональная грамматика не смогла привести к научному пониманию языка, оказалась бессильной вызвать к жизни науку о языке (так же, как и грамматика филологическая).

И рациональная, и филологическая грамматика по существу одинаково являются грамматиками донаучными: им в равной мере чужд принцип развития. Изучение языка могло превратиться в науку о языке лишь после того, как принцип развития был применён и к фактам языка.

Наука о языке была создана не на основе филологической или рациональной грамматики, а на основе лишь грамматики исторической.

Тем самым лишний раз подтверждалась правильность положения, известного из истории науки, что изучать явление научно — значит изучать его в развитии. Понять предмет можно лишь в его развитии.

Не случайно истории языка В. И. Ленин отводил почётное место в кругу тех научных дисциплин, „из коих должна сложиться теория познания и диалектика“¹.

§ 4. Советское языкознание как новый этап в развитии науки о языке. Историческое изучение языков — их лексики, грамматического строя, звукового состава, звуковых изменений — выявляет многообразие явлений, в которых находит выражение жизнь языка. Общее языкознание призвано теоретически осмыслить эти процессы и обобщить результаты изучения отдельных языков (и групп родственных языков).

Стремясь теоретически осмыслить конкретные результаты изучения языков, советское языкознание руководствуется принципами диалектического материализма. Этим определяются

---

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, 1933, стр. 321.

основные установки советского, марксистского языкознания, коренное их отличие от установок идеалистического языкознания.

К чему именно обязывают эти установки при решении теоретических вопросов языкознания? Об этом можно судить по отдельным положениям и высказываниям в трудах классиков марксизма—Маркса, Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина относительно сущности, происхождения и развития языка. Следует, однако, отметить, что означенные положения в работах классиков марксизма не служили предметом специального рассмотрения, — они выдвигались в связи с анализом основных проблем марксистской философии¹.

С выходом в свет трудов И. В. Сталина — „Относительно марксизма в языкознании“, „К некоторым вопросам языкознания“, „Ответ товарищам“² — советское языкознание обогатилось классическими работами, в которых даётся систематический анализ узловых теоретических вопросов языкознания и глубоко научное, марксистское их освещение.

Научная несостоятельность идеалистических теорий сущности, происхождения и развития языка для советского языкознания не являлась спорной. Но антимарксистский, вульгарно-материалистический, ненаучный характер так называемого „нового учения о языке“ Н. Марра вскрыт впервые в названных трудах И. В. Сталина.

В трудах И. В. Сталина доказано, что так называемое „новое учение о языке“, которое Н. Марр и его ученики насаждали аракеевскими методами в советском языкознании, как якобы единственно марксистско-ленинскую, подлинно революционную теорию языка, в действительности не имеет ничего общего с марксизмом.

Труды И. В. Сталина о языке дают классическое решение основных вопросов сущности, развития и происхождения языка.

Они требуют глубокого и беспристрастного анализа фактов языка; они в принципе отвергают голое схематизирование в

---

¹ Лишь „Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека“ Энгельса более подробно освещает вопрос о происхождении языка — в связи с основным вопросом о происхождении человека. Монография Энгельса „Франкский диалект“ посвящена конкретному вопросу исторической диалектологии германских языков.

² Изданы вместе под заглавием „Марксизм и вопросы языкознания“, Госполитиздат, 1950.

угоду предвзятым мнениям; они учат изгонять произвол как в расчленении фактов языка, так и в истолковании расчленённого; они создают необходимые методологические предпосылки для того, чтобы советское языкознание стало точной обществоведческой наукой.

Труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“, которым заложены основы советской науки о языке и определены пути его развития, знаменует собой начало нового этапа в развитии вообще языковедческой мысли и, в особенности, общего языкознания.

Я З Ы К, ЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ СУЩНОСТЬ, РАЗВИТИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

---

§ 5. Что такое язык? Язык — общественное явление.

В чём это выражается? „Язык есть важнейшее средство человеческого общения“, — пишет В. И. Ленин¹. Раскрывая общественную сущность языка, И. В. Сталин так определяет язык: „Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания“². Таким образом, язык представляет собою общественное явление именно потому, что он служит средством общения, обмена мыслями и взаимного понимания в человеческом коллективе.

Такой коллектив может представлять собою и род, и племя, и народность, и нацию. Соответственно будем иметь языки: родовой, племенной, язык народности, национальный язык. Во всех этих случаях язык используется в обществе, язык — достояние коллектива.

Язык существует лишь в обществе, благодаря обществу; судьба языка связана с судьбой общества: „Язык относится к числу общественных явлений, действующих за всё время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка“³.

¹ В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, 1914 г. Соч., изд. 4, т. 20, стр. 368.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22.

³ Там же.

§ 6. Процесс речевого общения и его социальная основа. И как средство общения, и как средство обмена мыслями, язык представляет собой общественное явление.

В общении, в обмене мыслями участвуют две стороны: говорящий и слушающий (собеседник). Говорящий — это активная сторона, слушающий — пассивная. Каждое лицо, обладающее речью, выступает то как активная сторона (говорит), то как пассивная (слушает).

И в том, и в другом случае речь протекает в отдельных лицах, в индивидуумах. Как согласовать положение, что язык — общественное явление, с тем фактом, что речевые процессы протекают в отдельных индивидуумах?

Чтобы разобраться в этом, надо присмотреться ближе к процессу речи и его особенностям.

Говорящий исходит из содержания, которое он считает нужным сообщить собеседнику. Чтобы выразить определённое содержание, он подбирает соответствующие слова. Затем органы речи приводятся в движение и нужные слова произносятся, доносятся до слуха собеседника: *хорошая книга; красное знамя; тепло*.

Отправным пунктом для собеседника служит услышанное: услышав слово (или предложение), он уясняет себе соответствующее содержание, осмысливает услышанное. Услышанное может быть понятным или непонятным. Оно бывает понятным, если знаем, что оно означает, т. е. если, услышав слово (предложение), знаем, какой факт действительности имеется в виду у говорящего. Наоборот, услышанное будет непонятным, если этого не знаем, если не в состоянии это уяснить. Так, например, выражения: *хорошая книга, красное знамя*, услышав, поймёт каждый человек, владеющий русским языком: но *бонус либэр, драпó руж* тот же человек не поймёт: услышит, может повторить, но не поймёт, если он, конечно, не знаком с латинским и французским языками (по-латыни *бонус либэр* — *хорошая книга*; по-французски *драпó руж* — *красное знамя*).

Нормальная работа коры головного мозга — необходимое условие для мышления и для речи, которая теснейшим образом связана с мышлением. Речевые акты, в частности, становятся невозможны без участия двух центров: центра Вернике и центра Брокá. Услышанное (*хорошая книга* — *бонус либэр*) воспринимается слушающим как факт речи (а не простой шум!) благодаря наличию акустического или сенсорного центра; помещается

он около первой височной извилины левого полушария; акустический центр речи называется центром Вернике (по имени физиолога, установившего существование такого центра в 1874 г.). Все слова, которые мы помним, потенциально существуют в центре Вернике; поэтому центр Вернике может быть назван „депо слов“, которые были нами услышаны и запомнились.

Чтобы произнести нужное слово, органы речи должны быть приведены в соответствующее движение; они иннервируются при помощи двигательного (моторного) центра речи, который помещается в третьей лобной извилине левого полушария головного мозга; этот центр называется центром Брокá (по имени анатома и хирурга, установившего наличие двигательного центра речи в 1861 г.).

Повреждение центра Вернике влечёт за собой забвение слов (сенсорную афазию). При повреждении центра Брокá мы не в состоянии раздельно произнести звуки (это обычно наблюдается при правостороннем параличе, когда одновременно парализованы правая нога, правая рука и речевые центры, в том числе центр Брока в левом полушарии).

Центрами Брокá и Вернике не исчерпываются те участки коры головного мозга, с которыми связано понимание услышанного и выражение содержания мысли. Но в данном контексте достаточно указать на то, что для нормального процесса речи требуется участие этих двух центров. Стало быть, речевые процессы, так же как и процессы мышления, представляют собою функцию мозга, они обусловлены нормальными физиологическими процессами головного мозга отдельного индивидуума.

Но вследствие этого язык не становится ни явлением индивидуальным, ни явлением физиологическим (или психофизиологическим). Сущность языка не сводима ни к психологии речи, ни к физиологии речи. Сущность языка — социальная. Она определяется общественной функцией языка: быть средством общения, обмена мыслями и взаимопонимания.

Язык немислим без говорящих лиц. „Вне общества нет языка“¹. Язык проявляется в речевых процессах, которые протекают в отдельных лицах, индивидуумах. Но назначение речевых актов не индивидуальное, а межиндивидуальное, социаль-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22.

ное. Речевые акты (слова, предложения) могут выполнять своё общественное назначение, могут быть средством общения, обмена мыслями и взаимного понимания лишь в том случае, если эти факты (слова, предложения) будут использованы не по прихоти индивидуума, а так, как это принято в данном языке, т. е. в данном обществе, в данном языковом коллективе. Отдельное лицо не может по своему усмотрению, произвольно ни использовать наличное в языке слово, ни создать и внедрить в язык новые слова, тем более изменить формулы грамматического строя.

Вместо слова *книга* нельзя употребить „накиг“, вместо *хорошая книга* — „шохорая накиг“. Равным образом, нельзя говорить *хорошая книга* не в обычном значении, а в совершенно ином (допустим, в значении *новая квартира*). Разве трудно произнести „шохорая накиг“ вместо *хорошая книга*? Отнюдь нет: произнести такого рода „слова“ не представляет труда. Но к этой физической возможности вряд ли кто прибегнет: такого рода „слова“ и „сочетания слов“ не пригодны в качестве средства общения, не годятся в качестве средства обмена мыслями.

Говоря по-русски, никто не станет употреблять латинское *бонус либэр* вместо русского *хорошая книга* (*Вот это, действительно бонус либэр!*). „Шохорая накиг“ и *бонус либэр* различаются в одном отношении: „шохорая накиг“ вообще не является фактом языка. В отличие от этого *бонус либэр* является фактом языка, стало быть, может служить средством общения в обществе, говорящем на латинском языке, но оно непонятно и не может служить средством общения в обществе, говорящем на русском языке.

Итак, когда мы говорим: нельзя употребить „шохорая накиг“ вместо *хорошая книга*, то в виду имеется невозможность общественная, социальная, а не физическая (точнее — психофизическая, физиологическая). То или иное лицо вольно изобретать какие угодно „искусственные звуковые комплексы“¹, но они не могут служить средством общения. Те же слова и выражения, которые служат средством общения, отдельное лицо

---

¹ К примеру, таково вольное словотворчество футуриста (Кручёных) „Дыр-бул-щыр убещур скум вы-ско-бур-лэз“. Всё это похоже на „шохорая накиг“. Считать фактами языка такие „слова“, конечно, нельзя. Вряд ли сами футуристы могли обсуждать хотя бы вопросы футуризма, используя свои „дыр-бул-щыр“. Приходилось манифесты писать на обычном языке.

вынуждено использовать именно так, как это принято в данном языке¹. На этом держится общность языка: слова, предложения произносятся отдельными лицами, но они имеют значимость для всего коллектива. Ценность фактов языка, как средства общения, не индивидуальная, а общественная: в этом и находит выражение тот факт, что язык — явление общественное, что язык — создание и достояние коллектива, а не отдельного лица.

§ 7. Монологическая речь и социальность языка. Язык, как средство общения, подразумевает, как сказано выше, говорящего и собеседника, следовательно, речь диалогическую. Но отдельное лицо может говорить с самим собою, говорить наедине; помимо диалогической речи, возможна и речь монологическая.

Как совместить возможность монолога с общественной сущностью языка? Произнося монолог, разговаривая с самим собою, не создают какой-то особый, свой, индивидуальный язык: с самим собою разговаривают на том же языке, который служит для данного лица средством общения с другими лицами. Заменить обычный язык новым, специальным для данного случая, говорящему не удаётся.

Особенно показательна в этом смысле письменная речь. Пишут для отсутствующего собеседника. Однако с этим отсутствующим собеседником приходится считаться больше, чем с присутствующим: в беседе можно быть кратким, можно опускать то, что ясно из контекста. В письменной речи такие сокращения нетерпимы. Пишущий старается выразиться так, чтобы написанное было правильно понято, не вызывало недоразумений. Следовательно, общественное назначение языка и в этом случае не только не снимается (не упраздняется), а, наоборот, резко подчёркивается, сильнее ощущается.

Итак: язык используется отдельным лицом, индивидуумом, но от этого он не становится индивидуальным. Речевые акты протекают как процессы психофизические и физиологические, но сущность языка не ими определяется. Язык, как средство общения, создан человеческим коллективом, создан для колле-

---

¹ Конечно, отсюда не следует, что все лица, говорящие на одном и том же языке, совершенно одинаково используют факты данного языка (слова, предложения): полное тождество, разумеется, здесь не достижимо; но в таком тождестве и нет необходимости: отклонения от общепринятых норм эмпирически допускаются в пределах, которые не затрудняют понимания.

ктивна. Отдельное лицо не в состоянии ни создать язык, ни изменить его, ни использовать наличные языковые факты по своему усмотрению, произвольно. Язык — явление не индивидуальное, а общественное.

§ 8. Язык и мышление. Общаясь, люди обмениваются мыслями, чтобы добиться взаимного понимания. Мысли говорящего становятся доступными слушателю благодаря языку. „Язык есть непосредственная действительность мысли“ (Маркс). „Реальность мысли проявляется в языке“¹.

Обычно думают, что мысли существуют в нашем сознании в готовом виде, а наша речь внешне облекает уже расчленённую готовую мысль. Такое понимание не соответствует действительности. Процесс взаимоотношения мысли и слова значительно сложнее. Готовых, определившихся, расчленённых мыслей не бывает, пока они не найдут словесного выражения. Формируются мысли благодаря слову и в слове. Слово воплощает мысль, в словах расчленяется мысль, точнее — материал мысли: то, что имеется в сознании до его выражения в речи, не что иное, как содержание мысли. Выступает оно обычно то в виде восприятия, то в виде представления (общего или нерасчленённого представления).

Например: перед нами — зелёная трава. Восприятие этой зелёной травы может иметь всякий человек с нормальным зрением. Но воспринимать образ зелёной травы ещё не значит иметь ту или иную мысль о зелёной траве. Если же восприятие зелёной травы мы расчленим, выделим в нём *траву*, как предмет действительности, и *зелёное*, как свойство данного предмета, и это свойство отнесём к предмету, как свойство, ему принадлежащее, — получим мысль: *трава зелёная* (или *трава зеленеет* — в последнем случае свойство как бы порождается предметом).

Расчленив цельное восприятие, выделить в нём предмет и его свойство, далее отнести свойство к предмету — невозможно без слов. Зелёную траву увидит и корова: она потянется к ней и начнёт её щипать. Но у коровы не будет мысли: *это — зелёная трава* или *трава зелёная* (тем более: *трава зеленеет*).

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 39.

Выражая мысли, мы расчленяем соответствующее содержание, устанавливаем отношение между расчленёнными элементами. И то, и другое удаётся при помощи слов. Поэтому и говорят, что наше мышление дискурсивное (расчленяемое) и, будучи дискурсивным, вербальное (речевое).

Одно обстоятельство затрудняет ясно видеть роль языка в процессе членения мысли: в расчленении мысли обычно участвует так называемая внутренняя речь¹, т. е. „представления слов“ — акустические, моторные, оптические (или их сочетание с преобладанием тех или иных представлений). С мышлением непосредственно связана именно внутренняя речь: внутренняя речь как бы „прорастает“ в мышление.

Это давало повод отождествлять мышление с внутренней речью. Соответствующая формула гласила: мыслить — значит говорить без слов.

Единство языка и мышления — бесспорный факт. Но единство языка и мышления нельзя толковать, как их тождество. Допускающий такое тождество тем самым упраздняет проблему взаимоотношения мышления и речи.

Считать язык внешним выражением готовой, уже оформившейся, расчленённой мысли, с одной стороны, и признавать тождество внутренней речи и мышления, с другой стороны, — таковы два полярных понимания вопроса о взаимоотношении языка и мышления. Оба понимания несостоятельны.

Мышление не равнозначно речи, но человеческое мышление не может обходиться без помощи речи, человеческое мышление в нормальном виде и есть речевое мышление: до воплощения в словах в сознании имеется материал мысли, но не готовая мысль. „Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголённых мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует“². „Только идеалисты могут говорить о

---

¹ Каким образом совершается процесс расчленения содержания мысли при помощи внутренней речи, каким образом „разменивается“ „мысленное“ на „словесное“, — это и есть наименее изученный вопрос; а в этом заключается сущность вопроса о взаимоотношении языка и мышления (в плане психологического систематического анализа).

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 39.

мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка»¹.

Лишь благодаря речи, лишь при помощи речи становится возможным, в частности, то отвлечённое мышление, без которого немозможны философия и науки (например, такая отрасль знания, как высшая математика и тесно с ней связанная современная техника).

Когда-то Дюринг писал: „Кто способен мыслить только при посредстве речи, тот еще не испытал, что значит *отвлеченное* и *подлинное* мышление“. Приводя эти слова Дюринга, Энгельс иронически замечает: „Если так, то животные оказываются самыми отвлеченными и подлинными мыслителями, так как их мышление никогда не затемняется назойливым вмешательством речи“².

§ 9. Быть средством общения — определяющая функция языка. Что важнее для языка — быть средством общения или быть средством воплощения мысли? С первого взгляда может показаться, что важнее — это последнее (быть воплощением мысли): ведь нельзя ничего сообщить, если предварительно не воплотить сообщаемое в словах, — сообщают то, что выразили.

И, однако, решающее значение принадлежит назначению языка — быть средством общения („коммуникативной функции“ языка). В пользу этого говорят следующие обстоятельства: язык создавался в человеческом обществе, как средство общения, но не как средство выражения мысли. Язык постольку и может воплощать мысль, поскольку он используется в качестве средства общения. Говорящие на двух (или нескольких) языках мыслят на том языке, который служит основным средством общения. Даже на родном языке перестают постепенно мыслить, если, находясь в иноязычной среде, не имеют возможности на нём говорить. Поэтому-то всякое средство общения приравнивают к языку. Язык, переставший быть средством общения, перестаёт быть и орудием мышления. Он становится мёртвым языком.

Латинский язык в продолжение веков был официальным языком Римской империи. На латинском языке общались устно и письменно; на латинском языке мыслили (владеющие данным

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 39.

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр. 79.

языком). Это был язык с тщательно разработанной грамматической системой. Но латинский язык впоследствии перестал быть средством общения. Латинский язык тем самым перестал быть орудием мышления. Выйдя из употребления, как средство общения и обмена мыслями, латинский язык стал мёртвым письменным языком¹. Место латинского языка заступили новые языки: итальянский, испанский, французский и др. На их стороне было основное преимущество: они были живыми языками, т. е. они служили средством общения, обмена мыслями.

Общественную сущность языка определяет его назначение— быть средством общения („коммуникативная функция“), но не функция — быть орудием воплощения мысли (так называемая „экспрессивная функция“).

§ 10. Язык — необходимое условие возможности общественной жизни. Язык обслуживает общество как средство общения, обмена мыслями и взаимного понимания; в этом выражается одна сторона общественной природы языка. Не менее важна другая сторона: без услуг языка общество не может обойтись, язык необходим для существования общества.

„Обмен мыслями, — пишет И. В. Сталин, — является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества, — стало быть, невозможно само существование общественного производства. Следовательно, без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестаёт существовать как общество“².

Итак, исключительная важность языка в общественной жизни человека характеризуется тем, что без языка невозможно существование общества.

---

¹ Латинский язык продолжал жить искусственной жизнью ещё долго — в среде специалистов. В аптеке, в практике фармацевтов и теперь употребляются латинские выражения, но латинский язык, однако, так же мало подходит на живой язык, как комнатное теплолюбивое растение на тропический лес. Ни один ребёнок не усваивает с колыбели латинский язык как родной язык.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22—23.

Для какого общества особенно необходим язык? Для всякого и всегда. Было время, когда не имелось письменности, человек не умел писать, но говорить он и тогда был в состоянии, мог пользоваться устной речью задолго до появления письменности. История человечества знает периоды, когда не было частной собственности, не было государства. Но не было такого периода в истории, когда бы человеческое общество обходилось без языка. Без языка, как средства общения, нельзя себе представить жизнь человечества и в будущем. „Язык относится к числу общественных явлений, действующих за всё время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества“¹.

О значении языка в истории развития человека И. В. Сталин пишет: „Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить своё мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время“².

Исчерпывающая характеристика общественной природы сущности языка, данная И. В. Сталиным, в полной мере учитывает как *зависимость языка от общества* („Вне общества нет языка“), так и *исключительную важность языка для общества* (без языка немислимо существование общества). Язык зависит от общества, потому что он служит средством общения. Общество немислимо без языка опять-таки потому, что язык есть средство общения.

§ 11. Что составляет основу конкретного языка? Говоря о языке и его общественной природе, мы имели в виду вообще человеческую речь. Но человеческая речь представлена в виде отдельных, конкретных языков: русского, украинского, белорусского, казахского, армянского, литовского, грузинского, эстонского, китайского, немецкого и многих других языков.

Что является характерным и существенным для конкретного языка? Два признака являются наиболее существенными: один

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22.

² Там же, стр. 46.

из них — основной словарный фонд, другой — грамматический строй. „Главное в языке,—учит И. В. Сталин,—его грамматический строй и основной словарный фонд“¹. И там же: „... грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики“².

В основной словарный фонд входят слова, составляющие наиболее древнюю и наиболее необходимую часть словаря, примерно такие, как: *отец, мать, брат, сестра, сын, дочь, человек, земля, вода, дом, дерево, огонь, камень, слово, язык, железо ... деревянный, каменный, железный ... один, два, три, пять, десять, двадцать ... второй, третий ... я, ты, он, мы, вы, они ... мой, твой, свой ... здесь, там, вчера, сегодня, завтра ... работать, делать, строить, пахать, сеять, видеть, любить, иметь, говорить, ходить, пить, есть, стоять, бегать ...*

В основной словарный фонд включаются прежде всего корневые слова, но могут включаться и производные: *двадцать, завтра (← *заутра*), деревянный, каменный, железный, братский ...* „Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живёт очень долго, в продолжение веков и даёт языку базу для образования новых слов“³.

Такие слова, как *троллейбус, трамвай, алгебра, тригонометрия, кратное* (в выражении *наименьшее кратное*), *точка, запятая* и другие подобные слова, вряд ли кто отнесёт к основному словарному фонду, точно так же как *отец, мать, сын, дочь* вряд ли кто усомнится отнести к основному фонду. Но относительно многих слов могут быть колебания. Отсюда не следует, что нет нужды выделять слова основного фонда; наоборот, необходимость эта подчёркивается. При этом следует учесть, что основной словарный фонд не есть величина раз навсегда данная: изменения языка затрагивают и слова основного словарного фонда.

Грамматический строй определяется морфологическими свойствами слова и синтаксическими свойствами словосо-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 28.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 23.

четания. „Грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении“¹.

Грамматический строй в однотипных языках может иметь много общего, но в двух языках, даже наиболее близких, полностью не совпадает. Что же касается расхождений между грамматическими строями языков, то они могут идти очень далеко (вплоть до того, что слово в определённых языках морфологически никаких изменений не даёт и вся тяжесть грамматического строя лежит на синтаксисе: грамматический строй возможен без морфологии, но не без синтаксиса)².

Основной словарный фонд с течением времени изменяется, но эти изменения происходят исключительно медленно. „Грамматический строй языка изменяется ещё более медленно, чем его основной словарный фонд. Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется ещё медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени ...“³.

Из сказанного ясно, почему основа языка (конкретного языка) определяется по этим двум моментам: основной словарный фонд и грамматический строй языка выступают в языке, как наиболее устойчивые стороны.

Сюда же можно было отнести и звуковой состав, если бы он являлся в той же мере характерным для индивидуальности языка, как основной словарный фонд и грамматический строй (в звуковом отношении языки не расходятся в такой степени), и был так же устойчив, как основной словарный фонд и грамматический строй.

Из установления основы конкретного языка естественно вытекает: разные языки постольку и являются разными, поскольку у каждого из них имеется свой основной словарный фонд и свой грамматический строй. Русский и украинский, азербайд-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 23—24.

² Пример тому — китайский язык. Подробнее — в Морфологии.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 25—26.

жанский и казахский, грузинский и армянский, литовский и латышский обладают своими, характерными для них основами.

Древняя и новая ступень в развитии языка может давать существенные различия в основном словарном фонде и грамматическом строе. Древнеармянский и древнегрузинский в отличие от новоармянского и новогрузинского обладают существенными особенностями, однако древнеармянский и новоармянский несравненно ближе по своим основам друг к другу, чем древнеармянский и древнегрузинский. Здесь налицо варианты общей основы, но не разные основы языков.

Французский язык развился из латинского (народного) языка, но французский язык — по своему грамматическому строю и основному словарному фонду — ушёл настолько далеко от латинского, что говорить о вариантах одной основы не приходится: во французском языке мы имеем новую основу, новый язык.

§ 12. Язык не является надстройкой над базисом. Язык, как уже указывалось (§ 5, 9), — общественное явление. Общественные же явления, как правило, относятся или к базису¹ (т. е. экономической основе общества), или к надстройке над базисом.

„... язык, — учит И. В. Сталин, — нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек“². Язык — специфическое общественное явление.

Что это именно так, в этом можно убедиться, если учесть, в чём заключаются основные особенности базиса и надстройки, как общественных явлений, каково их взаимоотношение, и сопоставить их с особенностями языка.

„Базис, — учит И. В. Сталин, — есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения“³.

„Специфические особенности базиса состоят в том, что он обслуживает общество экономически. Специфические особен-

---

¹ Базис (*basis*) — греческое слово, означает *основу, основание* (срв. другой вариант того же слова — *база*.)

² И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат 1952, стр. 36.

³ Там же, стр. 5.

ности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создаёт для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения“¹.

Что язык не относится к экономической основе, к базису, это никогда не вызывало сомнений. Но не так обстояло дело с вопросом, относится ли язык к надстройке. На этот вопрос отвечали раньше утвердительно и специалисты языка, и специалисты философии: и те, и другие считали, что язык, связанный с производством, следует признать надстроечной категорией. Предполагалось, что это с неизбежностью вытекает из основных принципов марксистско-ленинского учения об обществе; утверждалось, что общество не что иное, как совокупность явлений базиса и надстройки; отсюда заключали: всякое общественное явление должно относиться или к базису, или к надстройке; не может существовать такого общественного явления, которое не относилось бы ни к базису, ни к надстройке; язык не может быть отнесён к базису; язык, следовательно, относится к надстройке.

И. В. Сталин доказал, что неверно, будто язык относится к надстройке, доказал, что язык нельзя считать надстройкой над базисом.

И. В. Сталин выдвинул четыре основных признака, по которым язык отличается от надстройки. Все эти признаки, характеризуя отношение к базису надстройки и языка, показывают, что к базису надстройка и язык относятся различно.

Первое отличие языка от надстройки. „Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический — свою. Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка“².

Словом, судьба надстройки — её зарождение, её уничтожение — связана с судьбой базиса. „Язык в этом отношении ко-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 35—36.

² Там же, стр. 5—6.

ренным образом отличается от надстройки“¹. Судьба языка не связана с судьбой того или иного базиса. Язык не зарождается вместе с тем или иным базисом; язык не уничтожается вместе с ликвидацией того или иного базиса.

„На протяжении последних 30 лет в России был ликвидирован старый, капиталистический базис и построен новый, социалистический базис. Соответственно с этим была ликвидирована надстройка над капиталистическим базисом и создана новая надстройка, соответствующая социалистическому базису. Были, следовательно, заменены старые политические, правовые и иные учреждения новыми, социалистическими. Но, несмотря на это, русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота“².

Изменения в русском языке, конечно, произошли: появились новые слова и выражения; из словаря выпало некоторое количество устаревших слов; изменился смысл ряда слов и выражений. Но основной словарный фонд и грамматический строй русского языка, составляющие основу языка, „сохранились в целостности и остались без каких-либо серьезных изменений, — сохранились именно как основа современного русского языка“³.

Второе отличие языка от надстройки. Судьбой базиса определяется судьба надстройки. Поэтому-то надстройка не может безразлично относиться к судьбе своего базиса, к судьбе классов, господствующих при данном базисе: надстройка обслуживает свой базис; она для этого и создаётся, в этом — её общественное назначение. К тому же, завися от базиса, надстройка вовсе не пассивна: надстройка представляет активную силу, обслуживающую свой базис. „... появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы“⁴. „Надстройка для того и создаётся базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 6.

² Там же.

³ Там же, стр. 6—7.

⁴ Там же, стр. 7.

с его старой надстройкой. Стоит только отказаться надстройке от этой её служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла своё качество и перестала быть надстройкой“¹.

Судьба языка, как мы видели (см. первое отличие языка от надстройки), не связана с судьбой базиса. Понятно поэтому, что язык безразличен к судьбе базиса. Язык может обслуживать и новый, и старый базис (экономический строй). Язык при этом безразличен к классам, он одинаково может обслуживать всё общество, все классы общества. „ ... служебная роль языка, как средства общения людей, состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать всё общество, все классы общества. Этим собственно и объясняется, что язык может одинаково обслуживать как старый, умирающий строй, так и новый, подымающийся строй; как старый базис, так и новый, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых.

Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества“².

„В этом отношении язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем, от машин, которые так же безразличны к классам, как язык, и так же одинаково могут обслуживать как капиталистический строй, так и социалистический“³.

Третье отличие языка от надстройки. Надстройка, порождаемая тем или иным базисом, недолговечна: она существует до тех пор, пока существует соответствующий базис. Язык же несравненно более долговечен: он существует в течение ряда эпох (базисов).

„ ... Надстройка есть продукт одной эпохи, в течение которой живёт и действует данный экономический базис. Поэтому

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 7.

² Там же, стр. 7—8.

³ Там же, стр. 9.

надстройка живёт недолго, она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса. Язык же, наоборот, является продуктом целого ряда эпох... язык живёт несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка. Этим собственно и объясняется, что рождение и ликвидация не только одного базиса и его надстройки, но и нескольких базисов и соответствующих им надстроек — не ведёт в истории к ликвидации данного языка, к ликвидации его структуры и к рождению нового языка с новым словарным фондом и новым грамматическим строем¹.

За сто с лишним лет, прошедших со времени смерти Пушкина, в России были ликвидированы два базиса (феодалный строй и капиталистический строй) с их надстройками и возник новый, третий, социалистический строй с его новой надстройкой. Но русский язык „... за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина“².

В такой ломке языка не было и нет никакой общественной необходимости: язык, обслуживавший старый строй, может обслуживать и новый строй без всякой ломки. „... для чего это нужно, чтобы после каждого переворота существующая структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд уничтожались и заменялись новыми, как это бывает обычно с надстройкой? Кому это нужно, чтобы „вода“, „земля“, „гора“, „лес“, „рыба“, „человек“, „ходить“, „делать“, „производить“, „торговать“ и т. д. назывались не водой, землёй, горой и т. д., а как-то иначе? Кому нужно, чтобы изменения слов в языке и сочетание слов в предложении происходили не по существующей грамматике, а по совершенно другой? Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в таком языковом перевороте, если доказано, что существующий язык с его структурой в основном вполне пригоден для удовлетворения нужд нового строя?“³

Ломка языка не нужна общественно, она невозможна фактически: „Уничтожить старую надстройку и заменить её новой можно

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 9.

² Там же, стр. 9.

³ Там же, стр. 10.

и нужно в течение нескольких лет, чтобы дать простор развитию производительных сил общества, но как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не внося анархию в общественную жизнь, не создавая угрозы распада общества? Кто же, кроме донкихотов, могут ставить себе такую задачу?“¹.

Четвёртое отличие языка от надстройки. Оно определяется различным отношением к производству надстройки и языка, различным характером связи между надстройкой и производством, с одной стороны, между языком и производством — с другой.

„Надстройка, — учит И. В. Сталин, — не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе“².

„Язык же, наоборот, связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе“³.

Этим обстоятельством и обусловлены почти непрерывные изменения словарного состава: „Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй“⁴.

С четвёртым отличительным признаком внутренне связано одно существенное обстоятельство:

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 10.

² Там же, стр. 10—11.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же.

„... сфера действия надстройки узка и ограничена“¹, а „... сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична“².

Как было указано выше, раньше и философы, и лингвисты для марксистской постановки вопроса считали необходимым рассматривать язык как надстроечную категорию. Оказалось, что это не так. В учении И. В. Сталина выявлены четыре существенных признака, по которым язык отличается от надстройки.

„Итак: а) марксист не может считать язык надстройкой над базисом; б) смешивать язык с надстройкой — значит допустить серьёзную ошибку“³.

„... язык нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек. Его нельзя также причислить и к разряду „промежуточных“ явлений между базисом и надстройкой, так как таких „промежуточных“ явлений не существует“⁴.

И. В. Сталин указывает также, что язык нельзя причислить и „к разряду производительных сил общества, к разряду, скажем, орудий производства“.

„Действительно, — говорит И. В. Сталин, — между языком и орудиями производства существует некоторая аналогия: орудия производства, так же как и язык, проявляют своего рода безразличия к классам и могут одинаково обслуживать различные классы общества, как старые, так и новые“⁵. Однако это обстоятельство, указывает И. В. Сталин, ещё не даёт основания для того, чтобы причислить язык к разряду орудий производства, так как сходство между языком и орудиями производства и исчерпывается указанной аналогией. „Но зато между языком и орудиями производства существует коренная разница. Разница эта состоит в том, что орудия производства производят материальные блага, а язык ничего не производит или „производит“ всего лишь слова“⁶.

Язык не относится ни к базису, ни к надстройке. Язык следует рассматривать, как специфическое обществен-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 11.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 36—37.

⁶ Там же, стр. 37.

ное явление. Как всякое иное общественное явление, и язык обслуживает общество. Отличительные особенности языка состоят в том, что „язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку...¹“

§ 13. Ошибочность утверждения Н. Марра, будто язык является надстройкой над базисом. За последние двадцать пять лет, вплоть до выхода в свет в 1950 г. труда И. В. Сталина „Относительно марксизма в языкознании“, господствующее положение в советском языкознании занимала теория Н. Я. Марра, называвшаяся „новым учением о языке“. Это так называемое „новое учение о языке“ выдавало себя за единственную марксистско-ленинскую теорию и утверждало, что язык следует рассматривать как надстройку над базисом, что язык — явление классовое. У Н. Марра не давалось никакого обоснования тому, почему язык надо считать надстроечной категорией. Данный вопрос, впрочем, не составлял исключения: в так называемом „новом учении о языке“ вообще не даётся обоснования положений.

В высказываниях Н. Марра недостаёт определённости и самой формулировке положения о надстроечном характере языка.

В ряде случаев Н. Марр подчёркивает зависимость языка от общественной жизни и в этом, казалось бы, видит надстроечный характер языка: „...Для нового учения об языке язык есть надстроечная категория, увязанная своим происхождением с жизнью“².

Однако в большинстве случаев высказывания Н. Марра не оставляют сомнения в том, что язык расценивается Н. Марром, как надстройка над базисом:

„Язык вообще, следовательно, и линейный, тем более звуковой, есть надстроечная категория на базе производства и производственных отношений...“³

Палеонтология речи, „вскрывающая сущность всех языковых явлений“... устанавливает, что „они все, а не только слова, выявляются, как стоимости, связанные с экономикой“⁴.

„Новое учение о языке по яфетической теории основано в первую голову на закономерности возникновения и развития сначала речи, потом слов,

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 36.

² Н. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, 1930, избр. раб., т. I, стр. 279.

³ Н. Марр, К Бакинской дискуссии о яфетидологии и марксизме, 1932, стр. 25.

⁴ Н. Марр, Новый поворот в работе по яфетической теории, 1931, избр. раб., т. I, стр. 334.

как социальных стоимостей, порождаемых производственными отношениями в процессе их диалектического развития и оформляемых мышлением соответственных стадий¹.

С другой стороны, сосредоточивая всё своё внимание на внутренних причинах творческого процесса в развитии речи, мы отнюдь не можем процесс этот помещать в самом языке. Язык — такая же надстроечная общественная ценность, как искусство и вообще искусство².

Рассматривая язык как надстройку над базисом, Н. Марр считал, что: 1) язык, как и все надстроечные категории, является классовым; 2) категории языка отражают социальные взаимоотношения; 3) развитие языка, как надстройки, происходит в полном соответствии с развитием базиса: смена базиса влечёт за собой ломку языка, его революционную перестройку.

О классовости языка в теории Н. Марра речь будет ниже (см. § 14).

В грамматических категориях — падежа, степени сравнения — Н. Марр усматривал социальные взаимоотношения.

К чему приводило положение Н. Я. Марра, что язык есть надстроечная категория, об этом некоторое представление могут дать следующие примеры.

«Это мы видим в армянском слове со значением „собака“, вкладе производственно-социальной группировки с оформлением шипящей группы: в его склонении с безукоризненной разновидностью шипящего типа шип, наличной лишь в прямых падежах, борется разновидность с аканием свистящей группы, шап, прочно засевавшая во всех косвенных падежах, а прямые и косвенные падежи — ведь это „падежи“ пассивные и активные, т. е. социально расцениваемые величины, поскольку на предшествующей ступени стадияльного развития это две различные категории коллектива³.

Прямой падеж, как известно, — это именительный падеж (индоевропейских языков); именительный падеж — падеж подлежащего, представляет собою синтаксически независимый член предложения (управляющий, но не управляемый); по Н. Марру он является социальной величиной; косвенные падежи — дательный, винительный, родительный — падежи дополнения (прямого или косвенного), синтаксически зависимые члены предложения — по Н. Марру тоже социально расцениваемая величина, конечно, иного порядка, чем прямой падеж: синтаксическая активность и пассивность по Н. Марру отражают социальные взаимоотношения („социально расцениваемые величины“), различные социальные категории (господствующего и зависимого слоя).

Рассматривая категории языка (в данном случае падежные категории) как надстроечные явления, т. е. непосредственное отражение производственных отношений в обществе, Н. Марр приходит к вульгарно-социологическому, ненаучному пониманию фактов языка.

Подобное же толкование даётся у Н. Марра степеням сравнения прилагательных.

«Как уже давно разъяснено, степени сравнения — социального происхождения. Они надстройка классового сословного строя, притом слово, служа-

¹ Н. Марр, Язык и мышление, 1931, избр. раб., т. III, стр. 106.

² Н. Марр, Общий курс учения об языке, 1928, избр. раб., т. II, стр. 107.

³ Н. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, 1930, избр. раб., т. V, стр. 239—240.

щее теперь для образования высокой степени, сравнительная она или превосходная, выражало первично не ту или иную высшую ступень того понятия, которое выражается прилагательным, с которым он слит, а принадлежность к тому высокому слою, сословие ли это или класс, который без всякого надбавочного показателя, суффикса или префикса, был господствующим, его название, тотем, — социально расцениваемым как высокая ступень, а суффикс, слово с той же функцией образования степени сравнения на деле означал принадлежность к соответствующему господствующему слою¹.

„Степени сравнения в грамматике оказались: низшая, т. е. положительная отложением названия низшего сословия, средняя или сравнительная — среднего сословия, высшая или превосходная — высшего сословия, а так как сословия — пережиток племён, то в соответственных степенях сравнения первичных прилагательных „хороший“ и „дурной“ вскрылись названия племён, входящих в состав того народа, в языке которого употреблялись определённые степени сравнения“².

Положительная степень прилагательных, по Марру, исторически — названия низшего сословия. Такое предположение Н. Марра лишено научного основания.

Длинный, короткий, широкий, узкий, грязный, чистый, чёрный, белый, красный, весёлый, острый, вкусный..., конечно, нельзя считать названиями ни сословий (стольких сословий не было никогда!), ни племён (таких племенных названий история ни одного народа не знает).

К тому же абсолютное большинство прилагательных образует степени сравнения из одной и той же основы: *длинный, длинее, длиннейший; грязный, грязнее, грязнейший...* Следовательно, нет различных основ (типа *хороший — лучше*), которое бы можно было рассматривать как названия различных сословий или племён и противопоставлять друг другу по своим основам.

Хороший, дурной Н. Марр называет „первичными прилагательными“, не поясняя, на каком основании. Качественная характеристика дана во многих других прилагательных не в меньшей мере. Если делать упор на выражение социальной характеристики, то *высокий, низкий* могли быть использованы для этой цели не в меньшей мере, чем *хороший, дурной*.

Правда, у прилагательного *хороший* степени сравнения могут быть образованы при помощи новых основ: *хороший, лучше*. Такое образование свидетельствует о древности: для выражения разных степеней одного и того же прилагательного использовались разные основы (так называемое супплетивное образование); это значит, что тогда степеней сравнения, образованных при помощи формантов из одной основы (как-то: *красивый, красивее, красивейший*), ещё не было. Но такое древнее состояние сохранилось не только в прилагательном *хороший*, а и у ряда других (*маленький, меньше...*); его не имеется, однако у русского прилагательного *дурной* („*дурнее*“, „*дурнейший*“), также признаваемого Н. Марром „первичным прилагательным“.

„Сословия — пережиток племён“ — это положение служит для Марра исходным. Степени сравнения прилагательных и их квалификация призваны служить иллюстрациями данного положения. Но они для этой цели не подходят.

¹ Н. Марр, К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем, 1931, избр. раб., т. II, стр. 278.

² Н. Марр, Основные достижения яфетической теории, 1924, избр. раб., т. I, стр. 213.

Да и опорное положение, будто название сословия происходит от названия племён, не подтверждается фактами. Название одного из грузинских племён *маргали (мсгрел)* в годы царизма в определённых кругах употреблялось в значении *крестьянина*. Но такое понимание не являлось ни древним, ни распространённым. Обобщение таких наблюдений в виде положения „сословия — пережитки племён“ фактически не обосновано.

Неверная оценка давалась грамматическим фактам (падежам, степеням сравнения) в так называемом „новом учении о языке“ потому, что язык считался надстройкой и в грамматической системе языка Н. Я. Марр и его последователи хотели видеть отражение общественных отношений. Нетрудно было заметить, что это не соответствует фактам действительности, но в чём корень ошибок, — это вскрыли лишь труды И. В. Сталина по вопросам языкознания. Они показали со всей очевидностью, что Н. Я. Марр допускает принципиальную ошибку, рассматривая язык, как надстройку над базисом; они доказали, что сама постановка вопроса о языке, как надстройке над базисом, принципиально неприемлема с точки зрения научного, марксистского понимания фактов языка (см. § 12).

§ 14. Язык не может быть классовым. Вопрос о классовости языка в советском языкознании ставился в связи с тем, что язык — общественное явление, что в истории общественной жизни общественным классам и их борьбе марксизм придаёт исключительное значение. Специалисты философии, многие языковеды, а также историки считали, что марксистская точка зрения на язык требует признавать классовость языка.

Что имелось в виду, когда утверждали, что язык — классовое явление? В чём собственно видели классовость языка? Это было неясно: мерило классовости не указывалось защитниками классовости. У защитников классовости языка не имелось объективного критерия для определения классовости языка.

Может быть, язык потому является классовым, что он служит орудием борьбы классов в классовом обществе? Но тогда тот или иной язык нельзя считать буржуазным или пролетарским: он окажется и буржуазным, и пролетарским в зависимости от того, какому классу он служит орудием борьбы. Более того, если исходить из этого критерия, язык придётся признать индивидуальным явлением: язык служит орудием защиты интересов отдельного лица не в меньшей мере, чем орудием борьбы классов.

О классовости языка можно было бы говорить лишь в том случае, если бы речь различных общественных классов оказалась различной по основным моментам. Но что это за основные моменты, — на это не находилось ответа у защитников классовости. Следовательно, у защитников классовости не имелось

определённого критерия классовости, и тем не менее утверждение о классовости языка носило категорический характер. Более того, считалось, что подлинно научной, марксистской является лишь такая языковедческая теория, которая признаёт классовость языка.

И. В. Сталин установил, что является существенным для языка, чем определяется сущность языка, его специфика (§ 11); тем самым языкознание получило надёжный критерий для решения вопроса, имеем ли в том или ином случае язык или диалект, в частности был выявлен критерий для решения вопроса, что собою представляют классовые особенности речи и может ли вообще существовать классовый язык.

Используя этот критерий, И. В. Сталин доказал, что язык не является классовым; язык не может быть классовым.

Прежде всего вопрос не может ставиться применительно к обществу, где нет классов (к обществу доклассовому или внеклассовому): „Не трудно понять, что в обществе, где нет классов, не может быть и речи о классовом языке. Первобытно-общинный родовой строй не знал классов, следовательно, не могло быть там и классового языка, — язык был там общий, единый для всего коллектива. Возражение о том, что под классом надо понимать всякий человеческий коллектив, в том числе и первобытно-общинный коллектив, представляет не возражение, а игру слов, которая не заслуживает опровержения“¹.

Вопрос об отношении общественных классов к языку и языка к классам может ставиться лишь в классовом обществе.

Каково отношение языка к классам и классов — к языку?

Язык обслуживает все классы общества, как средство общения, проявляет своего рода безразличие к классам, но общественные „классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения“².

Таким образом возникают особенности речи, свойственные тому или иному классу, — классовые особенности. Чаще всего эти особенности сказываются в том, что употребляют характерные для данного класса слова и выражения и, наоборот, избегают употребления определённых слов или выражений, или

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 12.

² Там же, стр. 13.

же вкладывают в то или иное слово своеобразное значение сообразно классовой точке зрения говорящего. Сравним, например, такие слова, как *господин* и *товарищ*. Оба слова были известны и капиталисту, и рабочему царской России. Но рабочий мог использовать слово *господин* лишь в обращении к представителю господствующих классов, но никак не в обращении к товарищам рабочим: это звучало бы оскорбительно. *Господин* было словом пассивного запаса в речи рабочего, *товарищ* — словом активного запаса. С другой стороны, для фабриканта, помещика, для губернатора или полицейского чиновника слово *господин* было обычным, основным для общения с лицами своей же среды (но не в обращении к рабочему или крестьянину; в этом случае оно звучало бы лживо или иронически: „Господа рабочие!“). Слово *товарищ* фабриканту, помещику, губернатору или полицейскому чиновнику было знакомо, но не употреблялось, избегалось, как слово, характеризующее „общественные низы“ и их точку зрения. Равным образом царская полиция, монархические газеты прекрасно понимали, что значит *революция*, *революционер*, но именно поэтому избегали употреблять их, заменяли словами *крамола*, *смута* — *крамольник*, *смутьян*, выражавшими их отношение к революции, к революционерам.

По этой же причине все нации и народности Российской империи — кроме русской нации — у правящих кругов дворянско-помещичьей России именовались „инородцами“, „туземцами“.

В речи общественных классов наличны своеобразные слова и выражения.

Своеобразными словами и выражениями, чуждыми общенародному языку, — указывает И. В. Сталин, — особенно отличаются „верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются „классовые“ диалекты, жаргоны, салонные „языки“¹.

Эти особенности имеются в виду, когда говорят о „дворянском языке“, „буржуазном языке“ — в противоположность „пролетарскому языку“, „крестьянскому языку“. Но в этих выражениях слово *язык* употребляется фигурально. Реально существовали „классовые“ диалекты, классовые жаргоны русского дво-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 13.

рлнства, русской буржуазии, но не было и не могло быть русского дворянского языка, русского буржуазного языка (или русского пролетарского языка, русского крестьянского языка в прямом значении термина *язык*).

Классовые диалекты, классовые жаргоны нельзя считать языками, исходя из сталинского определения основы языка. Как известно, основу языка составляют грамматический строй и основной словарный фонд, а „у этих диалектов и жаргонов нет своего грамматического строя и основного словарного фонда, — они заимствуют их из национального языка“¹. Следовательно, в классовой речи нет того, что делает язык языком.

Кроме того, классовые диалекты и жаргоны „имеют узкую сферу обращения среди членов верхушки того или иного класса и совершенно не годятся, как средство общения людей, для общества в целом“².

Классовые диалекты и жаргоны „представляют ответвления от общенародного национального языка, лишённые какой-либо языковой самостоятельности и обречённые на прозябание“³.

Классовые диалекты (или, точнее, классовые жаргоны) не только не являются языком, но никогда не могут развиваться в самостоятельные языки⁴, в то время как „территориальные“ диалекты при наличии благоприятных условий „могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки“⁵.

Таким образом, в классовом обществе наблюдаются особенности речи того или иного общественного класса, но эти особенности не идут дальше особенностей диалекта, а именно классового диалекта или жаргона, никогда не достигают таких размеров, чтобы можно было говорить об языке („классовом языке“). Классовый жаргон так же не в состоянии превратиться в самостоятельный язык, как не могут превратиться в народ (или в нацию) дворянство или буржуазия.

Таково фактическое положение вещей, исчерпывающий анализ которого дан в труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“.

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 43.

Не считаясь с фактами, защитники классовости говорили о дворянском или буржуазном, пролетарском или крестьянском русском языке в прямом смысле этого слова. Получалось таким образом четыре русских языка; реальными признавались классовые языки, русский же национальный язык превращался в фикцию. [Кто становился на такой ложный путь, должен был сделать два необходимых вывода.

Во-первых, надо было признать, что языки одного и того же класса различных наций ближе друг к другу, чем „языки“ различных классов одного и того же народа; например, дворянский русский „язык“ и дворянский немецкий „язык“, буржуазный русский „язык“ и буржуазный немецкий, французский, английский „языки“, как „языки“ одного и того же класса, пришлось бы считать ближе стоящими друг к другу, чем к „языкам“ других классов того же народа. До этого в сущности и договаривался Н. Марр (см. ниже, стр. 54).

Во-вторых, раз признавалось существование „классовых“ языков, следовало бы признать необходимость „классовых“ грамматик, классовой фонетики, классовой морфологии, классового синтаксиса. „Понятно, — замечает иронически И. В. Сталин, — что у каждого «классового языка» будет своя «классовая» грамматика, — «пролетарская» грамматика, «буржуазная» грамматика. Правда, таких грамматик не существует в природе, но это не смущает этих товарищей: они верят, что такие грамматики появятся”¹.

Существование „классовых“ языков не подтверждается фактами. Признание возможности „классовых“ языков ошибочно в принципе. Защитники „классовости“ языка, как указывает И. В. Сталин, допускают две ошибки принципиального характера. Во-первых, они считают язык надстройкой; надстройка в классовом обществе носит классовый характер; следовательно, заключают они, — язык должен быть классовым. Но язык нельзя считать надстройкой; следовательно, на этом основании нельзя говорить о „классовости“ языка. Во-вторых, защитники „классовости“ языка неправильно толкуют борьбу классов и её последствия в классовом обществе: по их мнению, в условиях ожесточённой классовой борьбы борющиеся классы не нуждаются

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 18.

в общем средстве общения, в языке; они „воспринимают противоположность интересов буржуазии и пролетариата, их ожесточённую классовую борьбу, как распад общества, как разрыв всяких связей между враждебными классами. Они считают, что поскольку общество распалось и нет больше единого общества, а есть только классы, то не нужно и единого для общества языка, не нужно национального языка. Что же остаётся, если общество распалось и нет больше общенародного, национального языка? Остаются классы и «классовые языки»¹. „Конечно, неверно, — учит И. В. Сталин, — что ввиду наличия ожесточённой классовой борьбы общество якобы распалось на классы, не связанные больше друг с другом экономически в одном обществе... Прекращение всяких экономических связей между ними означает прекращение всякого производства, прекращение же всякого производства ведёт к гибели общества, к гибели самих классов. Понятно, что ни один класс не захочет подвергнуть себя уничтожению. Поэтому классовая борьба, какая бы она ни была острая, не может привести к распаду общества. Только невежество в вопросах марксизма и полное непонимание природы языка могли подсказать некоторым нашим товарищам сказку о распаде общества, о «классовых» языках, о «классовых» грамматиках»².

„... Маркс признавал, — пишет И. В. Сталин, — необходимость единого национального языка, как высшей формы, которой подчинены диалекты, как низшие формы»³.

Энгельс писал,⁴ что „...английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия“, что английские рабочие „имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия“, что английские рабочие „говорят на другом диалекте“ — диалекте, но не языке! Энгельс говорит о классовом диалекте английских рабочих — диалекте английского языка, а не о каком-то новом классовом рабочем английском языке! И это несмотря на то, что, по словам Энгельса, английский рабочий класс по своим идеям и предста-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 18.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 15.

⁴ Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, гл. V. Выводы. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, 1929, стр. 415.

влениям, по своим нравам и нравственным принципам, по своей религии и политике так резко отличается от английской буржуазии, как если бы он являлся другим народом.

В. И. Ленин указывал на наличие двух культур при капитализме — буржуазной и пролетарской, но это не может вести к отрицанию единого языка: „единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам...“¹.

Язык не может обслуживать лишь один класс: язык призван обслуживать всё общество, все классы общества.

Язык не может быть созданием того или иного класса: языки возникли задолго до появления классов. Язык будет существовать и после исчезновения классов.

Язык „создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества“². „Язык для того и существует, он для того и создан, чтобы служить обществу, как целому, в качестве орудия общения людей, чтобы он был общим для членов общества и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от их классового положения. Стоит только сойти языку с этой общенародной позиции, стоит только стать языку на позицию предпочтения и поддержки какой-либо социальной группы в ущерб другим социальным группам общества, чтобы он потерял своё качество, чтобы он перестал быть средством общения людей в обществе, чтобы он превратился в жаргон какой-либо социальной группы, деградировал и обрёл себя на исчезновение“³.

Язык — общественное явление. Отсюда защитники классовости заключали, что язык должен быть классовым (в классовом обществе). Язык, — учит И. В. Сталин, — именно потому не может быть классовым, что он — „общественное явление“: язык, являясь средством общения, обслуживает всё общество.

---

¹ В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, 1914 г. Соч., изд. 4, т. 20, стр. 368.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 7.

³ Там же, стр. 8.

Язык, не отвечающий этому призванию, не выполняющий своего общественного назначения, теряет своё качество, т. е. перестаёт быть языком, становится классовым диалектом, жаргоном. В классовом обществе бывают классовые диалекты, точнее, жаргоны, но не бывает „классовых языков“.

„Что касается дальнейшего развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, — то везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения“¹.

То же самое можно сказать и о национальных языках:

„История говорит, что национальные языки являются не классовыми, а общенародными языками, общими для членов наций и едиными для нации“².

Утверждение, будто язык — явление классовое, неверно фактически, несостоятельно научно. Классовость языка не вытекает из принципов марксизма-ленинизма. Марксизм не требует считать язык классовым явлением. Более того: классовость языка несовместима с марксистским пониманием сущности языка.

„Итак:

а) язык, как средство общения, всегда был и остаётся единым для общества и общим для его членов языком;

б) наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а подтверждает наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены;

в) формула о «классовости» языка есть ошибочная, не марксистская формула“³.

§ 15. Ненаучное, вульгарно-материалистическое утверждение Н. Марра о классовости языка. В так называемом „новом учении о языке“ Н. Марра язык объявлялся надстройкой над базисом (§ 13). В связи с этим ненаучное, вульгарно-социологическое толкование давалось таким грамматическим фактам, как падежи, их синтаксические функции, степени сравнения и т. д.

Но вульгаризация материализма в так называемом „новом учении о языке“ ни в чём не выразилась так ярко, как в вопросе о классовости языка.

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 12.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 22.

Н. Марр утверждал, что классовыми являются все языки, существующие ныне, в том числе и национальные языки. Более того, Н. Марр утверждал, что язык всегда был классовым: неклассового языка никогда не было.

Может показаться невероятным, что Н. Марр утверждал это, если не привести соответствующие категорические заявления Н. Марра.

„Утверждаю,— пишет Н. Марр,— с полным сознанием ответственности такого высказывания, расходясь коренным образом со многими моими товарищами, что нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления, которое не было бы классовым“¹.

„Повторяю, внеклассового языка не было доселе, это дело будущего внеклассового общества“².

„Яфетидология отвергает существование внеклассовых языков, все языки, в их числе и национальные языки Европы и Кавказа,— ещё раз повторяем, классовые, притом классовые не в последнюю очередь, а прежде всего“³.

Н. Марр заявлял, что даже зарождение звукового языка было классовым. Звуковая речь, оказывается, создавалась в классово дифференцированном обществе, в среде магов: только они „владели“ первыми словами, используя их не как средство общения, а как магическое средство в обращении к тому⁴.

„... Внеклассового языка доселе не было, язык был классовый с момента возникновения звукового языка, это был язык класса, завладевшего всеми орудиями производства тех эпох, в том числе и магиею-производством!“⁵

„Потребность в звуковой речи,— пишет Н. Марр в другом месте,— возникла с образованием зачатков классовой дифференциации, когда в связи с магиею выработалась специальная группировка с таинственными магическими действиями в плясках и играх, где в процессе мерного выкрикивания стали выделяться... слова-символы магического значения“⁶.

Когда же это происходило? Н. Марр исходит из предположения, что „звуковой язык длится в общем от 50 000 до 500 000 лет и более“⁷. Следовательно, Н. Марр допускает, что „зачатки классовой дифференциации“ имели место, самое меньшее,— 50 тысяч лет тому назад (а то и 500 тысяч лет назад!), когда зарождалась звуковая речь...“⁸

Выходит, если верить Н. Марру, что классы извечны и классовость — изначальное явление. Любопытное обстоятельство: звуковая речь вначале не служила средством общения (говорили руками!), но была уже классовой.

¹ Н. Марр, Язык и мышление, 1931, избр. раб., т. III, стр. 90—91.

² Н. Марр, К Бакинской дискуссии о яфетидологии и марксизме, 1932, стр. 10.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Средством общения служил ручной язык. Подробнее см. ниже — в параграфе о происхождении языка (§ 36).

⁵ Н. Марр, К Бакинской дискуссии о яфетидологии и марксизме, 1932, стр. 10.

⁶ Н. Марр, Постановка учения об языке в мировом масштабе..., 1928, избр. раб., т. IV, стр. 59.

⁷ Н. Марр, Язык и мышление, избр. раб., т. III, стр. 119.

⁸ В работе „К Бакинской дискуссии...“ от 1932 г. Н. Марр истории звуковой речи отводит 60 тысяч лет (стр. 8.).

Классовость по Марру приписывается языку, который не обладает собственной функцией — быть средством общения. В действительности же язык с самого начала служил средством общения, язык создавался именно как средство общения, и это было в глубокой древности, когда, конечно, никаких классов быть не могло, когда даже никакой общественной дифференциации не было.

Отвергая существование неклассовых языков, настаивая на классовости всех языков, Н. Марр писал: „Яфетидология иной подход к изучению языка, как к речи классовой, в исследовании считает неприемлемым“¹.

Н. Марр заявлял, что языки одного и того же класса различных стран, при идентичности социальной структуры, выявляют больше типологического сродства друг с другом, чем языки различных классов одной и той же страны, одной и той же нации; в качестве примера приводились армянский и грузинский языки: древнеармянский и древнегрузинский, как языки феодальной Армении и феодальной Грузии, ближе, мол, друг к другу по системе, типологически, чем древнеармянский к народному армянскому и древнегрузинский к народному грузинскому².

Однако никакого доказательства этой близости, даже никаких поясняющих примеров, в чём эта большая близость, пусть только типологическая, выражается, Н. Марр не даёт, несмотря на то, что об этом говорится в двух работах (от 1928 и от 1930 гг.) и оба раза со ссылкой на армянский и грузинский языки.

Таким образом, это заявление носит характер пустой декларативной левой фразы.

Н. Я. Марр нигде даже не пытался конкретизировать содержание своих декларативных заявлений.

Более того, Н. Я. Марр нигде не указывал определённо, что же собственно он понимает под *классом*: то как будто это был класс в марксистском понимании, то это был класс в совершенно произвольном толковании („производственная группировка“). Когда Н. Марру указывали на недопустимость такого произвольного употребления понятия *класс*, он разъяснял, что класс он употребляет не в марксистском понимании, а в своеобразном смысле, за недостатком другого, более подходящего термина(!)³. Однако в другом случае это не мешало ему заявлять, что „гипотеза Энгельса о возникновении классов в результате родового строя нуждается в серьёзных поправках“⁴ — на основе „нового учения о языке“(!).

Неопределённость основных понятий („класс“, „классовость языка“), отсутствие каких-либо доказательств „классовости“ языка, голословный характер заявлений присущи высказываниям Н. Марра о „классовости“ языка в большей мере, чем высказываниям по другим вопросам.

Этой неясностью основных понятий и прикрывалось ненаучное, антимарксистское положение о „классовости“ языка в так называемом „новом учении о языке“, подменявшем доказательство бессодержательной левой фразой.

¹ Н. Марр, К Бакинской дискуссии... 1932, стр. 19.

² Н. Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком? избр. раб., т. II, стр. 415; К Бакинской дискуссии..., стр. 18—19.

³ Н. Марр, К Бакинской дискуссии... 1932, стр. 39.

⁴ Н. Марр, Актуальные проблемы... 1928, избр. раб., т. III, стр. 75.

Классовость языка Н. Я. Марр и его последователи считали единственно приемлемой для марксизма. Кто отрицал классовость языка, тот — по их мнению — стоял на позициях, враждебных марксизму. Признание классовости языка объявлялось необходимой предпосылкой марксистской постановки вопроса.

В трудах И. В. Сталина доказано, что это не так; признание классовости языка не только не требуется марксизмом, но совершенно несовместимо с ним: марксизм считает неприемлемой именно марровскую установку — подход к изучению языка, как к речи классовой (§ 14).

§ 16. Язык как система. Основу всякого языка составляет грамматический строй и основной словарный фонд (§ 11). На базе основного словарного фонда строится словарный состав языка. Как грамматический строй, так и словарный состав языка образуют систему. Язык в целом представляет собой систему. Общеизвестны выражения: „система склонения такого-то языка сложная“, „система спряжения такого-то языка простая“... Стоит разобраться в реальном значении подобных выражений, чтобы уяснить себе смысл положения: „язык представляет собой систему“.

Что характерно для системы вообще? Каковы основные признаки системы? Из одного предмета (факта) никакой системы нельзя образовать; чтобы получить систему, необходимо иметь ряд предметов (фактов). Но не всякое множество дано в виде системы; множество может быть хаотическим, неупорядоченным или же — организованным, упорядоченным. Упорядоченным оно будет тогда, когда определено взаимоотношение элементов, являющихся составными частями целого. Простейший пример: в аудитории восемьдесят парт; эти парты можно расположить в десять рядов — по восемь парт в ряду — с проходом посередине: по четыре парты с одной и другой стороны прохода. Те же восемьдесят парт можно навалить в аудитории безо всякого порядка, одну поперёк другой (или одну над другой). В первом случае будем иметь упорядоченное множество, во втором же — неупорядоченное, хаотическое. Это простейший случай упорядочения: парты — предметы конкретные, взаимоотношение их в нашем примере определялось по месту, занимаемому каждой из них в пространстве (конкретно: в аудитории). Систему могут образовать понятия: *четырёхугольник — прямоугольник — квадрат; растение — дерево — дуб* (каждое из этих понятий находится в определённом отношении к другим, а именно: каждое из них представляет собою более общее

понятие по отношению к последующим). Систему могут образовать государственные учреждения: *райсовет, областной совет, Верховный Совет республики*. Учебные заведения: *неполная средняя школа (семилетка), полная средняя школа (десятилетка), высшее учебное заведение (университет, институт)*. Всякая система потому и образует нечто целое, что составляющие её части находятся в определённых закономерных отношениях.

В языке мы имеем предложения, которые состоят из слов; эти слова изменяются различно, но изменения эти не произвольны, а закономерны, не индивидуальны применительно к каждому слову, а касаются большей или меньшей группы слов. К примеру: глаголы русского языка в третьем лице единств. числа наст. вр. оканчиваются по-разному: в одних имеем *-ит* (*глядит, висит, горит, кричит, сидит* и т. д.), в других *-ёт, -ет* (*ведёт, несёт, кладёт, плетёт, читает, пишет, отвечает*). Таким образом, две формулы обнимают образование третьего лица (в терминах грамматики это выражается так: в русском языке глагол имеет два спряжения — с флексией *-ит* и с флексией *-ет*).

Если взять склонение имён в русском языке, то окажется, что двух формул недостаточно, чтобы охватить разнообразие падежных окончаний: требуются по меньшей мере три формулы. Такие слова, как *корзина (корзины), трава (травы), стена (стены)*, образуют одно склонение, т. е. изменяются по одной формуле; такие, как *дом (дома), стол (стола), конь (коня), ведро (ведра), море (моря)* — другое склонение, а такие, как *дверь (двери), соль (соли), кровь (крови)*, — третье.

В латинском языке различаются четыре спряжения: *laborat (laborare) — трудится, работает, docet (docere) — учит, legit (legere) — читает, audit (audire) — слышит*. Это значит: изменения глаголов охватываются не двумя формулами, как в русском языке, а четырьмя. Если обратиться к латинскому склонению, то окажется, что типы изменений имён умещаются лишь в пяти формулах (в латинском языке пять склонений): одни имена склоняются, как *silva (silvae) — лес*, другие — как *magister (magistri) — учитель*, третьи — как *pater (patris) — отец*, четвёртые — как *fructus (fructus) — плод, фрукты* и, наконец, пятые — как *res (rei) — дело, вещь*. Склонение имён латинского языка образует более сложную систему, чем склонение русского языка.

Допустим на мгновение, что все имена существительные имеют одни и те же падежные окончания (так обстоит дело, например, в грузинском языке) или все глаголы спрягаются по одной формуле. Это была бы наиболее простая система склонения и система спряжения.

Допустим другую крайность: все глаголы (*работать, сидеть, гореть, кричать, нести, плыть*), сколько их ни есть, образуют различные формы, спрягаются по-разному; допустим, что каждое имя существительное (*травя, корзина, стол, пол, ведро, весло, дверь, сталь, знамя, пламя*) склоняется по-своему, при помощи различных окончаний. Могли бы мы тогда говорить о системе спряжения или склонения? Конечно, нет. Мы имели бы столько спряжений, сколько имеется глаголов, и столько склонений, сколько имён. Пришлось бы изучать склонение и спряжение индивидуально, каждого имени и каждого глагола отдельно.

Однако в действительности таких случаев не бывает. Склонение имён, спряжение глаголов любого языка охватывается определённым количеством формул. Этих формул в одном языке будет больше, в другом — меньше. Чем больше формул, тем меньше фактов будет охватывать каждая из них, тем сложнее будет система спряжения, склонения, и наоборот: чем меньше формул, тем больше фактов будет охватывать каждая из них, тем проще будет система спряжения, склонения. То же можно сказать и о словообразовании. Взять, например, образование отвлечённых имён существительных от имён прилагательных: *молодой — молодость; старый — старость; сырой — сырость; твёрдый — твёрдость; новый — новост* (срв. *новизна*); *узкий — узость; бедный — бедность* (срв. *беднота*); но: *высокий — высота; широкий — широта; красный — краснота*; далее: *белый — белизна; кривой — кривизна* и т. п. Для образования отвлечённых имён существительных требуется несколько формул.

Далее: сочетания слов в предложениях также подводятся под определённые формулы, причём каждая формула охватывает определённый ряд случаев. Простой пример такого сочетания имеем в согласовании прилагательного с существительным: *высокий — дом, столб, парень*, но: *высокая — башня, стена, скала, высокое — дерево, окно*. Для всех случаев сочетания с именами существительными — всего три варианта в единственном числе. Во множественном же числе для всех имён исполь-

зуются только один вариант имён прилагательных, только одна формула: *высокие дома, столбы, башни, скалы, деревья*.

В формулах изменения слов, в формулах сочетаний слов в предложениях¹ находит конкретное выражение грамматическая система языка. Ни в чём так ясно не ощущается системный характер языка, как в процессе усвоения грамматического строя нового, неродного, языка или в процессе заимствования слов из одного языка в другой. Русское слово *Алёша* в произношении японца звучит *Арёша*: в японском слове нет звука *л*, в заимствованных словах его замещает плавный *р*. По той же причине русская фамилия *Жуковский* в немецком произношении звучит *Шуковский* (Schukowsky) — в немецком языке нет звука *ж*, его заступает в заимствованных словах звук того же ряда *ш*. Фамилия классика грузинской литературы XIX в. *Ильи Чевчавадзе* в русском языке передаётся через *ч*, потому что русскому языку чужд специфический „резкий смычный“ *ч'* (тч), обычный в иберийско-кавказских языках. Во всех этих случаях иноязычный материал обрабатывается по действующим нормам усваивающего языка. *Платон*, имя греческого философа, превращается в турецком произношении в *Ифлатун*; французское *station* — *станция* — в *истасион*, английское *стерлинг* — *истерлин*, так как в начале слова турецкий язык не терпит стечения согласных.

При обучении русскому, немецкому, латинскому языкам согласование прилагательных в роде трудно даётся учащемуся, если в его родной речи нет родовых различий („*высокий скала*“ для него звучит так же естественно, как *высокий дом*). Равным образом, „*ученик купил книга*“ может сказать лицо, слабо знающее русский язык, когда в его родном языке нет винительного падежа: русскую фразу он строит по синтаксическим нормам родного языка, выявляя таким образом особенности синтаксической системы родной речи. Конечно, это будет продолжаться до тех пор, пока изучающий не овладеет изучаемым языком.

Можно практически безупречно использовать язык, как средство общения и выражения мысли, не зная, однако, тех формул, в которых выражена система склонения, спряжения, словообразования, система сочетания слов в связной речи; всё это выявляется в процессе изучения грамматики соответствующего языка. Практическое владение языком не означает знания грам-

---

¹ Звуки и их сочетания в словах также носят системный характер.

матики данного языка (так же, как умение ходить не означает наличия соответствующих знаний по анатомии и физиологии). Следует учесть, что изучать приходится и систему родного языка. Грамматику родного языка изучать отнюдь не легче, чем грамматику всякого иного языка, который мы практически знаем.

„Устойчивость языка, — учит И. В. Сталин, — объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда“¹. Устойчивость грамматического строя в свою очередь обусловлена его системным характером: грамматический строй представляет собою строй именно потому, что соответствующие факты носят системный характер. Если бы факты языка не носили системного характера, если бы они находились в агрегатном состоянии, об устойчивости языка так же не могло бы быть речи, как и о грамматическом строе, этой основе языка.

Язык не есть простое скопление множества слов (с аффиксами или без аффиксов) и из них произвольно составленных сочетаний. Каждый язык существует в виде системы, составные части которой находятся в определённой, закономерной связи друг с другом. Системный характер языка проявляется прежде всего в грамматическом строе, представляющем собою одну из основ языка. Тем самым определяется актуальность изучения языка как системы. Изучение языка как системы — одно из необходимых условий научного изучения; это вытекает из того методологического принципа, что для научного (диалектического) изучения необходимо рассматривать изучаемый объект, как связанное, единое целое (в то время как метафизика рассматривает явления, как оторванные друг от друга, изолированные друг от друга, не зависящие друг от друга)². Явления языка следует рассматривать в связи друг с другом (т. е. как звенья системы) и в связи с обществом, обслуживаемым данным языком (т. е. как общественное явление).

Язык представляет собою нечто целое, и это обусловлено тем, что язык есть система. Учитывая целостность языка, некоторые языковеды (М. Мюллер, А. Шлейхер) пытались приравнять язык к организму. Для организма, действительно, характерна целостность. Однако язык нельзя считать организмом.

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 26.

² И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, „Вопросы ленинизма“, изд. 11, 1947, стр. 536.

Организмы рождаются, растут, стареют и умирают. Что касается языка, то язык не обладает свойствами организма, язык — явление не биологическое, а общественное. Правда, язык создаётся и развивается, но это не биологический процесс рождения и роста. Когда один язык развивается из другого (или когда язык возникает из диалекта), то источник этого нового языка перестаёт существовать, он не существует рядом с новым, из него возникшим, языком. Среди живых существ могут сосуществовать и рождённый, и родитель (а то и прародитель: сын — отец — дедушка), в языках этого быть не может.

Далее: рост организма — это процесс биологический; развитие же языка обусловлено развитием общества, это — процесс социальный. Организмы стареют и умирают по непреложным законам живой природы. Язык тоже может „умереть“, перестать существовать как средство общения, но это не биологическая необходимость, а лишь возможность, осуществление которой зависит от общественных условий, в которых приходится существовать носителям данного языка. Таким образом, целостность языка не может считаться основанием, чтобы язык приравнивался к организму. Язык есть система, а не организм.

§ 17. Об изменениях в языке. К постановке вопроса. Язык изменчив. Изменения наблюдаются во всех звеньях системы языка: в словарном составе, в грамматическом строе, в звуковом составе и в звуковых процессах, в значении слов и формантов. Изменения в языке подмечаются, когда мы сравниваем один и тот же язык в различные периоды его существования (например, письменный русский язык эпохи Петра I, т. е. первой четверти XVIII в., и современный литературный русский язык). Изменения в языке подмечаются и в том случае, когда один и тот же язык наблюдают в различных местностях, более или менее удалённых друг от друга (например, русский язык в Вологодской области и в Курской области). Изменения во времени — это изменения исторические. Изменения, наблюдаемые в разных пунктах, связанные с распространением языка на известной территории, суть изменения диалектные. Исторические изменения и диалектные особенности внутренне связаны между собою; особенности, характерные для тех или иных диалектов, являются результатом исторического развития, протекавшего различно в различных условиях.

В этой связи необходимо остановиться как на диалектном разнообразии языков, так и на их исторической изменчивости.

§ 18. Язык и диалекты. В языке, распространённом на значительной территории, выделяются диалекты, или наречия (от греческого *dialectos* — *разговор, говор, наречие*). Это диалекты территориальные. Для диалекта характерны те или иные особенности, по которым один диалект отличается от другого диалекта (а также от письменного языка, когда такой имеется¹). Особенности того или иного диалекта могут обнаружиться в том, что определённые слова одного диалекта не встречаются в другом диалекте или те же слова имеются, но произносятся по-разному, или же произносятся одинаково, но имеют разные значения, или же одни и те же слова отличаются и по произношению, и по значению; далее различие может обнаружиться в грамматических формах (в формах склонения, спряжения, в оформлении грамматических родов, согласовании слов, управлении слов и т. д.), в звуковом составе, в звуковых изменениях и т. п. Совокупность этих особенностей речи определённой территории образует диалект (или наречие). Так, например, в русском языке различают два основных наречия — севернорусское и южнорусское; переходную между ними ступень составляют среднерусские говоры. Севернорусское наречие называют окающим, потому что в нём неударяемое *о* произносится почти как *о*, не сливаясь с гласным *а* (и с его ослабленным вариантом): *водá, здорóвый, свой, одiн*. Акающим называется южнорусское наречие потому, что в нём неударяемое *о* произносится как *а* (или его ослабленные варианты): *вадá (своiй, но свай), здаровый* и т. п. Севернорусское наречие включает области: Ленинградскую, Архангельскую, Вологодскую, Ярославскую, Кировскую, Молотовскую, кроме того: Приуралье, Сибирь, частично Среднее и Нижнее Поволжье. Южнорусское наречие распространено по бассейну верхнего и среднего течения р. Оки в областях: Орловской, Калужской, Тульской, Курской, частично Воронежской, значительной части Московской и Калининской областей. Оканье и аканье, характеризующие речь, являются фонетической чертой, особенно бросающейся в глаза, поскольку они касаются произношения, к тому же произноше-

---

¹ О взаимоотношении диалектов и письменного (литературного) языка см. § 30.

ния многих слов. Но оканьем и аканьем не исчерпываются особенности, совокупностью которых и определяется индивидуальность северного и южного наречий. Для южнорусского, акающего наречия, кроме аканья, характерно:

1. Иканье или яканье: *нису* или *нясу* (= „несу“), *біру* или *бярү* (= „беру“).

2. Замещение звука *г* звуком типа украинского *г* (или *х*): *гарá* (*҃арá* = „гора“), *сапох* (= „сапог“).

3. Употребление мягкого *т* (= *ть*) в окончании третьего лица глаголов: он *хóдить* (= „ходит“), они *визúть* (= „везут“).

4. Употребление в родительном падеже личных и возвратного местоимений в виде: *мине*, *тибе*, *сйбе* (= „меня, тебя, себя“).

Для севернорусского, окающего наречия, кроме оканья, характерно:

1. Сохранение взрывного *г*: *нога*, *говору*.

2. В окончании третьего лица глаголов наличие твёрдого *т* (он *пишет*, они *пишут*).

3. Цоканье и чоканье, т. е. произношение *ц* вместо *ч*, и наоборот: *цас* (= „час“), *цасто* (= „часто“), *цистой* (= „чистый“), *доць* (= „дочь“), *чарь* (= „царь“), *купеч* (= „купец“), *курича* (= „курица“) и т. п.

4. Выпадение *ј* с последующим стяжением гласных: *читат*, (= „читает“), *знам* (= „знаем“), *хозява* (= „хозяйева“) и т. п.

5. Родительный падеж местоимений: *меня*, *тебя*, *себя*, а также ряд других особенностей.

Среднерусские говоры (охватывающие частично области: Псковскую, Новгородскую, Калининскую, Московскую, Ивановскую, Рязанскую, Тамбовскую, Саратовскую), образуя переходную ступень между северным и южным наречиями, по ряду особенностей примыкают к южнорусскому наречию, по некоторым — к северному (расходясь частично и с тем, и с другим).

Среднерусские говоры характеризуются аканьем¹.

Но и внутри диалекта не может быть полного однообразия: трудно допустить, чтобы на всей территории распространения севернорусского наречия (начиная от Ленинградской области и вплоть до Урала) речь одинаково выявляла бы особенности, ха-

---

¹ Приведённые различия наречий русского языка не могут служить полной характеристикой этих наречий (это — предмет русской диалектологии). Они даны здесь лишь в качестве примера особенностей территориальных диалектов.

рактельные для всего окающего севернорусского наречия, и не давала бы никаких дополнительных особенностей, характерных лишь для той или иной области или даже ряда районов данной области.

Так, например, оканье бывает разным: полным в одних местах, слабым — в других. Например, оканье особенно ясно выражено в Ярославской области („ясное о!“); но в отдельных районах Вологодской области, а также Кировской области неудаемое *о* производит впечатление *оу* (*хоуроушо* = „хорошо“).

Чоканье и цоканье тоже неодинаково характеризует всё севернорусское наречие: в одних районах резче проявляется цоканье (Архангельская, Вологодская области), в других — чоканье (например, в определённых районах Кировской области — в Котельнице и др.)

То же самое можно сказать об иканьи (*нису* = „несу“) и яканьи (*нясу* = „несу“), характерных для южнорусского наречия.

Такие особенности дают основание говорить о поднаречиях внутри наречия и о говорах внутри поднаречия, объединять говоры в группы. Так, например, говоры, входящие в севернорусское наречие, объединяют в пять групп (Северная группа, Олонецкая группа, Западная, Восточная и Владимирско-Поволжская группа). Каждая из этих групп могла бы быть признана за поднаречие севернорусского наречия, например: Олонецкое поднаречие севернорусского наречия, Владимирско-Поволжское поднаречие севернорусского наречия и т. д. Равным образом в южнорусском наречии можно было бы выделить: Тамбовско-Воронежское поднаречие южнорусского наречия (с сильным яканьем), Тульско-Калужское поднаречие южнорусского наречия (с умеренным яканьем) и т. д.

Но можно и не выделять поднаречия, а ограничиться лишь понятиями *наречие* (диалект) и *говор*, объединяя в пределах наречия близкие говоры в группы.

В первом случае получится классификация более сложная — с понятиями: диалект (наречие), поднаречие, говор, подговор; во втором более простая: диалект (наречие) и говор. Эти два понятия (наречие, говор) во всяком случае необходимы, поскольку требуется уточнить размеры особенностей, характерных для речи той или иной области, района и т. д.

Наречие, поднаречие, говор, подговор — понятия соотнесённые, причём самую крупную единицу представляет наречие; бо-

лее крупной единицей будет уже язык. Язык членится на наречия. В определённых общественно-исторических условиях диалект того или иного языка может превратиться в самостоятельный язык (см. § 26).

Учение о диалектах (наречиях) называется диалектологией. Следует различать частную диалектологию (например, русская диалектология, украинская диалектология, армянская диалектология, грузинская диалектология и т. п.) и диалектологию в плане общелингвистическом, рассматривающую общие, теоретические вопросы изучения диалектов.

Труднейшим вопросом диалектологии, как общелингвистической дисциплины, является вопрос о разграничении диалектов. Казалось бы, не трудно разграничить диалекты, зная особенности каждого из смежных диалектов. Допустим, что восемь особенностей определяют индивидуальность севернорусского наречия (оканье, ёканье, цоканье, наличие смычного *z*, *читат* вместо *читает* и т. д.) Всякий населённый пункт, в речи которого будут установлены все эти особенности, без колебания можно будет отнести к севернорусскому наречию. А как быть, если обнаруживаются не все восемь особенностей, а четыре или даже пять? Колебаний будет тем больше, чем больше особенностей (например, когда учитываются лексические особенности). Или как быть, когда особенности носят не вполне определённый характер? Например: в одном и том же слове наблюдается и аканье (именительный падеж — *вада, нага*) и оканье (родительный падеж — *воды, ногй*, дательный падеж — *воде, ногэ*)¹.

§ 19. Лингвистическая география. Трудности разграничения диалектов в той или иной мере почти всегда ощущаются. Но они возрастают в зависимости от того, как усиливается влияние диалектов друг на друга, что в свою очередь определяется интенсивностью общения между представителями разных диалектов. Обойти эти трудности пытались некоторые зарубежные диалектологи своеобразным путём, а именно: они пытались изучать особенности, не объединяя их в отдельные диалекты (говоры). Особенности изучались картографическим способом. На карте обозначали места, где встречалась определённая особенность. Пределы распространения той или иной особенности

¹ Отмечено в подмосковных говорах Шашурского района. См. Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, Учпедгиз, 1949, стр. 284.

обозначались линией, которая называется *исоглоссой* (греческое *isos* — *равный, одинаковый*, *glossa* — *речь, язык*)¹. Сколько особенностей, столько карт и создаётся. Карты с обозначенными на них особенностями объединяются в атлас, в так называемый лингвистический атлас (точнее — языковой атлас). Таким образом изучаются языковые особенности, причём пределы их географического распространения и результаты изучения находят отображение на карте. Так в процессе картографического изучения диалектных особенностей возникла лингвистическая география.

Лингвистическая география² изучает диалектные особенности, но отрицает существование диалектов: существуют диалектные особенности, но нельзя выделить совокупность особенностей, которые бы встречались на определённой территории; иными словами: можно определить территорию распространения отдельных особенностей, но нельзя определить территорию распространения диалекта, как совокупности особенностей, поскольку *исоглоссы* не совпадают, а перекрещиваются. Диалектология, отрицающая существование диалекта — так может быть охарактеризована установка некоторых течений зарубежной лингвистической географии (школа Жильерона, Терраше и др.), течений, коренным образом расходящихся с принципиальными установками историко-сравнительного языкознания.

Там, где диалекты интенсивно влияют друг на друга, разграничить их трудно, но этим не снимается вопрос о диалектах: на периферии разграничить их трудно, они могут сливаться, но ядро каждого из них всё-таки может прослеживаться. Пикардийский и лотарингский диалекты французского языка не потеряли своей индивидуальности, несмотря на сильный процесс нивелировки диалектных особенностей французского языка. Следовательно, можно говорить о пикардийском или лотарингском диалектах, как совокупности определённых особенностей.

Лингвистическая география ценна не благодаря отрицанию существования диалектов, а несмотря на это, благодаря кар-

---

¹ Срв. *изотерма* (вернее — *исотерма*) — линия, объединяющая географические пункты с одинаковой температурой; *изобар* (вернее — *исобар*) — линия, объединяющая географические пункты с одинаковым атмосферным давлением.

² По крайней мере тот её вариант, который представлен французскими авторами (школа Жильерона).

тографическому методу изучения диалектных особенностей, распределение которых наглядно бывает представлено на картах при помощи исоглосс или иных условных знаков; например: на карте при каждом населённом пункте будет указана характерная для него особенность (или графически, или при помощи условных знаков), допустим, как произносится местоимение *что* („што“, „ште“, „що“, „чо“) — где какой из этих вариантов употребляется в живой речи¹.

Лингвистическая география не должна противопоставляться сравнительно-историческому языкознанию. Напротив, она может и должна быть использована для изучения истории языка на основе диалектных данных.

Картографический метод изучения диалектных особенностей можно осуществить путём непосредственного изучения данных особенностей на месте (так называемый *прямой метод*) или же анкетным способом. Полноценным надо признать метод непосредственного наблюдения на месте. Анкетный способ имеет то преимущество, что его можно использовать в больших масштабах, с широким привлечением к диалектологической работе сил местной интеллигенции. Но данные, собранные при помощи анкетного способа, должны быть проверены впоследствии прямым методом.

Конечно, предварительно надо установить, каковы те особенности, наличие или отсутствие которых надо проверить в том или ином пункте. Нужен вопросник, нужна программа для собирания особенностей местных говоров. Само собой ясно, что конкретное содержание этих программ для различных языков будет различным, применительно к тому, каковы диалектные особенности изучаемого языка.

Таким образом, составление „Программы“ предполагает, что предварительная работа уже проведена и, по крайней мере, в общих чертах установлено, какие особенности в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике должны стать предметом наблюдения².

---

¹ Соответствующая работа по учёту вариантов местоимения *что* выполнена проф. П. Я. Черных в 1927 г. (см. Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, Учпедгиз, 1949, стр. 303).

² Для изучения диалектных особенностей русского языка в разное время составлено несколько программ: Академией наук (1896), Московской диалектологической комиссией (I, II, 1909, 1911), Институтом языка и мышления (1936); за последнее время программа составлена Институтом русского языка (1945), начавшим работу по составлению большого Атласа русского языка (ныне эта работа ведётся Институтом языкознания АН СССР).

§ 20. Социальные диалекты и жаргоны. От территориальных диалектов следует отличать социальные диалекты. Говоря о социальных диалектах, имеют в виду особенности речи того или иного общественного класса, той или иной общественной группы, лиц определённой профессии, определённой специальности. Следовательно, примерами социальных диалектов могут быть: особенности речи рабочих той или иной специальности (ткача, сапожника, плотника, каменщика, металлиста, железнодорожника, моряка и др.); особенности речи работников умственного труда разных специальностей (врача, агронома, математика, музыковеда, филолога и т. д.); „классовые“ диалекты (точнее — жаргоны) дворянской аристократии, буржуазии (в частности, её верхних слоёв); Энгельс говорит об особом диалекте, на котором говорят английские рабочие, тем самым желая подчеркнуть антагонизм, существующий в капиталистической Англии между господствующим классом буржуазии и угнетённым рабочим классом (см. стр. 50).

Для социальных диалектов характерны определённые особенности; это общий признак как территориальных, так и социальных диалектов: без особенностей речи не было бы вообще диалектов. Но социальные диалекты отличаются от территориальных по ряду важных моментов. Территориальные диалекты разграничены по месту распространения: в одном селе (городе) не будет двух территориальных диалектов; социальные же диалекты территориально не разграничены: в одном городе, даже селе, может быть представлено несколько диалектов социального порядка. Территориальный диалект обслуживает народные массы, социальный же диалект — лишь определённую группу общества. Особенности территориальных диалектов затрагивают и основной словарный фонд, и грамматический строй, и фразеологию, и звуковые явления; в социальных же диалектах особенности в основном приходятся на лексику и фразеологию. Территориальные диалекты существовали издревле, социальные же диалекты появляются в связи с социальным расслоением общества.

Территориальный диалект — это в миниатюре язык; при благоприятных общественно-политических условиях территориальный диалект может развиваться в самостоятельный язык, но социальный диалект не может превратиться в новый язык (как не может превратиться в отдельную народность тот или

иной общественный класс). Характеризуя существенные различия между территориальными и „классовыми“ диалектами, И. В. Сталин пишет: „«Классовые» диалекты, которые правильнее было бы назвать жаргонами, обслуживают не народные массы, а узкую социальную верхушку. К тому же они не имеют своего собственного грамматического строя и основного словарного фонда. Ввиду этого они никак не могут развиваться в самостоятельные языки. Диалекты местные («территориальные»), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки“¹. Всё сказанное И. В. Сталиным о „классовых“ диалектах полностью применимо вообще к социальным диалектам.

Как отмечено выше, центр тяжести в особенностях социальных диалектов падает на лексику и фразеологию.

Это и понятно. Социальные диалекты обусловлены общественным положением и трудовой деятельностью человека вообще, в первую очередь его производственной деятельностью; а язык, — учит И. В. Сталин, — „связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки“². Словарный состав языка наиболее чутко отзывается на изменения социального строя, развитие производства, культуры, науки³.

Профессиональная лексика представляет собой частный случай лексики социальных диалектов. Приведём примеры.

В речи плотника могут найтись названия одиннадцати видов рубанка: *рубанок, шерхебель, медведка, дорожник, шпунтубель, фуганок, зензубель, горбач, штап, гальтель, калевки*. Большинство из этих названий неизвестны сапожнику, слесарю, овцеводу, виноградарю.

И так в любой профессии и специальности.

Парус, мачта, снасти, парусное судно, распустишь па-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполигиздат, 1952, стр. 43.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 25.

руса — общеупотребительные слова и выражения. Но этого нельзя сказать о таких словах и выражениях, как: *рангоут, такелаж, фок-мачта, грот-мачта, бизань-мачта, бушприт, бакштаг, ванта, кабельтов, бегучий такелаж, шхуна двух-мачтовая с марселем и брамселем на фок-мачте, грот-мачта с полным вооружением, отдать швартовы* и т. д.

Но такие слова и выражения для моряка так же обычны, как для нас *парус, мачта, снасти, распустить паруса*. Специальную лексику следует изучать вместе с соответствующими предметами, без этого они непонятны. Это не потому только, что *рангоут, такелаж, бушприт, кабельтов* — слова заимствованные. *Вооружение (грот-мачта с полным вооружением)* — русское слово, но совершенно не подходит под обычное понимание. Никакого „оружия“ на грот-мачте не предвидится, когда говорят: *грот-мачта с полным вооружением; вооружение* здесь означает приспособления, при помощи которых может быть использована движущая сила ветра. *Отдать швартовы* означает „отвязать судно, привязанное при помощи толстого каната, так называемого швартова“; говоря по обычному, *отдать швартовы, отшвартовать* значит „отвязать швартовы“ (срв. слово с противоположным значением: *пришвартовать*).

Или взять лексику шахматистов. Большинство слов, употребляемых шахматистами, не являются иностранными, однако знакомые слова („слон“, „конь“, „пешка“, „король“) вряд ли помогут читателю понять, что происходит на шахматной доске, если он не знает значения этих слов в шахматной игре и правил шахматной игры. Вот выдержки из отчёта о шахматном матче: „Б-к пытался перейти в наступление, но в ответ на это чёрные пешки королевского фланга смело двинулись вперёд. Вскоре все фигуры обоих партнёров сконцентрировались вокруг атакованной центральной пешки белых ... Искусно маневрируя, чёрные продолжали развивать атаку и образовали в центре грозную пешечную цепь. Их фигуры занимали превосходные позиции, а блокированную центральную пешку белых вряд ли можно было защищать. Чемпиону мира, находившемуся в сильном цейтноте, предстояло разрешать исключительно трудные задачи. В худшем положении Б-к допустил просмотр, приведший к потере коня, и тотчас сдался“¹.

¹ „Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР“ от 24 апреля 1951 г.

Или: „Белые пожертвовали слона за две пешки и заняли конём грозную позицию в лагере чёрных ... От чёрных требовалась точная защита. Б-к разменял опасного коня белых, в результате чего преимущество Б-ка стало минимальным. Чёрные сохраняли шансы спасти партию, но в этот момент Б-к не заметил красивого прорыва белых. Б-н предложил жертву двух пешек. Чемпион мира отказался принять жертву, и ему удалось избежать непосредственной угрозы мата. Однако в отложенной позиции у белых сохраняются шансы на победу“¹.

„Королевский фланг“, „конь“, „грозная пешечная цепь“, „блокированная пешка“, „пожертвовал слона“, „разменять коня“, „принять жертву“ — казалось бы, в большинстве своём употребительные русские слова и выражения, но здесь они имеют своеобразное значение. Для не умеющего играть в шахматы все эти: „пожертвовать слона“, „принять жертву“, „разменять коня“ (но не „обменять коня“!) звучат странно, но для шахматиста они полны смысла; они естественны и необходимы для профессиональной лексики шахматиста.

Социальными диалектами в широком смысле слова являются и жаргоны. Жаргоном в прямом смысле слова называется условный язык воров, профессиональных нищих, бродячих торговцев — так называемых офеней, или коробейников, или ходящих (французское *argot* — *воровской язык*; французское *jar gon* — *исковерканный язык*).

Жаргон следует рассматривать как разновидность социального диалекта, поскольку он обслуживает определённые группы людей, объединённых общностью профессиональных интересов.

Язык старых офеней в этом отношении не отличается в принципе от языка портных или скорняков: и здесь, и там своеобразная лексика.

Но портной нарочно не выдумывает слов, чтобы его речь стала непонятной для лиц иной профессии. Своеобразную же лексику жаргона создавали нарочно, чтобы речь была понятной только для людей своего круга, но непонятной для других.

С этой целью общеизвестные слова употребляли в особом значении, например: *фараон* (в значении „полицейский“), *лихорадка* (= „судебное разбирательство“), *стрела* (= „казак“), *галстух* (= „виселица“), *мальчишка* (= „долото“); пользовались иноязычными словами, например цыганскими: *ракло* (= „вор“), *гра*

¹ „Правда“ от 25 апреля 1951 г.

(= „лошадь“), *мандра* (= „хлеб“). К воровскому жаргону относилось, например, выражение: *дуван дуванить* (= „делить добычу“) и т. д.

К лексике офеней (коробейников) принадлежат такие слова, как *галасць* (= „соль“; из греческого *hals*), *скрипы* (= „дверь“), *визжак* (= „кнут“), *рым* (= „двор“), *юсы* (= „деньги“), *тирно* (= „вино“) и т. п.

В жаргоне известные слова употребляют в условном значении или подбирают неизвестные в данном языке слова, или же коверкают слова, чтобы иметь тайный язык. В словах одного из офеней (коробейников), записанных в 1839 г. Срезневским, приводится следующее рассуждение: „Наше дело такое, ходим по чужим местам. Не ровён случай, под иной час надо товарищу что ни есть сказать такое, чтобы свой брат только и понял“¹.

Стремясь создать тайный язык, непонятный для окружающих, искусственно разнообразят общенародную лексику, коверкают слова. Поэтому-то жаргоном называют всякую исковерканную речь. Жаргоном является и „тарабарская“ речь, когда переименовывают слова путём перестановки слогов или же ставя после каждого слова какой-либо произвольный звуковой комплекс.

Жаргон может возникнуть в определённых случаях стихийно. Так, в старину в г. Кяхте, где велась крупная торговля чаем, выработался исковерканный торговый язык, в котором слова были русские, но грамматика нерусская: слова не склонялись и не спрягались, а употреблялись так, как будто это были китайские слова.

И. В. Сталин называет жаргоном социальные диалекты дворянской аристократии и верхних слоёв буржуазии, тем самым подчёркивая, что их речь представляет собой искажение народного языка. „Но люди, отдельные социальные группы, классы, — пишет И. В. Сталин, — далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Со-

---

¹ Приводим по В. Жирмунскому („Национальный язык и социальные диалекты“, 1936, стр. 150).

здаются «классовые» диалекты, жаргоны, салонные «языки»¹. Социальные диалекты дворянской аристократии и верхних слоёв буржуазии потому и представляются жаргонами, что их носители оторвались от народа, они враждебны народу; особенности их речи не просто отклоняются от норм народного языка, а чужды народному языку: эти особенности сводятся к употреблению специфических слов и выражений. Особенности же речи трудовых социальных слоёв не могут быть враждебны общенародному языку: именно речь трудовых масс и составляет основу общенародного языка.

Н. Марр и его приверженцы утверждали, что все языки классовы, что общенародный язык — фикция. Соответственно, в диалектах на первый план выдвигались социальные диалекты, в особенности же „классовые“ диалекты. В противовес этому И. В. Сталин подчёркивает важность территориальных диалектов, исходя из признания ведущей роли общенародного (национального) языка. Значение же социальных диалектов в жизни языка ничтожно. „Классовые“ диалекты и жаргоны имеет в виду И. В. Сталин, когда пишет: „... диалекты и жаргоны представляют ответвления от общенародного национального языка, лишённые какой-либо языковой самостоятельности и обречённые на прозябание“². Анализ особенностей социальных диалектов отчётливо раскрывает их оценку, данную И. В. Сталиным.

§ 21. Язык как историческая категория. Подходить к языку, как к исторической категории,—значит рассматривать язык, как изменяющийся во времени. Изменения, происходящие с течением времени в языке (в диалекте, говоре), редко подмечаются самими говорящими, зато легко замечаются со стороны. Чтобы судить о том, какие изменения произошли за определённый промежуток времени (например, за 50 лет) в говоре такого-то села (района), необходимо иметь конкретный текстовый материал наблюдений, произведённых в начале и конце этого периода. Так, если говор села Новозыбково, Рыбновского района, Рязанской области, описанный, допустим, сорок лет назад, вторично становится предметом изучения в 1951 г., то сличение резуль-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 13.

² Там же, стр. 14.

татов новых наблюдений со старыми даёт возможность точно установить, что и как изменилось за это время в речи новозыбковцев.

Но таких случаев очень мало даже в наше время. Что же говорить о временах, предшествовавших возникновению языкознания, когда диалектная речь вообще-то не изучалась. Поэтому процесс изменения устной речи обычно ускользает от внимания исследователей. Легче прослеживаются изменения, имевшие место в письменном языке; хотя изучаемый материал в данном случае неоднороден, не восходит к одному и тому же источнику, но всё-таки изменения, происшедшие в письменном языке, дают определённую возможность судить о том, что и как изменилось в соответствующем устном языке. Стоит сличить памятники любого письменного языка (русского, украинского, белорусского, эстонского, литовского, латышского и др.) в два различных момента его истории, отдалённых друг от друга значительным промежутком времени, чтобы конкретно представить себе, что изменилось и каким образом. Так, например, если взять отрывок из „Слова о полку Игореве“ (замечательного памятника XII в.), отрывок из Домостроя (XVI в.) и далее отрывок из письма Петра I (первая четверть XVIII в.), станет ясно, насколько своеобразен их язык в сравнении с современным русским литературным языком, каков характер происшедших изменений.

Конечно, язык этих произведений не может полностью отразить устную речь соответствующей эпохи, но даже маленьких отрывков из этих произведений достаточно, чтобы по материалам истории русского языка получить представление об изменчивости языка.

Слово о полку Игореве (XII в.).

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы...

...Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ аркучи: „О Днѣпре Словетицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Подовецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави

насады до плъку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слез на море рано...

В этом отрывке мы встречаем ряд слов и выражений, которые звучат почти так же, как и в современном русском языке, и имеют то же значение: *старыми, времени, кому, орломъ, мыслию, пѣсни, сѣрым, каменные горы, землю Половецкую*...

Но многие слова в нём отличаются от привычных нам или по звуковому облику, или по своей грамматической форме, или по значению, а то и по всем этим моментам. Некоторые же слова из данного отрывка и вовсе не употребляются ныне.

Поясним сказанное примерами.

Взять, например, слово *пѣлк* (т. е. полк): здесь это слово значит „поход“; *Слово о полку Игореве* — „Слово о походе Игоря“.

Трудный — это слово и теперь употребляется, но здесь значение этого слова иное: печальный, горестный. Сообразно: *трудныхъ повѣстий* — печальных повествований.

Лелѣяти — качать, укачивать на воде.

Насад — судно (особого рода); слово, ныне неупотребительное.

Лада — муж, супруг (тоже чуждо современному литературному языку).

Шизый — сизый (*ш* из *с* — диалектный вариант).

Днѣпре, господине! — форма обращения (звательный падеж).

Братие! — братья! *Ны* — нам (дат. пад. множ. числа).

Творити, начати — неопределённая форма (творить, начать).

Пробиль еси, лелѣяль еси — прошед. совершенное сложное (перфект). В современном русском языке его замещает простое образование без вспомогательного глагола (пробил, лелеял).

Быхъ — 1-е лицо прошед. соверш. простого (аориста) от вспомогательного глагола *быти* (быть); с причастием прош. вр. (действ. залога) образует сослагательное наклонение: *быхъ не слала* — не слала бы.

Бяшетъ — 3-е лицо прошед. несоверш. (имперфект) от вспомогат. глагола *быти* (быть): 1-е лицо — *бяхъ*, 2-е лицо — *бяше*, 3-е лицо — *бяшетъ* (или *бяше*).

Домострой (XVI в.).

Како дѣти учити и страхомъ спасати.

Казни сына своего от юности его и поконить ты на старость твою і дасть красоту души твоей и не ослабляй бия младенца, аще бо жезломъ біеши его, не умереть, но здравіе будетъ...

...Воставъ от ложа своего предъ очистивъ себѣ и молебная совершивъ женамъ и дѣвкамъ дѣло указати дневное всякому рукоделию что работы дневная ества варити и которой хлѣбы печи ситные и решетные и сама бы знала какъ мука сѣяти какъ квашня притворити и замѣсити и хлѣбы валяти и печи и квасны и бухоны выпеклися, а колачи и пироги тако же, и колко муки возьмутъ и колко испекуть и колко чево родится ис четверти или из осмины или из решота...¹

Язык Домостроя значительно доступнее, чем язык Слова о полку Игореве.

Но особенностей с точки зрения современного языка в Домострое немало: напр., *казни* — значит накажи; *казни сына своего* — наказывай, подвергай наказанию сына своего (слово *наказание* в те времена употреблялось, но в значении наставление: *наказание от отца к сыну* — наставление отца сыну).

Письмо Петра I во Французскую Академию наук
(от 11 февраля 1721 г.).

...Объявляемъ королевской французской академии наукъ милостивое наше поздравление. Намъ неинако (= не иначе) какъ зѣло (= очень) приятно быть могло, что вы насъ членомъ въ свою кампанию (= общество)² избрали. Мы такожь (= также) не хотели оставить не оказавъ вамъ за то симъ нашего признания (= признательности) и не обнадежа васъ (= не обещавши вам), что мы съ великимъ удовольствиемъ то место, которое вы намъ представляете, приемлемъ (= принимаем), и что мы ничего больше не желаемъ, какъ черезъ прилежность (= старание), которую мы прилагать будемъ, науки въ лучший цвѣтъ привести, себя, яко (= как) достойно вашей кампаниі члена показать. Мы повелѣли первому лейбъ-медику Блюментросту вамъ отъ времени до времени (= время от времени) сообщать о томъ, что

¹ Правописание упрощено, чтобы легче было следить за смыслом.

² Должно было быть: *компанию*.

въ государствахъ и земляхъ нашихъ и разсуждения академии достойного случится и нам зѣло будетъ пріятно, ежели вы съ нимъ корреспонденцію содержать (= переписку вести) и отъ времени до времени оному взаимно сообщать будете, какие новые декуверты (= откритія) отъ академии учинены будут...

Текст данного письма понимается без всякаго затруднения. Особенностью языка является, помимо некоторых книжных архаизмов (*зѣло, яко, неинако*), употребление французских слов (*компания, декуверты*).

Язык приведѣнных выше отрывков наглядно показывает, что за прошедшие восемь столетий русский письменный язык претерпел изменения во всех звеньях своей системы; изменения коснулись: звукового состава (например, в конце слов исчез редуцированный гласный *ѵ*: *орломъ*), звуковых процессов, форм склонения и спряжения, формул сочетания слов в предложениях, значения слов и особенно словарного состава (из употребления вышло немало слов; с другой стороны, в употребление вошло большое количество новых слов).

В древнерусском было три числа: единственное, двойственное и множественное. Двойственное число указывало на два предмета. Двойственное число вначале служило посредствующим звеном между единственным и множественным числом (переходить к множеству от единства исторически было вовсе не так легко, как это теперь нам представляется). Наряду с множественным числом: *сынове* (= „сыновья“), *друзи* (= „друзья“), *кони* различалось двойственное: *сыны* (= „два сына“), *друга* (= „два друга“), *коня* (= „два коня“). В настоящем времени от глагола *нести* множ. число звучало: 1-е лицо — *несѣм*, 2-е лицо — *несѣте*, 3-е лицо — *несуть*, а двойств. число: 1-е лицо *несевъ* (= „мы двое несѣм“), 2-е и 3-е лицо — *несета* (= „вы двое несѣте“, „они двое несут“). Двойственное число было вытеснено множественным числом как в именах, так и в глаголах: конкретная переходная ступень между единицей и множеством отпала.

В спряжении глагола выпало: прошедшее несовершенное: 1-е лицо — *несяхъ*, 2-е лицо — *несяше*, 3-е лицо — *несяше(тъ)*; прошедшее совершенное простое (аорист): 1-е лицо — *несохъ*, 2-е лицо — *несе*, 3-е лицо — *несе*; давнопрошедшее: 1-е лицо — *неслъ бяхъ*, 2-е лицо — *неслъ бяше*, 3-е лицо — *неслъ бяше(тъ)*. Упростилось по своему составу прошедшее совершенное слож-

изе: 1-е лицо — *несль есмь*, 2-е лицо — *несль еси*, 3-е лицо — *несль есть*: вспомогательный глагол отпал, и в значении прошедшего времени осталось лишь причастие прошедшего времени (действит. залога): *нес(л)*, *несла*, *несло*.

Изменения произошли в личных окончаниях глагола, а также в падежных окончаниях имён (например, родит. пад. ед. ч. — *сыну*, дат. — *сынови*).

Из употребления вышли такие слова, как: *жальник* — могила; *божьница* — церковь; *куща* — шатёр, шалаш; *лада* — супруг, муж; *зъло* — очень, весьма; *конь* — предел (срв. *конец*); *сиречь* — то-есть; *шуйца* — левая рука; *скора* — шкура, мех (срв. *скорняк* — специалист по выделке шкур, мехов) и др.

Об изменениях, которые имели место в значениях слов, можно судить по нижеследующим примерам:

Правда значило суд, постановление, закон (срв. „Русская правда“); *правити* — судить, разбирать тяжбу. Слово *гость* значило купец; *гостити* — ездить с торговой целью. *Льто* — год (срв. *Льто от рождества Христова* — в таком-то году от р. Хр.). Слово *год* и тогда употреблялось, но значило время (та же основа в польском *годзина* и поныне сохранила то же значение — время). *Бьда* значило насилие, принуждение. *Жестокий* — крепкий, сильный. *Потребляти* — истреблять. *Сила* — воинство. *Странный* — чуждый. *Недѣля* — воскресный день, воскресенье. *Племя* — родня, родственники и т. д.

Не будь язык изменчив, не ставился бы вопрос о развитии языка. Изменения и составляют содержание процесса развития языка.

Что составляет основу развития языка?

Что такое внутренние законы развития языка?

Каковы основные закономерности и тенденции развития языка?

Какие общие процессы наблюдаются в развитии языков?

К чему ведёт развитие языков? Каковы главные результаты развития?

Вот основные вопросы, на которые следует дать ответ, чтобы иметь более или менее ясное представление о развитии языка. Эти вопросы монографически ещё не разработаны (даже

не все существенные вопросы развития чётко сформулированы). Однако принципиальные установки советского языкознания достаточно ясны для того, чтобы по всем основным вопросам иметь определённые обоснованные ответы. Этим советское языкознание обязано основополагающему труду И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“.

§ 22. Основные вопросы развития языка. Об основе развития языка. Изменения языка представляют собою содержание процесса развития. В результате долгого процесса развития из примитивной речи (языков) первобытного человека выработались многие сотни современных языков, различных по происхождению и по грамматическому строю.

Чем определяется развитие языка? Что составляет основу развития языка? Основу развития языка составляет развитие общества. Это непосредственно вытекает из общественной природы языка. Назначение языка (см. § 5, 6) заключается в том, что он обслуживает общество, как средство общения, обмена мыслями и взаимного понимания, что он помогает людям наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту¹.

Словом, нет такой сферы общественной и частной жизни человека, где бы не требовались услуги языка. Человеческое общество неуклонно развивается, начиная от самых примитивных форм совместной трудовой деятельности в эпоху каменного века вплоть до наших дней, эпохи электрических машин и социалистических революций, переустройства жизни на началах коллективизма.

Обслуживая развивающееся общество, язык не может не развиваться. Языку эпохи каменного века, конечно, было бы не под силу обслуживать современное общество. Условием развития языка служит развитие общества. Нельзя понять историю развития языка, не зная истории общества, истории развития народа, говорящего на данном языке. „Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае,

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 36.

если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“¹.

Взять, например, характер взаимоотношения языков в различных по своему социальному строю обществах.

В обществе, где господствуют эксплуататорские классы, в обществе, состоящем из антагонистических классов, взаимоотношение языков обычно выливается в борьбу между языками, причём из этой борьбы одни языки выходят победителями, другие оказываются побеждёнными. Но борьба между языками сменится сотрудничеством языков, когда будут созданы соответствующие общественные условия, — когда социализм победит во всём мире, „когда мирового империализма не будет уже в наличии, эксплуататорские классы будут низвергнуты, национальный и колониальный гнёт будет ликвидирован, национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет претворено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества“².

Новые закономерности развития языков, таким образом, обусловлены новыми закономерностями развития общества. Тем самым лишний раз подчёркивается зависимость языка, закономерностей его развития, от общества, от закономерностей его развития.

Значит ли это, что развитие языка следует рассматривать как простое отображение развития общества? Конечно, нет.

§ 23. О внутренних законах развития языка. Зависимость развития языка от развития общества бесспорна, поскольку развитие языка обусловлено развитием общества. Вопрос лишь в том, каков характер этой зависимости. Обуславливается ли развитием общества развитие языка таким же образом, каким, например, развитие надстроек обуславливается развитием базиса (экономического строя)? Иными словами: изменяется ли язык как

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22.

² Там же, стр. 53.

надстройка или же в развитии языка мы имеем дело с изменениями иного рода? В зависимости от того, как решается данный вопрос, получаем по существу различное понимание процесса исторического развития языка.

Если бы язык развивался как надстройка (т. е. в зависимости от базисов, как порождение того или иного базиса), история языков должна была бы строиться по принципу общественно-экономических формаций, историю языков пришлось бы приурочивать к истории базисов, устанавливая соответствия между периодами истории языков и периодами истории базисов, общественно-экономическими формациями.

Это значит: если развитие языка мыслилось бы как развитие надстроечной категории, невозможно было бы ставить вопрос о внутренних законах развития языка, этот вопрос оказался бы принципиально неправомерным.

Если же язык развивается не как надстройка, то центральным вопросом истории развития языка будет являться вопрос о внутренних законах развития языка.

Язык, как это доказано в труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“, не является надстройкой¹. Не являясь надстройкой, язык не развивается как надстройка: ни нарождение новых явлений (и, соответственно, образование нового качества), ни смена старого новым в развитии языка не происходит так, как это свойственно явлениям надстройки.

„За это время² племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми. Всё это внесло ещё больше изменений в язык и его развитие.

Однако было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путём уничтожения существующего и построения нового. На самом деле развитие языка происходило не путём уничтожения существующего языка и построения нового, а путём развёртывания и совершенствования основных элементов существующего языка“³.

---

¹ Об этом см. § 12.

² Имеется в виду период времени от глубокой древности до наших дней (А. Ч.).

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 27.

Язык — общественное явление, он не относится ни к категории базиса, ни к категории надстроек: язык — специфическое общественное явление (см. § 12).

Язык развивается в связи с развитием общества, однако зависимость развития языка от развития общества не есть зависимость надстройки от базиса, — язык развивается не как надстройка. Специфике языка, как общественного явления, — учит И. В. Сталин, — соответствует специфика развития языка — на основе развития общества, но развития не как надстроечной категории. Таким образом, принципиальное обоснование получает правомочность и важность изучения внутренних законов развития языка.

„... главной задачей языкознания, — указывает И. В. Сталин, — является изучение внутренних законов развития языка“¹. Само собой ясно, что если бы язык являлся надстройкой и развивался как надстройка, выявление внутренних законов развития языка нельзя было бы признать главной задачей языкознания.

Что представляют собой внутренние законы развития языка?

Под внутренними законами развития языка понимается всё многообразие закономерных изменений словарного состава и грамматического строя, звукового состава и звуковых процессов, значений слов и выражений, — изменений, не сводимых к изменениям в базисе². Изучать эти изменения со всей точностью и во всей полноте по всем языкам и, обобщая, выявлять закономерности развития, основные тенденции развития — вот что требуется смыслом понятия „внутренние законы развития“. Внутренние законы развития строятся на частных формулах и ведут к общим закономерностям, характеризующим основные линии развития языков. Сообразно с этим внутренние законы развития могут быть и частными, конкретными, когда они касаются отдельных языков, и общими, когда формулы изменений охватывают процессы развития во многих языках.

Не останавливаясь на законах частных, приведём несколько примеров, иллюстрирующих общие законы.

Закон неравномерного развития различных сторон языка (лексического состава, основного словарного фонда, граммати-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 30.

² Изменения, вызванные влиянием других языков, естественно, не охватываются внутренними законами развития.

ческого строя), выявленный И. В. Сталиным, представляет собою классический образец внутреннего закона развития языка максимальной общности. Этот закон касается всех языков, всех сторон языка.

Отдельных явлений в различных языках касаются примеры, приводимые ниже.

В истории ряда языков количество заднеязычных согласных уменьшается, наоборот, количество переднеязычных возрастает (этот процесс является, например, вполне закономерным для иберийско-кавказских языков). Имя и глагол вначале не дифференцированы: их дифференциация — результат развития, что подтверждается историей ряда языков.

История ряда языков свидетельствует о тенденции упростить морфологию (формы склонения и спряжения), переноса центр тяжести на синтаксис. В самом синтаксисе процесс согласования предшествует исторически процессу управления (в сложных предложениях развитие идёт от паратаксиста — сочинения — к гипотаксису — подчинению). Абстрактные категории развиваются на базе конкретных и в морфологии, и в лексике. Вот такие примерно положения имеются в виду, когда мы говорим о формулах, обобщающих закономерности и тенденции развития языков, о формулах, воплощающих внутренние общие законы развития языков.

Изучать закономерности развития языков — значит устанавливать формулы, подобные вышеназванным, или готовить материал для таких обобщений, а не сводить изменения языка (во всех случаях, без исключений — будь то явление лексики, семасиологии, морфологии, фонетики) к изменениям в экономическом строе общества.

Те или иные изменения в языке могут иметь соответствия в изменениях, происшедших в жизни общества, но могут и не иметь их. Например, появление нового слова в языке (*пенициллин, стрептоцид, стрептомицин; трактор, комбайн, самосвал, бульдозер, экскаватор; вертолёт, или геликоптер*) всегда имеет реальное основание в объективной действительности: слову в языке соответствует предмет в жизни, — связь названия с обозначаемым им предметом простая и легко прослеживается. Слова *вертолёт* или *самосвал* появились в русском языке потому, что появились соответствующие предметы. Причина появления нового слова обычно совершенно ясна.

А почему исчезло в русском языке двойственное число *несевъ* (= „мы двое несём“), *сыны* (= „два сына“)? Какие изменения в жизни русского общества свели на нет эту категорию? Соответственных изменений, общественных эквивалентов исчезновения морфологической категории двойственного числа не найти: двойственное число, как категория более конкретная, уступило место множественному числу. Следовательно, в данном изменении языка отразилась общая тенденция развивающейся мысли: от конкретного к абстрактному.

А чем же оно вызвано? Прямой причины не указать. Развитие ли ремесла и торговли? Перемещение ли центра политической жизни во Владимир на Клязьме? Распашка ли новых земель? Конечно, ни одно из них.

В древнерусском языке употреблялось (см. § 21) прошедшее не-совершенное (*несяхъ, несяше, несяшетъ*; *бяхъ, бяше, бяшетъ*) или прошедшее совершенное простое (*несохъ, несе, несе*; *быхъ, бы, бысть*). Этих времён ныне русский язык не имеет. Чем вызвана потеря их? Какие изменения в экономическом строе обусловили их исчезновение?

В именит. пад. множ. числа от слова *сын* имели *сынове*, в современном языке — *сыновья*. В род. един. числа было *сыну*, теперь же имеем *сына*. Какова экономическая основа этих изменений?

Говорилось (и писалось) *вода*. Это произношение сохранилось в севернорусском наречии, в южнорусском же наречии появилось аканье: говорят *вада*. Почему в Ярославле удержалось попрежнему *вода*, а в Курске выговор изменился: *вода* превратилась в *вада*? Какие изменения экономического строя в конечном счёте нашли отражение в аканье? Непосредственно — никакие: никакой прямой причинной зависимости между общественно-экономическими явлениями русской жизни и вышеназванными морфологическими и фонетическими изменениями не имеется. Быть может, такая зависимость имела место, да только нам неизвестна? Нет, такой зависимости не было; искать такую зависимость в принципе неправомерно.

Это вытекает из основных положений сталинского учения о специфике языка, о специфике развития языка.

На это же указывает совершенно определённо Энгельс: „Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее

при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими... Прусское государство возникло и развивалось также благодаря историческим и в конечном счете экономическим причинам. Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был предназначен для роли великой державы..., причем это было предопределено именно только экономической необходимостью, а другие моменты не оказывали также влияния... Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономически существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время или объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвижения согласных, расширившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судетов до Таунуса, до настоящей трещины, проходящей через всю Германию¹.

Это высказывание особенно ценно тем, что в качестве примера Энгельс ссылается на фонетический процесс — верхненемецкое передвижение согласных; Энгельс считает смешным объяснять ссылкой на экономические явления, на явления базиса, почему произошло передвижение согласных в немецком языке.

Следовательно, Энгельс не считает возможным сводить все изменения в языке к изменениям в экономической жизни общества, Энгельс считает правомерным признавать внутреннее развитие языка и его закономерности.

Рассматривая язык как надстройку над базисом, Н. Марр пытался вопреки прямому свидетельству фактов сводить факты языка к явлениям базиса без остатка. Тем самым Н. Марр в принципе отвергал саму постановку вопроса о внутренних законах развития языка. Антинаучный, вульгарный социологизм так называемого „нового учения о языке“ не признавал внутренних законов развития языка. Подлинный марксизм — в полном соответствии с фактами истории языков — считает главной задачей языкознания изучение внутренних законов развития языка.

---

¹ Ф. Энгельс, Письмо к Иосифу Блоху от 21—22 сентября 1890 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, 1943, стр. 468.

§ 24. О темпах развития языка. Развитие языка обусловлено развитием общества.

Темпы развития языка зависят от темпов развития общества. Язык жителей тундры, где занимаются одним лишь оленеводством, развивается иными темпами, чем язык населения промышленного центра. Язык „связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе“¹.

Однако нельзя думать, что, отражая эти изменения, все стороны языка развиваются одинаково. Словарный состав языка непосредственно реагирует и чутко отзывается на изменения, происшедшие в общественной жизни и в быту: новый предмет, новое явление должно иметь название, чтобы о нём можно было высказываться в процессе общения и обмена мыслями. „... словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения“². „Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй“³.

За годы существования советской власти в русский литературный язык вошло много слов и выражений, связанных с героической борьбой советского народа за построение социалистического строя, слов и выражений, отражающих эту борьбу. Слова: *рабфак, семилетка, десятилетка, профобразование, заочник; колхоз, колхозник, ударник, стахановец, тысячник, скоростник, отличник, самокритика; плановик, производственник, хозрасчёт, уравниловка, обезличка; трактор, комбайн, сеялка, свёклокопатель; экскаватор, бульдозер, самосвал, генератор; перегиб, оппортунизм, оппортунист, раскулачивание, вредительство, соглашатель, соглашательство, при-*

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 11.

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 11.

миронец, примиренчество, летун; местком, профком, завком, райком, райсовет, горсовет и т. д.

Выражения: *советская власть, Советский Союз, советский народ, Верховный Совет, большевистская принципиальность, генеральная линия партии, пятилетний план, реконструкция народного хозяйства, индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, подъём народного хозяйства и культуры, трудовой подъём масс, смычка города и деревни, социалистическое соревнование, ленинско-сталинская национальная политика и т. д.*

Таких слов и выражений современный русский язык насчитывает сотнями. Новое значение получили слова, употреблявшиеся и раньше, но с другим значением. Слово *пионер* значило: прокладывающий новые пути где-либо или в чём-либо; это старое значение сохранилось; появилось новое: ребёнок и подросток, участник коммунистического движения детей. *Либерализм* в выражении *гнилой либерализм* получает новое значение: *либерализм* — беспринципное благодушие; *космополитизм* в выражении *безродный космополитизм* значит: отсутствие чувства любви к своему народу и уважения к другим народам, отрицание национального суверенитета и государственной независимости народов, отрицание равноправия народов — словом, полная противоположность *интернационализму*; *вредитель* — слово употреблялось и раньше в значении: насекомое, наносящее вред растениям; теперь — приобрело значение: человек, сознательно наносящий вред социалистическому народному хозяйству.

Сколько же новых грамматических явлений появилось в русском литературном языке за это время? В склонении имён, спряжении глаголов — почти никаких. Во всяком случае изменения в грамматическом строе приходится искать, и это не только потому, что такие изменения труднее подметить, но особенно потому, что их мало. Изменения в словарном составе не приходится искать: они бросаются в глаза, их много.

Словарный состав изменяется почти непрерывно; но очень медленно изменяется основной словарный фонд. Ни одно из таких слов, как *отец, мать, брат, сестра, мой, твой, свой, один, пять, десять; трудится, работает, учится, читает, пишет; вчера, сегодня, здесь, там*, не вышло из употребления. Изменения произошли в смысле обогащения основного словарного фонда: *Советы, большевик, партия, коммунист, колхоз*

ник, советский, большевистский, колхозный — следует считать вошедшими в основной словарный фонд русского языка. Большинство же новых слов советского периода является достоянием словарного состава, но пока ещё не влилось в основной словарный фонд. Такие слова, как *уклонист, уравниловка, обезличка, летун*, вряд ли удержатся даже в словарном составе: они относятся к прошлому. Одно такое слово — *непрерывка* уже выпало из словарного состава.

Итак: „Словарный состав изменяется почти непрерывно“, но основной словарный фонд изменяется очень медленно. „Грамматический строй языка изменяется ещё более медленно, чем его основной словарный фонд“¹.

Звуковой состав языка, как правило, мало подвержен изменениям, но он не в такой степени устойчив, как грамматический строй.

Каковы источники пополнения словарного состава? Новые слова образуются на основе старых; таковы, например: *производственник* (от слова *производство*), *ударник* (от *ударный*), *отличник* (от *отличный*), *заочник* (от *заочный*), *примиренец* (от *примирение*, срв. *примиряться*), *плановик* (от *плановый*), *вертолёт* (от *вертеться* и *летать*) и т. д. В этом случае словарный состав обогащается путём использования собственных возможностей: собственные основы и собственные суффиксы (и другие средства словообразования — соединение основ) дают возможность выразить нужное содержание.

Однако не было и нет такого языка, который бы обходился при помощи одних лишь собственных лексических средств. Во всех языках имеются заимствованные слова². Например: *пролетариат, диктатура, коммунизм, коммунист, комитет, центр, комиссия, контроль, коллектив, индустрия, реконструкция, трактор, комбайн, экскаватор, бульдозер, институт, факультет, университет* и многие сотни таких слов, как в русском языке, так и во многих других языках, являются заимствованными из других языков³.

---

¹ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1952, стр. 25.

² Особо стоит вопрос о лексической непроницаемости (для заимствований) китайского языка.

³ В большинстве случаев это слова, построенные из латинских и древнегреческих основ.

Слов, усвоенных из других языков, в одних языках больше, в других — меньше. Бывает и так, что в том или ином языке заимствованных слов оказывается больше половины (так, например, в табасаранском языке в Дагестанской АССР или в персидском языке); однако это не угрожает существованию языка, не представляет угрозы для самобытности языка. Наплыв иноязычного материала в словарном составе не страшен для языка, покуда его основной словарный фонд и грамматический строй сохранены. Пока эти жизненные центры языка целы, пока основа языка сохранена, самобытности не угрожает опасность. Язык усвоит заимствованный словарный материал в любом количестве и, обработав применительно к нормам своей системы, использует его для своего обогащения. В каждом языке имеются слова, заимствованные из других языков, но, вплетённые в органическую ткань системы данного языка, они не воспринимаются как чужеродный материал. Разве только специалистам истории данного языка известно происхождение многих из них (впрочем, часто и им не всегда известно, „свое“ ли данное слово или „чужое“ по происхождению).

Основой языка — его основным словарным фондом и грамматическим строем — определяются как самобытность, так и устойчивость языка.

Это обстоятельство приобретает исключительное значение, когда существованию языка грозит опасность в результате насильственной ассимиляции. „История отмечает большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции. Некоторые историки, вместо того, чтобы объяснить это явление, ограничиваются удивлением. Но для удивления нет здесь каких-либо оснований. Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда. Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьёзные изменения, было воспринято не мало турецких слов и выражений, были и «схождения» и «расхождения», однако балканские языки выстояли и выжили¹. Почему? Потому, что

---

¹ То же можно сказать про лазский (или чанский) диалект занского языка, ближайше родственного грузинскому: он подвергается насильственной ассимиляции со стороны турок целых четыре столетия, особенно жестокой в наши дни, но держится упорно, сохраняя свою самобытность (А. Ч.).

грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились¹.

Сохранились же они потому, что „Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох“².

Развитие различных сторон языка протекает неравномерно: темпы развития звукового состава, грамматического строя, основного словарного фонда и словарного состава далеко не одинаковы.

Отсюда следует: в наличном состоянии языка рядом с новейшими фактами уживаются древнейшие явления, а это исключительно ценно для изучения истории языка. Другого вывода нельзя сделать, если учесть, что основной словарный фонд и элементы грамматического строя должны были иметься с начала существования того или иного языка. „Надо полагать, что элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный, с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но всё же грамматическим строем“³.

Следовательно, в современных языках бок о бок с фактами, отображающими явления нашей жизни, даже дела последних дней, могут быть представлены факты глубокой древности, времён, предшествующих эпохе рабства (срв. слова: *мать, брат... и: автомобиль, экскаватор...*).

Таков результат неравномерности развития разных сторон языка. Особо следует отметить другое явление — неравномерность темпов в развитии различных языков. Из двух языков, развитие которых, казалось бы, протекает почти в одинаковых условиях, в одном представлены явления глубокой древности, в то время как в другом этого нет (так, например, в литовском языке сохранилась архаичная система ударения, в родственном же литовскому латышском языке этого не отмечается).

Архаичность одних языков в сравнении с другими языками свидетельствует о том, что хотя все языки развиваются, разви-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 26.

² Там же.

³ Там же.

тие их происходит неравномерно. Объяснить неравномерность развития языков представляет собой одну из труднейших задач теории развития языка.

§ 25. О характере развития языка. Развитие языка происходит на основе развития общества. В развитии общества, — если это общество состоит из враждебных классов, — переход от одного общественно-экономического строя к другому совершается при помощи революций (революционных взрывов).

Как происходит в языке переход от старого к новому, образование нового языка из старого языка? В развитии языка тоже имеет место переход от старого к новому, замена одного языка другим. Так, например, древнерусский язык уступил место новому русскому языку; древнегрузинский язык, язык памятников V—XI вв., сменился новогрузинским языком; место древнеармянского языка (грабара) занял в XIX в. новоармянский язык (ашхарабар). Аналогичные факты имеем в истории и других языков. В истории немецкого языка выделяются: древневерхне-немецкий (VIII—XI вв.), средневерхне-немецкий (XI—XIV вв.), нововверхне-немецкий (с XVI в.); в истории французского языка также различают: старофранцузский (IX—XVI вв.) и новофранцузский (с XVI в.; язык XIII—XVI вв. часто выделяют, как среднефранцузский). Древнеанглийский, среднеанглийский и новоанглийский различают в истории английского языка.

Во всех этих случаях мы имеем дело с одним и тем же языком: развитие языка привело к образованию нового варианта того же языка. Но в нём произошли существенные изменения; без этого было бы невозможно противопоставлять современный русский язык древнерусскому, новогрузинский — древнегрузинскому, новоармянский — древнеармянскому, новофранцузский — старофранцузскому и т. д.

Переход от старого к новому может значить и выход за пределы данного языка. Из народного латинского языка образовались языки: итальянский, французский, испанский, каталонский, португальский, румынский. В этом случае новое отличается от старого в значительно большей степени, чем в выше-названных примерах; в результате развития мы получили новый язык (со своим основным словарным фондом и со своим грамматическим строем), а не новый вариант, новую ступень в развитии основы того же языка.

Как происходит образование новой ступени в развитии старого языка? Как происходит образование нового языка из старого? Происходит ли появление нового языка в результате революционного взрыва в развитии языка? На последний вопрос ответ может быть лишь отрицательный. Это станет очевидным, если учесть, что составляет основу языка и каковы темпы изменения различных сторон языка.

Основу языка образуют грамматический строй и основной словарный фонд (§ 11). О новом языке (или о новом варианте старого языка), иными словами, о новом качестве можно говорить лишь в том случае, если произошли существенные изменения в грамматическом строе и в основном словарном фонде. Но именно грамматический строй и основной словарный фонд изменяются исключительно медленно: они представляют собою продукт ряда эпох и, стало быть, не могут изменяться в порядке революционных взрывов и сдвигов.

Этим решается и другой вопрос — об отношении нового языка к старому языку, из которого новый возник. Новый язык не может возникнуть в результате уничтожения старого, в результате отрицания старого; в таком случае новый язык оказался бы без грамматического строя и без основного словарного фонда, т. е. без того, что делает язык языком; отказ от старого грамматического строя и основного словарного фонда был бы равносителен самоотрицанию, уничтожению старого языка (а не развитию его).

„Марксизм не признаёт внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка“¹.

„Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путём взрыва, не путём уничтожения существующего языка и создания нового, а путём постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путём постепенного отмирания элементов старого качества“².

Анализируя различие между развитием языка и развитием надстройки, И. В. Сталин указывает: „...развитие языка происходило не путём уничтожения существующего языка и построения нового, а путём развёртывания и совершенствования основ-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 27—28.

² Там же, стр. 28.

ных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путём взрыва, не путём разового уничтожения старого и построения нового, а путём постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества¹.

При таком понимании процесса развития языка становится ясным и то, почему одновременно не могут существовать новый и старый языки — т. е. язык, возникший из другого языка, и тот язык, который является источником: новый язык возникает из старого „путём постепенного и длительного накопления элементов нового качества“, „путём постепенного отмирания элементов старого качества“ — старое, видоизменяясь, растворяется в новом².

Система языка не может измениться целиком и внезапно (в один приём): таких примеров история не знает, этого не бывает. Иное дело — отдельные явления: то или иное изменение фонетического, морфологического, синтаксического порядка может наступить одновременно, если не во всём коллективе, говорящем на данном языке, то по крайней мере в определённой его группе или прослойке (в речи детей могут наблюдаться явления, чуждые речи стариков и даже взрослых членов той же семьи)³. Такие явления, как чоканье (*купеч* вместо *купец*) или цоканье (*цас* вместо *час*), могли установиться к определённом моменту в речи целой группы лиц одновременно, причём до этого имелось переходное состояние (*ц* → *ч*; *ч* → *ц*), мало заметное до поры до времени, но подготовившее данное изменение. В определённый момент переход *ц* → *ч* (или *ч* → *ц*) завершился.

Такую возможность для возникновения отдельных изменений можно считать вполне реальной. Следует, однако, учесть, что

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 27.

² Допустим, что из народной латыни образовался ряд языков, но где-то в горах сохранился бы островок той же народной латыни. Опровергается ли таким фактом положение, что одновременно не могут существовать язык, возникший из другого языка, и тот язык, который служит источником? Конечно, нет: ведь сохранился этот островок архаической речи именно потому, что он не породил ничего нового; там же, где новое возникло, старое не сохранилось. Сосуществование их исключено.

³ Такие факты установлены, например, в иберийско-кавказских языках, в частности в абазинских диалектах абхазского языка (проф. К. В. Ломгатидзе).

во-первых, это является одной из возможностей, но не единственной возможностью; и, во-вторых, такое возникновение отдельных изменений не исключает, а подтверждает положение: язык в целом одновременно не может измениться. Разновременное изменение частей не может привести к одновременному изменению целого¹.

Н. Марр и его последователи утверждали, что язык развивается мутационно, путём внезапных взрывов, ведущих к революционной перестройке языка. Так получается стадияльное (ступенчатое) развитие языков. Каждая стадия (и даже система — внутри стадии) по Марру воплощает в себе результаты революционной перестройки языка. „Дело, однако, абсолютно не в этих позднейших изменениях,— писал Н. Марр —... Дело — в источнике коренных перемен мутационного порядка, в источнике смены типов и систем в языках: этот источник — не внешние массовые переселения, а глубоко идущие революционные сдвиги, которые вытекали из качественно новых источников материальной жизни, качественно новой техники и качественно нового социального строя. В результате получалось новое мышление, а с ним и новая идеология в построении речи и, естественно, новая её техника. Отсюда различные системы языков“².

В другом месте Н. Марр, говоря об узловых моментах развития языка, характеризует их как этапы „поворотные или революционные“; они „взрывают устоявшуюся среду и открывают новые пути...“³

Такое понимание процесса развития языка Н. Марр и его последователи считали подлинно марксистским, единственно приемлемым для советского языкознания. Положение о стадияльном развитии языков путём взрывов объявлялось великим достижением революционной, диалектико-материалистической теории языка. Однако, как установлено И. В. Сталиным, стадияльная схема развития языка путём взрывов и революционных перестроек

---

¹ Письменная речь, фиксируя старый язык, даёт возможность обозреть рядом с новым и старое (например, памятник XII в. „Слово о полку Игореве“ имеем рядом с произведениями Маяковского). Но живой-то речи, представленной в „Слове о полку Игореве“, не существует рядом с современным русским языком.

² Н. Марр, Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык, 1928, избр. раб., т. IV, стр. 61. Выделено нами.— А. Ч.

³ Н. Марр, Общий курс учения об языке, 1927, избр. раб., т. II, стр. 68.

языка не имеет ничего общего с подлинно научным, марксистским пониманием развития языка.

„Говорят, что теория стадияльного развития языка является марксистской теорией, так как она признаёт необходимость внезапных взрывов, как условия перехода языка от старого качества к новому. Это, конечно, неверно, ибо трудно найти что-либо марксистское в этой теории. И если теория стадияльности действительно признаёт внезапные взрывы в истории развития языка, то тем хуже для неё. Марксизм не признаёт внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка“¹.

„Говорят, что многочисленные факты скрещивания языков, имевшие место в истории, дают основание предполагать, что при скрещивании происходит образование нового языка путём взрыва, путём внезапного перехода от старого качества к новому качеству. Это совершенно неверно.

Скрещивание языков нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи“².

§ 26. Об основных процессах развития языков. Два основных процесса охватывают изменения языков в их развитии. Один из них — процесс дифференциации (лат. *differentiatio* — *различение*), другой же — процесс интеграции (лат. *integratio* — *соединение в целое* от *integer* — *целый*), или унификация (лат. *unificatio* — *объединение*). Эти процессы разнонаправленные, по своим результатам они противоположны.

Процесс дифференциации подразумевает такие изменения, от которых увеличивается различие между диалектами одного и того же языка (или между языками, имеющими общее происхождение). Процесс интеграции, наоборот, имеет в виду те изменения, в результате которых увеличиваются общие, сходные черты, сближаются до того различные языки (или диалекты одного и того же языка).

В русском языке различают диалекты *окающие* и *акающие* (§ 18). Как видно из языка памятников древнерусского языка,

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 27—28.

² Там же, стр. 29.

вначале этого различия не было; всюду имелось окание: *о* как писалось, так и произносилось (точнее: писалось *о* — *вода*, потому что произносилось *о*).

Следовательно, окающее, севернорусское наречие сохранило прежнее положение, традиционное произношение. Изменение произошло в южнорусском наречии (предударное *о* стало произноситься как *а*). Так появилось различие там, где его не было. Иными словами: аканье представляет собою пример дифференциации (в произношении предударного *о*).

С процессом дифференциации имеем дело в явлениях аканья (в южнорусском наречии), цоканья, чаканья (в севернорусском наречии). Названные примеры взяты из области звуковых изменений.

Аналогичные явления могут иметь место в словарном составе, в значении слов, в склонении имён, спряжении глаголов, в словообразовании и т. д. Одним словом, явления, которыми севернорусское наречие отличается от южнорусского, представляют собою результат дифференциации: это различие не исконное.

Чем слабее общение между представителями различных диалектов одного языка, тем сильнее проявляется процесс дифференциации. Чем сильнее процесс дифференциации, тем более расходятся до того близкие наречия языка (или родственные по происхождению языки). Логическим завершением процесса расхождения является превращение наречий (диалектов) одного языка в самостоятельные языки. Такие языки и являются родственными по происхождению — по исходному материалу — языками. Родственные языки — это языки, возникающие из различных диалектов одного и того же языка. Родственные языки — результат процесса дифференциации.

Племена, говорившие на различных диалектах одного и того же языка, распространяясь на большой территории, естественно не могли общаться попрежнему, контакт ослабевал, центробежные тенденции усиливались, различие нарастало и с течением времени могло привести к образованию новых языков из наречий одного и того же языка.

Касаясь процесса образования новых племён и диалектов у индейцев Северной Америки, Энгельс писал: „В действительности племя и диалект по существу совпадают; новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Аме-

рике еще недавно и едва ли совсем прекратилось и в настоящее время¹.

Ещё более определённо характеризует процесс дифференциации Маркс: „*Постоянная тенденция к разделению* коренилась в элементах родовой организации; *она усиливалась тенденцией к образованию различия в языке*, неизбежной при их... общественном состоянии и *обширности занимаемой ими территории... Локальное разобщение* — в пространстве — вело с течением времени к появлению *различий в языке*; это приводило к обособлению интересов и к полной самостоятельности“².

Таково содержание процесса дифференциации, условия, в которых он протекает, и последствия, к которым он ведёт.

Процесс интеграции есть результат установления тесного контакта там, где его раньше не было; в результате получаем сближение языков. Оно может быть добровольным и навязанным, насильственным. Оно может иметь место как между диалектами одного языка, так и между родственными языками, равно как и между языками, не имеющими ничего общего между собою по происхождению; всё зависит от того, как сложатся исторические обстоятельства.

Насильственная ассимиляция языком победителей языка побеждённого народа представляет собой частный случай интеграции. Из истории известны многие случаи поглощения языком победителей языка побеждённого народа. Этрусский язык до-римского населения Италии (которое являлось, кстати, учителем римлян во многих областях государственной и культурной жизни) был поглощён латинским языком римлян, когда они стали господами положения на Апеннинском полуострове (от этрусского языка остались надгробные надписи). Язык лигуров Северной Италии постигла участь этрусского языка. Современную Францию населяли кельтские племена: галлы, аквитанцы, бельги. Их язык был вытеснен латинским языком колонизаторов-римлян³. То же

---

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства (гл. III, Ирокезский род), Госполитиздат, 1951, стр. 93.

² Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 79.

³ Кельтские географические названия сохранились во Франции. Например: Париж (Paris), Реймс (Reims), Нант (Nantes), Суассон (Soissons), Амьен (Amiens) связаны по происхождению с названиями галльских племён, какими были: паризии (Parisii), ремы (Remi), наметы (Namnetes), суэссионы (Suessiones), амбианы (Ambiani).

Кельтскими образованиями являются названия местностей на -ai, -i(-y): Альбиньи (Albigny), Шампиньи (Champigny).

приходится сказать об языках иберов¹ и родственных племён на Пиренейском полуострове: народная латынь заняла место этих языков. Лишь в северо-западном углу Пиренейского полуострова и поныне держится осколок древнего языка доримского населения баскский язык. Кельтские языки Шотландии, Уэльса и Ирландии представляют собою незначительные островки древних кельтских языков: они занимали почти всю Англию; их вытеснил английский язык.

Во всех этих случаях процессы интеграции сводились к скрещиванию языков.

В скрещивании, как правило, одновременно участвуют два языка. В результате скрещивания получается один язык. „Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещённых языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает“².

Схематически процесс скрещивания можно представить примерно в следующем виде.

Скрещивающиеся языки не находятся в равных условиях: на стороне одного из них преимущество, обусловленное или политическим положением, или численным превосходством, или более высоким уровнем культуры носителей данного языка (а возможно, и всеми этими моментами).

В результате этого преимущества соответствующий язык оказывается господствующим, как средство общения и обмена мыслями. Носители другого языка вынуждены изучать господствующий язык, становясь, таким образом, постепенно двуязычными. Двуязычие длится из поколения в поколение, причём сфера применения родного языка постепенно суживается. Наконец, он вытесняется из последнего оплота — семьи (где обычно

Кроме географических пазваний, свыше трёхсот слов кельтского происхождения, относящихся к крестьянскому быту, вошло во французский язык (см. М. В. Сергиевский, История французского языка, М., 1928, стр. 10—12).

¹ Название реки Эбро — латинское Iberus — восходит к имени иберов.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 29—30.

женщины оказываются наиболее верными хранителями традиций утесняемого языка), и тогда на смену двуязычию приходит одноязычие. Этим одним языком обычно оказывается язык господствующего народа (племени). Процесс скрещивания двух языков заканчивается победой одного из языков в то время, как другой язык перестаёт существовать.

Однако он не исчезает бесследно. В языке-победителе остаются следы от него. Так, например, историки французского языка в наличном словарном составе французского языка выделяют свыше трёхсот кельтских слов¹, хотя процесс скрещивания кельтских языков Галлии с устным (народным) латинским языком закончился давным-давно: с VIII в. нашей эры уже налицо старофранцузский язык, возникший из народной латыни Галльской провинции.

Эти кельтские слова ныне составляют достояние французского языка (их кельтское происхождение известно разве только узкому кругу специалистов).

При скрещивании языков „происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счёт побеждённого языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его.

Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем“².

Процесс скрещивания — длительный процес: „Скрещивание языков нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет“³.

Так, например, скрещивание кельтских языков Галлии с латинским языком длилось в продолжение веков. В I в. до нашей

---

¹ Любопытно, что в большинстве своём это слова, обозначающие предметы сельского быта: *charrue* — плуг, *claire* — плетёнка, изгородь, *charpente* — леса, сруб; *mouton* — баран, *banne* — ивовая корзина, *lieu* — лъё (французская миля = 4 километра); *alouette* — жаворонок, *bouleau* — берёза и т. д. (см. М. В. Сергиевский, История французского языка, стр. 12).

В географических названиях Франции засвидетельствованы слова, восходящие к языку докельтского населения Галлии, как предполагают — лигуров. (См. там же.) Язык лигуров был поглощён кельтскими, как впоследствии кельтские языки были поглощены в процессе скрещивания латинским языком.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 30.

³ Там же, стр. 29.

эры Галлия была покорена Цезарем, и полным ходом пошла романизация этой провинции Рима (так называемой „Заальпийской Галлии“ — Gallia Transalpina). Однако ещё в III в. нашей эры в Галлии семейные документы (завещание) могли составляться на галльском языке: римский юрист Ульпиан считает нужным оговорить такую возможность („завещание имеет юридическую силу, даже если оно составлено на галльском языке“).

Таким образом, спустя почти четыре столетия после покорения Галлии могущественным Римом процесс скрещивания кельтского языка Галлии с латинским языком не был закончен. Между тем считается, что романизация Галлии совершалась относительно быстро.

Кельтская речь бретонцев во Франции держится до сих пор несмотря на то, что бретонцы двуязычны. То же нужно сказать о кельтской речи валлисцев в Уэльсе (в Англии). Процесс скрещивания здесь наталкивается на большую устойчивость кельтских языков, сильно отличающихся по своему грамматическому строю и основному словарному фонду от языков французского и английского, пытающихся ассимилировать означенные кельтские языки.

Двуязычие не при всех условиях служит проявлением процесса скрещивания: лишь вынужденный характер двуязычия сигнализирует о борьбе языков.

Взаимоотношение языков определяется общественными условиями жизни. Борьба между языками происходит, „...когда эксплуататорские классы являются господствующей силой в мире, когда национальный и колониальный гнёт остаётся в силе, когда национальная обособленность и взаимное недоверие наций закреплены государственными различиями, когда нет ещё национального равноправия, когда скрещивание языков происходит в порядке борьбы за господство одного из языков, когда нет ещё условий для мирного и дружественного сотрудничества наций и языков, когда на очереди стоит не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков. Понятно, что в таких условиях могут быть лишь победившие и побеждённые языки“¹. И именно в этих условиях „скрещивание... двух языков даёт в результате не образование нового языка, а победу одного из языков и поражение другого“².

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 52—53.

² Там же, стр. 53.

Борьба и скрещивание языков уступят место сотрудничеству, взаимному обогащению и слиянию языков, когда будут созданы соответствующие общественные условия, а именно: „... после победы социализма во всемирном масштабе, когда мирового империализма не будет уже в наличии, эксплуататорские классы будут низвергнуты, национальный и колониальный гнёт будет ликвидирован, национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет претворено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества. Понятно, что в этих условиях не может быть и речи о подавлении и поражении одних и победе других языков“¹.

Построенная на разных (противоположных) принципах общественная жизнь порождает разные (противоположные) по своему существу закономерности языков.

В доклассовом обществе не было эксплуатации человека человеком. Поэтому можно допустить, что при слиянии племён не имела места и борьба языков. Можно думать, что вопрос решался в пользу языка более многочисленного племени просто, в силу численного превосходства.

Но в том же доклассовом обществе военное поражение более слабого племени могло вести к подавлению языка побеждённого племени: борьба племён вызывала борьбу языков. Характером взаимоотношений общественных коллективов определялся характер взаимоотношения языков.

Удельный вес процесса дифференциации и интеграции в различные периоды истории человечества не мог (и не может) быть одинаковым. Общественные условия жизни в древности, в частности в доклассовом обществе, благоприятствовали процессу дифференциации, условия жизни новейших периодов истории способствуют усилению процессов интеграции. Большинство родственных языков возникло, по всей вероятности, в глубокой древности; но это не значит, что процесс дифференциации не имеет места в новое время. Русский, украинский и белорусский языки дифференцировались в недалёком прошлом.

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 53.

С другой стороны, нельзя исключить процесс интеграции и в древности, причём процесс интеграции в древности играл не меньшую роль, чем процесс дифференциации в новые времена.

Об одном из случаев возможной интеграции древних племенных языков говорится у Энгельса: „Там, где два ослабевших племени [индейцев Северной Америки — А. Ч.] сливаются в одно, бывает, что в виде исключения в одном и том же племени говорят на двух очень родственных диалектах“¹. Естественно предположить, что эти родственные диалекты сольются.

Процесс дифференциации ведёт к увеличению числа языков; в результате процессов интеграции количество языков уменьшается.

Однако, раз в древности число языков росло в процессе дифференциации, не следует думать, будто вначале был один язык и лишь в процессе дифференциации из этого единственного источника возникали впоследствии многие языки.

Напротив, надо допустить, что язык зародился не в одном месте и не в одном лишь коллективе, а во многих местах, где только имелись соответствующие условия. Многоязычие изначально, но многоязычие не исключает, с одной стороны, дальнейшего увеличения числа языков в результате процесса дифференциации и, с другой стороны, одновременного действия процесса интеграции. Оба процесса имели место с древнейших времён. Разница лишь в том, какой из них преобладал в зависимости от общественных условий.

Так называемое „новое учение о языке“ Н. Я. Марра отвергало образование новых языков путём дифференциации. Единственным процессом в развитии языков оно считало процесс скрещивания языков. Именно благодаря процессу скрещивания, — утверждал Н. Марр, — появились новые языки. Исходным пунктом для суждения Н. Марра являлось положение: в основе человеческой речи лежат четыре первичных элемента (древние племенные названия: *сал, бер, йон, рош*); все языки возникли из этого материала посредством скрещивания этих элементов. Скрещиваясь между собою, четыре названных элемента порождали новые слова, те в свою очередь — новые. Таким же способом возникали новые языки: в процессе скрещивания двух языков возникал третий; чем больше языков скрещивалось, тем больше языков нарождалось.

Таким образом, принцип скрещивания Н. Марр считал единственным и универсальным принципом образования и развития языков.

---

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, гл. III, 1951, стр. 93.

Н. Марр писал: „...Ныне нет ни одного нескрещённого языка. Более того, сложившаяся звуковая речь и вначале не мыслится нескрещённой: до скрещения не было хозяйственных коллективов, из которых... образовались позднее племена... Следовательно, не было простых племён с простыми, нескрещёнными языками, не было вообще нескрещённых языков...“¹.

Марровское понимание процесса скрещивания языков (как протекает скрещивание, к чему оно ведёт, какую роль играет в развитии языков) внутренне связано с ненаучным положением, с бездоказательным утверждением Н. Марра, будто бы все языки земного шара возникли из четырёх элементов.

Объявляя скрещивание языков универсальным процессом, Н. Марр в принципе отрицает процесс дифференциации и возникновения родственных языков путём дифференциации диалектов, тем самым так называемое „новое учение“ Н. Я. Марра становится в резкое противоречие с общеизвестными фактами.

Объясняя увеличение числа языков путём их скрещивания, Н. Марр в то же время утверждал, что вначале было много языков, а в дальнейшем число их уменьшилось, не замечая внутреннего противоречия, в котором эти два положения находятся друг с другом.

Скрещивание языков не может рассматриваться как единственный процесс, если считать с фактами истории языков.

Неверно положение Н. Марра, будто бы из скрещивания двух языков возникает третий, новый язык, наряду с которым вдобавок ещё продолжают существовать скрещённые языки, ведя к увеличению количества языков. Английский язык — скрещённый язык, однако он числится среди германских языков (а не где-то между германскими и романскими языками); английский язык относится к германским, поскольку его грамматический строй и основной словарный фонд по существу являются германскими, а не романскими.

Равным образом армянский язык считается индоевропейским, несмотря на наличие в нём — в его лексике, в звуковом составе, в морфологическом инвентаре — элементов неиндоевропейских, иберийско-кавказских. По своей основе (по грамматическому строю и основному словарному фонду) армянский язык — язык индоевропейский.

Научная несостоятельность исходных положений т. н. „нового учения“ Н. Марра обусловила неверное понимание вопроса о скрещивании языков.

§ 27. От родовых языков к языкам национальным. Язык — достояние коллектива (§ 5). Коллективом, использующим конкретный язык, может быть род, племя, народность, нация. Соответственно будем иметь: родовой язык, племенной язык, язык народности, национальный язык.

Род — это самая маленькая, самая простая и самая древняя ячейка человеческого коллектива. Из родов образовывались (фратрии и далее) племена, из племён — народности. Нация — это наиболее новое и наиболее сложное образование общественно-

¹ Н. Марр, Общий курс учения о языке, 1927, изобр. раб., т. II, стр. 65.

исторической жизни человека. Нация по существу отличается от племени: племя представляет собою категорию этнографическую, нация же — категория историческая¹.

Характерный пример объединения родственных племён индейцев Северной Америки (ирокезов) приводится у Энгельса:

„Немногочисленные племена их [т. е. индейцев — А. Ч.], отделенные друг от друга обширными пограничными полосами, ослабляемые вечными войнами, занимали небольшим числом людей громадное пространство. Союзы между родственными племенами заключались местами в случае временной нужды и с ее устранением распадались. Однако в отдельных местностях первоначально родственные, но разобщенные племена вновь сплачивались в длительные союзы, делая, таким образом, первый шаг к образованию наций. В Соединенных Штатах мы встречаем наиболее развитую форму такого союза у ирокезов. Выйдя из мест своего поселения к западу от Миссисипи, где они, вероятно, составляли ветвь большой родственной группы дакота, они после долгих странствований осели в нынешнем штате Нью-Йорк, разделившись на пять племен: сенека, кайюга, онондага, онейда и могавки. Они занимались рыбной ловлей, охотой и примитивным огородничеством; жили в деревнях, большей частью защищенных частоколами. Число их никогда не превышало 20 000 человек; во всех пяти племенах было несколько общих родов; они говорили на родственных диалектах одного и того же языка и населяли сплошную область, которая была поделена между пятью племенами. Так как область эта была ими недавно завоевана, то естественным являлось вошедшее в обычай сплочение этих племен против племен, вытесненных ими. Самое позднее в начале XV века развился, таким образом, подлинный „вечный союз“ — федерация... Союз ирокезов представляет самую развитую общественную организацию, какую только создали индейцы... (исключая мексиканцев, новомексиканцев и перуанцев)“².

Итак: „разобщенные племена... сплачивались в длительные союзы“ родственных племён, говоривших „на родственных диалектах одного и того же языка...“. Процесс этот наблюдался не только в истории индейских племён: это характерно вообще для образования народности.

---

¹ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 301.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1951, стр. 96.

Родовые языки в наше время трудно найти: род, родовой строй, родовые языки — это пройденная ступень развития.

Племенных языков (и диалектов) много и поныне; таково большинство языков индейцев Северной, Центральной и Южной Америк — атапаскские, алгонкинские, ирокезские, мускогские, уто-ацтекские, аровакские языки, майя-языки и т. д.

В качестве примера племенных языков из нашей действительности можно назвать дагестанские языки: агульский, цахурский, рутульский, андийский, лидойский и др.

Языками народностей являются, например, аварский, даргинский, лезгинский, лакский, табасаранский (в Дагестанской АССР), причём аварский и даргинский состоят из ряда диалектов, существенно расходящихся между собой. Не всегда, впрочем, легко разграничить языки племенные и языки народностей, так же, как трудно иногда разграничить язык народности и язык нации.

Национальные языки Советского Союза: русский, украинский, белорусский, литовский, латышский, эстонский, финский, молдавский, казахский, киргизский, узбекский, таджикский, туркменский, азербайджанский, грузинский, армянский, татарский, башкирский и др.

Национальные языки за пределами Советского Союза: китайский, корейский, японский, бенгальский, маратхи, хиндустани, телугу (в Индии); чешский, польский, болгарский, сербский, албанский, румынский, венгерский, немецкий, французский, итальянский, английский, ирландский, датский, шведский, норвежский, испанский, греческий, арабский, персидский, абиссинский, турецкий и др.

Национальный язык — это общий язык нации. „Национальный язык есть форма национальной культуры“¹. „Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры“².

„Нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей“³. „Нынешняя итальянская нация обра-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 21.

² И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 296.

³ Там же, стр. 293.

зовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён¹. „Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение“².

Только при наличии всех четырёх признаков — общности языка, территории, экономической жизни и психического склада — будем иметь нацию. „Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией“³.

Общий язык — необходимое условие для образования нации, но условие это далеко не достаточное. Следует отметить, что общий язык может существовать задолго до образования нации⁴, но отсутствие других необходимых моментов (общности территории, экономической жизни, психического склада) делает невозможным говорить о нации. „Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, ещё в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях“⁵.

Надо иметь в виду, что нередко слова „нация“, „народ“ употребляются, как однозначные, между тем как это далеко не так: „нация“ — понятие обществоведческое (социологическое) и как научное понятие может и должно употребляться в значении строго определённом; произвольно — в значении этнографическом — его употреблять не следует.

„...само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец“⁶.

¹ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 293.

² Там же, стр. 294.

³ Там же, стр. 297.

⁴ Так, например, по свидетельству одного источника X в. грузинский язык признан был к тому времени общим языком племён грузинского народа, хотя грузинской нации ещё не было.

⁵ И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11, стр. 336.

⁶ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 297.

„Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходило дело, например, в Западной Европе“¹.

„Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем“².

Полемизуя с Максом Штирнером, рассматривающим современный язык как продукт рода, Маркс и Энгельс писали о различных путях возникновения общих, национальных языков: „Таким образом, *язык* здесь рассматривается как продукт рода. Однако тем, что Санчо говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам. Впрочем, в любом современном развитом языке стихийно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией. Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода“³.

---

¹ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 303.

² В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, 1914. Соч., изд. 4, т. 20, стр. 368.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, 1934, стр. 414.

§ 28. О нациях буржуазных и социалистических и их языках. Нации бывают буржуазные и социалистические. Буржуазные нации возникли в эпоху подымающегося капитализма, социалистические нации создались в Советском Союзе, при социалистическом советском строе.

Буржуазными нациями являются „например, французская, английская, итальянская, северо-американская и другие, подобные им, нации. Такими же буржуазными нациями были русская, украинская, татарская, армянская, грузинская и другие нации в России до утверждения диктатуры пролетариата и Советского строя в нашей стране“¹.

Социалистические нации возникли и развились на базе старых буржуазных наций в результате ликвидации капитализма, путём коренного их преобразования в духе социализма. „Никто не может отрицать, что нынешние социалистические нации в Советском Союзе — русская, украинская, белорусская, татарская, башкирская, узбекская, казахская, азербайджанская, грузинская, армянская и другие нации — коренным образом отличаются от соответствующих старых, буржуазных наций в старой России как по своему классовому составу и духовному облику, так и по своим социально-политическим интересам и устремлениям“².

Что характерно для буржуазных наций?

„Буржуазия и её националистические партии были и остаются в этот период главной руководящей силой таких наций. Классовый мир внутри нации ради „единства нации“; расширение территории своей нации путём захвата чужих национальных территорий; недоверие и ненависть к чужим нациям; подавление национальных меньшинств, единый фронт с империализмом, — таков идейный и социально-политический багаж этих наций“³.

Каковы особенности новых, социалистических наций? Социалистические нации по самой сути противоположны нациям буржуазным.

„Рабочий класс и его интернационалистическая партия являются той силой, которая скрепляет эти новые нации и руководит ими. Союз рабочего класса и трудового крестьянства внутри нации для ликвидации остатков капитализма во имя победоносного строительства социализма; уничтожение остатков национального

¹ И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11, стр. 338.

² Там же, стр. 339—340.

³ Там же, стр. 338.

гнёта во имя равноправия и свободного развития наций и национальных меньшинств; уничтожение остатков национализма во имя установления дружбы между народами и утверждения интернационализма; единый фронт со всеми угнетёнными и неполноправными нациями в борьбе против политики захватов и захватнических войн, в борьбе против империализма, — таков духовный и социально-политический облик этих наций“¹.

Судьба буржуазных наций связана с судьбой капитализма: возникшие в период поднимающегося капитализма, буржуазные нации должны исчезнуть вместе с ликвидацией капитализма. Буржуазные нации не могут существовать при социалистическом строе.

Но ликвидация буржуазных наций отнюдь не означает ликвидацию наций вообще. При социалистическом строе нации не исчезают, наоборот: возникают и развиваются новые, социалистические нации. Социалистические нации являются „гораздо более сплочёнными, чем любая буржуазная нация, ибо они свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации, и являются гораздо более общенародными, чем любая буржуазная нация“².

Буржуазные нации не признают ни равноправия рас, ни равноправия наций и языков. Они руководятся правом сильного³. На примере участи негров в Соединённых Штатах Америки и индейцев — древних обитателей Америки — можно видеть, что империализм, сея национальную вражду и расовую ненависть, угнетая малые народы, ведёт к физическому вырождению и уничтожению этих народов.

Космополитизм современных англо-американских империалистов, направленный против государственного суверенитета малых наций, проповедующий превосходство английского языка над всеми языками, представляет реальную угрозу национальной самобытности народов и существованию их национальных языков.

Социалистический строй не только не угрожает национальной самобытности народов, но создаёт все условия для подлинного расцвета социалистических наций, их культур, их языков.

---

¹ И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11, стр. 339.

² Там же, стр. 341.

³ В повести Говарда Фаста „Последняя граница“ с потрясающей силой показана трагическая судьба маленького индейского народа в США при господстве права силы, волчьего закона капитализма.

Всемирно-исторический пример тому являет собой социалистический Советский Союз, созданный как воплощение ленинско-сталинской национальной политики.

Как велико благотворное влияние социалистического строя на развитие народов, в том числе малых, легко убедиться, если сравнить вековое бесправное положение нерусских народностей в царской России с тем, что создано для них — в результате ленинско-сталинской национальной политики — за немногие годы советской властью.

„Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально „инородцами“, воспитывало презрение и ненависть к ним. Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой, организовывало еврейские погромы, татаро-армянскую резню в Закавказье.

В национальных областях все или почти все государственные должности занимали русские чиновники. Все дела в учреждениях, в судах велись на русском языке. Было запрещено издавать газеты и книги на национальных языках, в школах запрещалось обучаться на родном языке. Царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного „обрусенья“ нерусских народностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов“¹.

„Свергнув помещиков и капиталистов, Октябрьская революция разбила цепи национально-колониального гнёта и освободила от него все без исключения угнетённые народы обширного государства. Пролетариат не может освободить себя, не освобождая угнетённые народы“².

Что это значило для развития языков многонационального Советского Союза, можно судить по тому, что в Советском Союзе 68 письменных языков — языков национальных, языков

---

¹ „История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)“, 1938, стр. 6.

² И. Сталин, Международные характер Октябрьской революции. Вопросы ленинизма, изд. 11, 1947, стр. 177.

народностей, племенных языков; многие из этих языков стали письменными лишь при советской власти.

За годы существования советской власти создано двенадцать национальных академий наук (Украинская, Белорусская, Литовская, Латышская, Эстонская, Грузинская, Армянская, Азербайджанская, Узбекская, Казахская, Таджикская и Туркменская).

„...Покончив с властью буржуазии..., — пишет И. В. Сталин, — мы... ликвидировали систему национального гнёта и провели равноправие наций в нашей стране... Уничтожение национального гнёта привело к национальному возрождению ранее угнетённых наций страны, к росту их национальной культуры, к укреплению дружеских интернациональных связей между народами нашей страны и налажению сотрудничества между ними в деле социалистического строительства“¹.

Советское правительство, партия Ленина — Сталина руководили и руководят делом развития социалистических наций.

„В связи с этим партия сочла необходимым помочь возрождённым нациям нашей страны — встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру, развернуть школы, театры и другие культурные учреждения на родном языке, национализировать, т. е. сделать национальными по составу, партийный, профсоюзный, кооперативный, государственный, хозяйственный аппараты, выращивать свои, национальные партийные и советские кадры и обуздать все те элементы, — правда, немногочисленные, — которые пытаются тормозить подобную политику партии“².

Все эти мероприятия, естественно, вели к развитию национальных языков и социалистических наций.

Создание и развитие культур, социалистических по содержанию и национальных по форме, немислимо без развития языка: „национальный язык есть форма национальной культуры“³.

§ 29. Будущность наций и национальных языков. От родовых и племенных языков процесс развития человеческого общества приводит к национальным языкам.

¹ И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11, стр. 353.

² Там же, стр. 353—354.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 21.

Каково будет дальнейшее развитие? К чему оно может привести? Какова будущность национальных языков?

Судьба национальных языков связана с судьбой наций. Нация представляет собой историческую категорию; это касается как буржуазных наций, так и наций социалистических; следовательно, и национальные языки должны рассматриваться как категория историческая: они характерны для определённых эпох исторического развития.

На смену национальным языкам придёт единый общий язык человечества — такова принципиальная постановка вопроса на основе учёта пройденного исторического пути и общих тенденций исторического развития.

Как мыслится соответствующий процесс? При каких условиях человечество сможет перейти к общему единому языку?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дан в выступлении И. В. Сталина на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. и в работе „Национальный вопрос и ленинизм“, написанной в 1929 г.¹

Основные положения учения И. В. Сталина о едином общем языке будущего человечества таковы:

1. Переход к общему языку может быть осуществлён лишь добровольным путём, но отнюдь не путём принуждения, декретирования сверху².

2. Переход будет происходить не прямо к единому общему языку. Возможно, что первоначально будет создано несколько зональных языков, которые будут существовать наряду с национальными языками³.

3. Вопрос о зональных языках и тем более об общем языке не может встать до тех пор, пока во всём мире не будет свергнут империализм.

4. Вопрос о зональных языках не может встать и на первом этапе периода всемирной диктатуры пролетариата: первый период после свержения империализма во всём мире и установления всемирной диктатуры пролетариата будет не периодом отмирания наций и национальных языков, а периодом роста и расцвета ранее угнетённых наций и их национальных языков, этапом утверждения равноправия наций, этапом ликвидации

---

¹ См. Соч., т. 11, стр. 333—355.

² Там же, стр. 347—349.

³ Там же, стр. 348.

взаимного национального недоверия, этапом налаживания и укрепления интернациональных связей между нациями¹.

5. Зональные языки начнут складываться лишь на втором этапе всемирной диктатуры пролетариата, по мере того, как будет складываться единое мировое социалистическое хозяйство вместо мирового капиталистического хозяйства, „ибо только на этом этапе почувствуют нации необходимость иметь наряду со своими национальными языками один общий межнациональный язык“².

6. „... когда мировая социалистическая система хозяйства окрепнет в достаточной степени и социализм войдёт в быт народов, когда нации убедятся на практике в преимуществах общего языка перед национальными языками, — национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку“³.

7. Единый общий международный язык „конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков“⁴.

Спрашивали: почему слияние наций и слияние языков может произойти лишь после победы социализма во всём мире, почему этот процесс не может начаться в стране, где уже победил социализм и где уже нет национального гнёта?

О стирании национальных различий и слиянии наций В. И. Ленин писал:

„Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами — а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе — единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения *основных* принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы в *частностях*,

---

¹ И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11, стр. 348.

² Там же, стр. 348.

³ Там же, стр. 349.

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 54.

правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям¹.

Таким образом, В. И. Ленин подчёркивает, что „национальные... различия между народами и странами“ не исчезнут, „будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе“.

Предполагать, что в условиях победы социализма в одной стране произойдёт уничтожение национальных различий, В. И. Ленин считает вздорной мечтой.

Различия национальные не исчезнут, „будут держаться еще очень и очень долго...“. А если принять искусственные меры для устранения различий?

В. И. Ленин отвергает такой путь воздействия для устранения различий. В. И. Ленин прямо говорит, что „единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует“ не устранять разнообразия, не уничтожать национальные различия, а применять основные принципы коммунизма, правильно видоизменяя их сообразно с национальными и национально-государственными различиями.

Именно эти положения В. И. Ленина развивает И. В. Сталин, когда пишет: „Было бы неправильно думать, что уничтожение национальных различий и отмирание национальных языков произойдёт сразу же после поражения мирового империализма, одним ударом, в порядке, так сказать, декретирования сверху. Нет ничего ошибочнее такого взгляда. Пытаться произвести слияние наций путём декретирования сверху, путём принуждения, — означало бы сыграть наруку империалистам, загубить дело освобождения наций, похоронить дело организации сотрудничества и братства наций. Такая политика была бы равносильна политике ассимиляции...“

...политика ассимиляции безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма, как политика антинародная, контрреволюционная, как политика пагубная.

Кроме того, известно, что нации и национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции. Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали

---

¹ В. И. Ленин, Детская болезнь „левизны“ в коммунизме. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 72.

и калечили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать. Царско-русские руссификаторы и немецко-пруссские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию, так же как персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации, но они не только не добились уничтожения этих наций, а — наоборот — оказались вынужденными также капитулировать¹.

Уничтожение национальных различий, слияние наций и национальных языков — дело отдалённого будущего, дело тех времён, когда социалистический строй не только победит во всём мире, но и окрепнет, войдёт в быт народов, когда „нации убедятся на практике в преимуществах общего языка перед национальными языками“². Зональные же языки, возможно, и будут складываться, но лишь на втором этапе периода всемирной диктатуры пролетариата³.

В условиях победы социализма в одной стране ставить вопрос о слиянии национальных языков или создании зональных языков значило бы преждевременно, искусственными мерами добиваться слияния наций и национальных языков. В. И. Ленин и И. В. Сталин прямо указывают, что это неприемлемо принципиально, неосуществимо практически. „Ленин никогда не говорил, — пишет И. В. Сталин, — что национальные различия должны исчезнуть, а национальные языки должны слиться в один общий язык в пределах одного государства, до победы социализма во всемирном масштабе. Ленин, наоборот, говорил нечто прямо противоположное, а именно, что «национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе» (т. XXV, стр. 227)“⁴.

Так называемое „новое учение о языке“ Н. Марра высказывалось за ускорение процесса перехода к единому общему

¹ И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11, стр. 347—348.

² Там же, стр. 349.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 53.

⁴ И. Сталин, Политический отчёт ЦК XVI съезду ВКП(б), Соч., т. 12, стр. 363—364.

языку, демонстрируя при этом свой словесный „революционный пыл“ и характерные вольные суждения о лёгкости революционных „взрывов“ и „перестроек“ в языке.

Н. Марр писал: „Для нас, поборников нового учения о языке, создание речи коллективом и развитие отдельных... языков в линии по направлению к будущему единому языку не подлежит сомнению, как и то, что человечество, идя к единству хозяйства и внеклассовой общности, не может не принять искусственных мер, научно проработанных, к ускорению этого мирового процесса. С этой точки зрения история всеобщего языка и в прошлом, и ныне представляет актуальный интерес“¹.

Ускорять искусственными мерами переход к единому общему языку значит отвергать принцип добровольности, стоять за принуждение, за насильственное уничтожение национальных различий. Такие искусственные меры для ускорения перехода к единому общему языку являются реакционными: они „наруку империалистам“². Они не имеют ничего общего с учением В. И. Ленина и И. В. Сталина о слиянии наций в будущем, об едином языке будущего.

Ленинско-сталинская национальная политика сформулирована в следующих словах И. В. Сталина: „...партия поддерживает и будет поддерживать развитие и расцвет национальных культур народов нашей страны,... она будет поощрять дело укрепления наших новых, социалистических наций,... она берёт это дело под свою защиту и покровительство против всех и всяких антиленинских элементов“³.

Эта ленинско-сталинская национальная политика воплощена в жизнь в Советской стране. Социализм означает расцвет культур социалистических наций, социализм ведёт к расцвету их национальных языков.

§ 30. Национальный язык, литературный язык и территориальные диалекты. Литературным языком — в языковедческом понимании — называется не только язык художественных произведений, но и язык научных исследований, политических трак-

¹ Н. Марр, К вопросу об едином языке, 1927, избр. раб., т. II, стр. 398. Разрядка наша. — А. Ч.

См. также: Н. Марр, избр. раб., т. III, стр. 34; т. II, стр. 328.

² И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. II, стр. 347.

³ Там же, стр. 354.

татов, язык журналов и газет, — словом, письменный язык. Все национальные языки — языки литературные. Но не все литературные языки являются национальными. Такие литературные языки, как русский, украинский, белорусский, эстонский, литовский, латышский, армянский, грузинский, азербайджанский, узбекский, казахский, киргизский, туркменский, таджикский, молдавский, чешский, польский, болгарский, венгерский, румынский, немецкий, французский, английский, итальянский, испанский, китайский, корейский, японский, арабский и многие другие, являются национальными языками: „национальный язык“ и „литературный язык“ в этих случаях совпадают. Но литературным языком может быть и язык народности (например, языки: аварский, лакский, даргинский, лезгинский, табасаранский, кумыкский в Дагестанской АССР суть литературные языки соответствующих дагестанских народов, но ещё не являются национальными языками: „литературный“ и „национальный“ здесь не совпадают).

Литературный язык становится общенациональным языком, когда сформируется нация. Но литературные языки нередко создавались задолго до возникновения наций; четыре основных элемента, необходимых — по учению И. В. Сталина — для образования нации (общность языка, территории, экономической жизни и психического склада), возникали не одновременно: „...элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, ещё в период докапиталистический“¹.

Литературный язык того или иного народа, созданный до формирования соответствующей нации, как общий язык, служит объединяющим фактором в жизни народа.

Литературный язык может обслуживать и народность, и нацию в разные периоды истории, но на всех этапах существования литературного языка жизненно важным является отношение литературного языка к территориальным диалектам. Поэтому и следует охарактеризовать взаимоотношение литературного языка и устной речи, территориальных диалектов.

Это взаимоотношение может быть вкратце выражено в следующих положениях:

---

¹ И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11, стр. 336.

1. Литературный язык, как правило, бывает один. Диалектов (и говоров) в любом языке, оказывается, во всяком случае, больше одного. Нет такого (даже самого незначительного по распространению) языка, в котором не было бы диалектных различий. Крупные же по распространению языки насчитывают ряд диалектов и десятки говоров. Многообразие диалектной речи противопоставляется единый литературный язык; единство письменного языка и составляет его силу. Литературный язык призван быть общим языком. Чем монолитнее литературный язык, тем более он соответствует своему назначению.

2. Литературный язык создаётся на базе определённого диалекта. Так, например, в основу русского национального языка, как указывает И. В. Сталин, легла курско-орловская «речь»¹. Тем самым И. В. Сталин подчёркивает роль южного, акающего, наречия в формировании московского говора, являющегося переходной ступенью между южным (акающим) и северным (окающим) диалектами — и, следовательно, в образовании новорусского литературного языка, для которого характерно именно аканье, а не оканье².

В основу украинского национального языка лёг полтавско-киевский диалект украинского языка³. Грузинский литературный язык создавался на базе основного диалекта Восточной Грузии, картлийского (к новогрузинскому, кроме картлийского, близок кахетинский диалект).

Диалект Рима лёг в основу латинского языка; аттический диалект — в основу общего греческого языка (койнэ), диалект Парижа — в основу французского языка, диалект Флоренции, центра провинции Тоскана, — в основу итальянского языка и т. д.

Какой именно диалект будет положен в основу литературного языка, это зависит от обстоятельств не лингвистического, а общественно-политического характера, т. е. от того, представители какого диалекта играют ведущую роль в

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 43—44.

² О том, насколько важна эта фонетическая особенность, можно судить по тому, что именно она положена в основу классификации диалектов русского языка. Древнерусский литературный язык, как известно, существовал задолго до формирования русской нации.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 44.

общественно-политической и культурной жизни страны в момент создания литературного языка.

Литературный язык создаётся на базе определённого диалекта, но не совпадает полностью ни с каким диалектом.

Даже в момент своего становления литературный язык в какой-то мере выходит за пределы основного диалекта, его главной питающей артерии. В процессе же дальнейшего развития он пользуется материалом и других диалектов. Это касается в особенности лексики: названия многих конкретных понятий свободно могут включаться из того или иного диалекта в фонд литературного языка, если соответствующее слово в основном диалекте уже использовано и требуется новый термин для обозначения нового понятия (заимствовать же из другого языка вместе с понятием и термин не всегда удаётся).

Диалектная лексика может усваиваться литературным языком без ограничения: она, восполняя недостающее, обогащает литературный язык. Иное положение в морфологии, в фонетике, в синтаксисе: здесь диалектные явления, проникая в литературный язык, обычно образуют ненужные для литературного языка дубликаты, не имеющие особой функции параллельные варианты, которые не обогащают литературный язык, а расшатывают целостность его фонетической, морфологической и синтаксической системы. Такие параллельные образования как: *сла́же* и *сла́ще*, *куда́хтает* и *куда́хчет*, *мурлы́кает* и *мурлы́чет*, *ры́скает* и *ры́щет*, *хны́кает* и *хны́чет*, *нянчаю* и *нянчу*, *прибе́гнул*, *прибе́гнувший* и *прибе́г*, *прибе́гший*, *низве́ргнул* и *низве́рг*, *исчезнул* и *исчез*, *умо́лкнул* и *умо́лк*, *сло́и* и *сло́й*, *суде́й* и *суде́й*, *ло́зу* и *лозу́*, *ведомостей* и *ведомосте́й*, *нове́стей* и *новосте́й*, *роды́лся* и *родилсѧ*, *заслуженный* и *заслужѧнный*¹; *благодаря дождливой погоде* и *благодаря дождливой погоды* и т. д. — такие параллельные варианты никаких смысловых нюансов не содержат, литературный язык не обогащают и оправдания в литературном языке иметь не могут.

3. Литературный язык, его развитие не совпадает с развитием диалектов, но питающим источником литературного языка служит устная диалектная речь. Лишившись

---

¹ Примеры взяты из „Вопросника по нормативной грамматике русского языка“ под редакцией акад. С. П. Обнорского и акад. Л. В. Щербы, изд. Академии наук СССР, 1940.

этого жизненно важного источника, литературный язык перестаёт развиваться: до того живой литературный язык становится языком мёртвым. Классический пример такого мёртвого письменного языка представляет собой латинский язык средних веков (в средние века латинский язык служил письменным языком всей Западной Европы, но он не был родным языком ни для кого: никакая мать не говорила на латинском языке со своим ребёнком).

Из сказанного следует: жизненные интересы литературного языка требуют, чтобы он не отрывался от родной основы, от неисчерпаемых источников устной речи. Вот почему общенародность должна являться основным принципом существования и развития литературного языка, вытекающим из его сущности, из характера взаимоотношений с диалектной, устной речью.

4. Относительно второстепенным, но отнюдь не маловажным источником обогащения литературного языка следует считать, связь с другими литературными языками. Связь эта выражается в переводах художественной, научной, политической литературы, в первую очередь, с тех языков, на которых они созданы. Например, перевод классиков марксизма-ленинизма (К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина), классиков мировой литературы (Льва Толстого, Шекспира, Гёте, Данте, Руставели, Шевченко, Мицкевича и др.), перевод классических произведений научной мысли (Павлова, Сеченова, Дарвина и др.), перевод творений таких мыслителей, как Аристотель, Платон, Гегель, Герцен, Чернышевский и др. — естественно, вызывает обогащение тех литературных языков, на который делаются эти переводы.

Общеизвестно, что переводческая литература имеет исключительно важное значение на первых этапах развития письменности любого народа. История многих литературных языков свидетельствует, что даже перевод религиозной литературы являлся — в определённые периоды — стимулом для формирования и развития письменных языков, иногда даже поводом для создания письменного языка.

5. Литературный язык — продукт культуры и одновременно орудие культурного развития. Чем богаче по своим возможностям, чем совершеннее по своей структуре это орудие, тем лучше это орудие может выполнять своё назначение.

Это значит: литературный язык, его развитие не может не подлежать контролю, не может не нормироваться. Никому нет дела до того, как говорят в таком-то селе или в таком-то районе такой-то области: для диалектной речи нормы не устанавливаются; её развитие не нормируется каким-либо учреждением.

Литературный язык, его усовершенствование, соблюдение его норм, вопросы его нормального развития служат предметом внимания и забот. Школа призвана насаждать литературную речь среди учащейся молодёжи. Художественная литература силой своего воздействия укрепляет позиции литературного языка (кстати, незаметно для читателя). В наших советских условиях литературный язык (нации, народности) становится предметом забот государственных учреждений.

Чем выше общий уровень развития культуры, тем сильнее влияние литературного языка, в частности его воздействие на устную речь, на диалекты. Вполне понятно поэтому, что диалекты (кроме того диалекта, который, став основой литературного языка, и без того максимально близок к нему) постепенно сходят на нет, сближаясь с литературным языком. Это именно обстоятельство и подчёркивается И. В. Сталиным, когда он, анализируя взаимоотношение национального языка и диалектов, пишет, что, кроме основного диалекта, остальные диалекты „теряют свою самобытность, вливаются в эти [т. е. национальные — А. Ч.] языки и исчезают в них“¹.

Конечно, и после того как диалектные различия начнут стираться, устная речь будет служить питающей артерией литературного языка.

6. Литературный язык, возникший на базе территориального диалекта соответствующего языка, как правило, служит общим языком народа, нации.

Но бывает и так, что в качестве литературных языков выступают чужеземные языки. Это искусственные общие языки, не имеющие корней в живой народной речи.

Таким был, например, латинский язык для народов Западной Европы в средние века, таким был арабский язык для многих народов Ближнего Востока в течение веков.

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 44.

Лишённый естественной основы в родной речи населения, такой общий язык может держаться лишь до поры до времени. Искусственный общий язык чужеземного происхождения сменяется родным общим языком.

С другой стороны, общим языком может быть язык устный, нелитературный. Пример такого языка имеем в «бол мацц» („язык войска“), являвшемся (в XVIII—XIX вв.) общеупотребительным для представителей всех диалектов аварского языка (в Дагестане). В основе „бол мацц“ лежало северное, хунзахское наречие.

Некоторые произведения устной словесности, созданные на определённом диалекте, могут благодаря присущей им художественной силе получить распространение за пределами своего диалекта. С течением времени они могут стать общим достоянием. Так, например, в сванском языке — четыре диалекта, письменного языка нет, а песни поются в форме, ныне чуждой всем диалектам.

Устный общий язык может выработаться лишь при наличии особенных условий. Обычно устный язык существует лишь в виде территориальных диалектов. В них и находит воплощение общенародный язык; то общее в лексике и грамматическом строе, что объединяет живые диалекты, и есть реальность общенародного языка.

§ 31. Наиболее распространённые языки современности. Общее количество языков в точности не установлено. В работах, претендующих дать обзор всех языков мира, насчитывают более двух тысяч языков¹. Эта цифра безусловно преувеличена: многие диалекты выступают в качестве самостоятельных языков, что вполне понятно, поскольку большинство языков и диалектов индейцев Америки, аборигенов Африки, Австралии, отчасти и Азии должным образом не изучено. Языков самостоятельных (т. е. имеющих свой грамматический строй и основной словарный фонд) несравненно меньше.

Крупнейшими по распространённости современными языками являются: русский язык, на котором говорит более 100 миллионов человек, китайский язык (точнее — китайские языки; на них говорит более 400 миллионов человек); индийские языки

---

¹ Так, например, в книжке Фр. Финка „Семь языков земного шара“ указано около 2 250 названий, включая названия и мёртвых языков.

(за исключением дравидских, около 230 миллионов человек), английский язык (около 150 миллионов человек), испанский язык (около 80 миллионов человек)¹.

Из западноевропейских языков по распространённости первое место занимают английский и испанский языки. На английском языке говорят, кроме Англии, в Соединённых Штатах Америки (и отчасти — в Канаде), в Южной Африке, в Австралии, в Новой Зеландии. На испанском языке говорят за пределами Испании — в Америке, а именно: в Мексике, в Аргентине, Уругвае, Парагвае, Чили, Перу и в большинстве других республик Центральной и Южной Америки (за исключением Бразилии, где распространён португальский язык).

Все эти страны за пределами Англии и Испании, где теперь распространены английский и испанский языки, в своё время были захвачены Испанией и Англией и лишь впоследствии освободились от их господства (Канада, Австралия и поныне являются доминионами Англии).

Таким образом, распространение английского и испанского языков вне Англии и Испании является прямым следствием колонизаторской экспансии этих стран. Этого нельзя сказать про языки китайские, индийские, про язык русский.

Русский язык — язык В. И. Ленина, язык Пушкина и Горького, Добролюбова и Чернышевского, Льва Толстого и Тургенева, Менделеева и Павлова — представляет собой по своим выразительным возможностям один из богатейших языков. На русском языке созданы такие шедевры мировой литературы, как „Война и мир“ Льва Толстого, „Тихий Дон“ М. Шолохова. На русском языке созданы классические труды революционного марксизма, труды В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Русский язык — язык великого русского народа, первым в мире свергнувшего власть капитала и основавшего первое в мире социалистическое государство. Русский язык является языком межнационального общения народов Советского Союза. Русский язык изучается в странах народной демократии, в Китае, в Корее, во Вьетнаме, как язык социального раскрепощения и национального освобождения трудящихся масс.

В царской России русский язык насаждали среди нерусского населения империи в принудительном порядке в целях русифи-

---

¹ Число говорящих здесь указано приблизительно. Точные цифры дать трудно, поскольку источники разноречивы.

кации нерусских народов Российской империи, мотивируя тем, что отсталые народы таким образом приобщатся к передовой культуре русского народа. По этому поводу В. И. Ленин в 1914 г. писал: „Русский язык — велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т. д.?

Все это верно, господа либералы, — отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, *обязательный* государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*... Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.

Кому это нужно? Русскому народу, русской демократии — этого не нужно. Он не признает *никакого* национального угнетения хотя бы и «в интересах русской культуры и государственности»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция превратила русский язык из орудия угнетения и руссификации, каким его хотела сделать царская Россия, в язык социального и национального раскрепощения всех народов бывшей Российской империи, ныне с любовью изучающих великий язык героиче-

---

¹ В. И. Ленин, Нужен ли обязательный государственный язык? Соч., изд. 4, т. 20, стр. 55—56.

ского русского народа, хотя он и не является обязательным государственным языком для всего Советского Союза.

Особо следует отметить, что при советской власти русский язык стал официальным языком международных сношений (наряду с английским и французским языками)¹: договоры, заключаемые с любой из стран Советским Союзом, составляются на русском языке и на языке договаривающегося государства; представители Советского Союза на международных совещаниях выступают на русском языке; официальные документы таких организаций, как Организация Объединённых Наций, составляются и на русском языке, и т. д.

§ 32. Происхождение языка. К постановке вопроса. Следует различать происхождение языков и происхождение языка, т. е. человеческой речи. Можно в точности знать происхождение тех или иных конкретных языков (например, русского, украинского и белорусского или французского, итальянского, испанского), но это не подвинет нас вперёд в решении вопроса, как возникла человеческая речь. Более того, если бы даже нам удалось установить происхождение всех существующих ныне (или известных из истории древних) языков — пока что мы далеки от этого! — вопрос о происхождении языка этим не был бы решён. История этих языков насчитывает самое большее десять тысяч лет; от времён же, когда зародилась человеческая речь, нас отделяет по меньшей мере несколько сот тысяч лет. Следовательно, история происхождения языков не может нас довести до той эпохи, когда стала зарождаться человеческая речь; изучая историю происхождения отдельных языков, мы устанавливаем, как образовались те или иные конкретные языки, но не уясняем того, как возникла человеческая речь.

Далее. Объяснить происхождение языка — не значит установить, какой же язык был создан вначале (изначальных языков давным-давно нет и в помине; они или превратились в другие языки, или же исчезли), и тем более мы не можем доискиваться, какие слова были „первыми словами“ („слов“ в современном понимании при зарождении человеческой речи ещё не было).

Объяснить происхождение языка — это значит выявить те условия, в которых мог зародиться язык, те

---

¹ До 1918 г. официальным языком международных сношений для всех стран являлся французский язык.

условия, при наличии которых мог начать говорить человек. Можно без преувеличения сказать, что происхождение человеческой речи является одним из самых популярных вопросов: им интересуются и широкие круги лиц, которые совершенно равнодушны к другим вопросам языкознания. Следует отметить, что интерес к происхождению языка не создавался наукой о языке: происхождением языка интересовались за много веков до возникновения языкознания. Ещё в древней Греции (V—IV вв. до нашей эры) с большим увлечением спорили о том, почему предметы носят то, а не иное название, что служит основанием, когда тот или иной предмет называется так, а не иначе. Существовали теории, разъясняющие данный вопрос.

Одни утверждали, что название определяется природой предмета (называемого); если это не так, — говорили они, — почему же мы не в состоянии произвольно называть любой предмет любым словом? Таковы были положения теории „отприродности названия“, теория *phúsei* — фюсей („по природе“).

Представители другой теории возражали: название дано предмету „по установлению“ — *théseí* — тесе́й; если бы название определялось природою предмета, в различных языках предметы не назывались бы по-разному, одни и те же предметы на всех языках носили бы одинаковые названия; следовательно, название не определяется предметом.

Отрицательные положения обеих теорий не были лишены основания (в самом деле, произвольно нельзя менять названия; верно и то, что название не определяется природой предмета). Но суть дела не в том, какая из этих точек зрения более соответствует действительности; вопрос: почему предметы названы так, а не иначе — представляет собою не только один из основных вопросов философии языка, он касается и происхождения языка, если рассматривать его на материале отдельных слов, названий предметов. Этот вопрос, как видим, ставился ещё в древней Греции.

Но вопросом о происхождении языка интересовались и в странах Востока. По свидетельству Геродота, египетский фараон Псамметих в VI в. до нашей эры, стремясь постичь возникновение языка, поставил будто бы эксперимент: двоих детей воспитали так, что они не слышали человеческой речи. Когда дети всё-таки заговорили, первым словом, которое они произнесли,

оказалось „бэкос“. Фараон распорядился узнать, в каком языке существует данное слово. Установили, что такое слово имеется в фригийском языке и означает „хлеб“. Фараон отсюда заключил, что древнейшим языком надо признать фригийский: на этом языке заговорили дети, не обученные никакому языку; значит, не имевший до того речи человек должен был заговорить на этом языке... Оставляя в стороне вопрос о том, насколько правомерен вывод, сделанный из данного эксперимента (если он вообще имел когда-нибудь место), не касаясь и того, насколько основательна методика эксперимента, всё же следует признать, что рассказ Геродота свидетельствует о наличии интереса к вопросу о происхождении языка в древних странах Ближнего Востока ещё раньше, чем у греков.

В новые века внимание к вопросу о происхождении речи не уменьшалось вплоть до XIX в.

В XIX в. возникла наука о языке и, как это ни парадоксально, интерес к данному вопросу ослабел; во всяком случае, среди авторов работ, посвящённых происхождению языка, лингвистов очень мало. Устав Парижского лингвистического общества (от 1866 г.) даже оговаривал: „Общество не принимает сообщений, касающихся происхождения языка и создания всеобщего языка“. Это нельзя считать случайным: в этом проявилось увлечение конкретными вопросами историко-сравнительного изучения языков, приводящего к положительным результатам, и — в этой связи — пренебрежение общими вопросами, не дающими строго позитивного решения.

Такое отношение к данному вопросу методологически не оправдано: языкознание так же не вправе отказаться от изучения вопроса о происхождении языка, как биология не может отказаться от проблемы зарождения жизни.

Без сомнения, данный вопрос не решить одному лишь языкознанию, но ведь и биология нуждается в помощи других естественных наук (геологии, биохимии), ставя и решая вопрос о начале жизни на земле. Происхождение языка представляет собою один из основных теоретических вопросов языкознания.

Но решение данного вопроса зависит от решения другого, более общего вопроса — вопроса о происхождении человека; нельзя создать научное представление о том, как возникла человеческая речь, если не учитывать того, каким образом шло ста-

новление человека. Научная теория возникновения человеческой речи должна базироваться на научной теории происхождения человека, происхождения человеческого общества.

История даёт наглядные примеры этой зависимости. Так, например, церковь — в соответствии с библейским преданием — утверждала, что человек создан богом; бог же научил человека говорить (научил названиям предметов): религиозное, ненаучное представление о происхождении языка вытекало из ненаучного понимания происхождения человека.

Когда в XVIII в. появилась теория договорного происхождения государства, на том же принципе стали строить и теорию происхождения языка: язык создали люди, договорившись именовать такие-то предметы так, а не иначе (при этом неясно: как, каким же образом договаривались, не умея говорить). Договорная теория происхождения государства породила договорную теорию происхождения языка.

§ 33. Об индивидуалистических теориях происхождения языка. Каковы современные теории происхождения языка? Теорий немало; знакомиться со всеми ими здесь нет возможности, да и нет надобности. По основному принципу, лежащему в основе их, теории эти можно свести в две группы: теории индивидуалистические и теории социальные.

Типичными индивидуалистическими теориями являются теория звукоподражания (ономатопоэтическая теория) и теория восклицаний (теория междометий).

Теория звукоподражания предполагает, что первыми словами были слова звукоподражательные. Предмет был назван по тому, какой звук издавался им: *кукушку* назвали так потому, что она издаёт *ку-ку*. Как быть с теми предметами, которые не издают звуков? Почему же во всех языках все предметы не называются по звукам, ими издаваемым? На эти вопросы ответа теория не даёт, хотя эти вопросы вполне законны с точки зрения данной теории.

Теория междометий первыми словами считает выкрики, которые вырываются произвольно (от сильной боли или же как выражение ужаса, восторга и т. д.). Эти выкрики должны были проложить путь к созданию остальных слов. В этой теории не учитывается, что эти выкрики не могут считаться словами: они не являются названиями чувств (аффектов), которыми они

вызваны, а составляют непосредственное их выражение; от таких выкриков до слов, обозначающих определённый предмет, очень далеко.

При всём различии между этими теориями их объединяет общий принцип: первые слова и в том, и в другом случае создаются отдельными лицами; нет необходимости в коллективе, чтобы услышать *ку-ку* и отнести его к определённой птице, или для того, чтобы издать крик от ужаса или невыносимой боли.

§ 34. Учение Энгельса о происхождении языка. Социальная теория исходит из положения, что язык мог возникнуть лишь в коллективе, в группе, в орде первобытных людей, мог возникнуть лишь для нужд коллектива, для общения людей.

Современному состоянию научного знания отвечает то понимание вопроса, какое представлено в известной работе Ф. Энгельса „Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека“¹. Как видно из заглавия, происхождение языка Энгельс рассматривает попутно, в связи с происхождением человека, но рассматривает относительно подробно, выдвигая обоснованные положения по узловым, принципиальным вопросам проблемы.

Существо воззрений Энгельса может быть выражено в следующих трёх положениях.

1. Человек — общественное животное. Общественными животными являлись и предки человека — „высокоразвитая порода человекообразных обезьян“. Труд и первобытные орудия труда сыграли решающую роль в превращении обезьяны в человека (точнее: предка человека — в человека). Труд создал человека.

2. Язык возник в первобытной орде, в процессе труда, возник как средство общения, для удовлетворения потребностей общения.

3. Первичным языком является звуковой язык.

Таким образом, Энгельс обосновывает социальную, трудовую теорию происхождения языка, Энгельс высказывается за первичность звукового языка.

---

¹ Осталась незаконченной; написана в 1876 г. как часть большой работы („Порабощение рабочего“). Впервые напечатана в журнале „Neue Zeit“ за 1896 г. Была фактически неизвестна до опубликования перевода на русском языке в советские годы.

По предположению Энгельса, предки человека жили „где-то в жарком поясе — по всей вероятности, на обширном материке, ныне погруженном на дно Индийского океана“¹ „много сотен тысячелетий тому назад“; возникновение человеческого рода относится приблизительно к концу третичного периода². Предок человека был четвероногим.

„Решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку“ был сделан, когда предок человека усвоил прямую походку: рука стала свободной. Она могла быть использована для защиты от врагов. Она могла выполнять самые простые трудовые операции. Она могла научиться делать простые орудия труда, вначале из камня. Конечно, для этого требовались геологические эпохи.

„Наверное протекли сотни тысяч лет, — в истории земли имеющие не большее значение, чем секунда в жизни человека, — прежде чем из стада лазящих по деревьям обезьян возникло человеческое общество. Но все же оно, наконец, появилось. И в чем же опять мы находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян? В труде“³. Но „труд начинается с изготовления орудий“⁴. Это и является специфическим для человеческого труда: „Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа“⁵. „Прежде чем первый кремень при помощи человеческой руки был превращен в нож, должен был, вероятно, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным“⁶.

Общепризнано, что орудия труда (и их характер) имели и имеют громадное значение для развития культуры; далеко не случайно, что в истории культуры выделяют „каменный век“, „бронзовый век“, „железный век“, в зависимости от того, когда какие орудия труда используются, в зависимости от того, когда какие орудия преобладают. Для характеристики эпохи большее

---

¹ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека (проверенный и исправленный текст в сборнике К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 70).

² Там же, стр. 70.

³ Там же, стр. 74—75.

⁴ Там же, стр. 75.

⁵ Там же, стр. 71.

⁶ Там же, стр. 71.

значение придаётся не тому, что производится, а тому как, при помощи каких орудий производится.

Труд и развитие труда составляли основу развития человеческого общества. Труд и развитие труда создавали необходимые предпосылки для возникновения языка. Благодаря развитию труда расширялось господство над природой. Развитие труда вызвало более тесное сплочение членов общества, обусловило развитие совместной деятельности. В этих условиях „формиовавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим“¹.

Таким образом, язык был создан для того, чтобы удовлетворить потребность общения, язык возник как средство общения и обмена мыслями. Такое назначение языка изначально: язык для этого и создавался. Потому-то язык „рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества“².

Звуковая речь вначале не состояла из членораздельных звуков; неразвитая гортань не была в состоянии их произносить; она научалась постепенно произносить членораздельные звуки, причём сама гортань преобразовывалась; очевидно, это продолжалось десятки тысяч лет. Нечленораздельные звуки первобытного человека могут быть уподоблены лепету ребёнка, который обычно невозможно понять постороннему человеку, но в котором без труда разбирается мать.

Много спорили о том, что представляли собой первичные слова: имя или глагол? Обозначали они предмет или действие? Речь зарождалась в связи с трудом; поэтому кажется последовательным, если утверждают, что начальные слова являлись „глаголом“, обозначали действие. Однако это не так: в эпоху возникновения языка „имя“ и „глагол“ не могли различаться, категории предмета и действия не имелись; было бы анахронизмом искать эти категории в те времена.

---

¹ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, стр. 73.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22.

Наиболее вероятно предполагать, что вначале не создавались слова в нашем современном понимании; начальные комплексы звуков, надо думать, по звуковому составу напоминали слово, но обозначали цельное, нерасчленённое, восприятие (представление), т. е. по своей функции приближались к предложению, но не являлись, конечно, предложением. Эти первичные звуковые комплексы могли представлять собою нечто вроде детских слов, какого-нибудь „апа“, которое в произношении ребёнка может означать: „Подыми меня на руки!“, „Пойдём гулять!“, „Надень пальто!“ (или даже просто пальто, которое надевают на него, когда выводят гулять); по контексту — то одно, то другое¹.

§ 35. К вопросу о первичности незвукового языка. За последние пятьдесят лет распространилось мнение, что первичный язык не был звуковым языком: человек начал говорить при помощи жестов (движений рук) и мимики. Следовательно, вопрос о происхождении языка не сводится к вопросу о том, каким образом была создана звуковая речь; звуковая речь по этой теории представляет собою вторичное явление.

Распространению такого мнения во многом способствовали работы немецкого психолога Вундта. Подробную характеристику языка жестов Вундт дал в первом томе своей „Этнической психологии“ (1901). Вундт в принципе уравнил и жест, и звук: и жест, и звук по Вундту представляют собою „выражающие движения“ (Ausdrucksbewegungen)². По функции же, согласно Вундту, жесты выражают представления, звуки же вначале выражали лишь чувства. Выразить представления звуки стали лишь впоследствии. Тем самым у Вундта обосновывается первичность языка жестов.

В русской языковедческой литературе уже Овсяннико-Куликовский защищал положение о первичности языка жестов,

---

¹ Ссылку на детскую речь нельзя понимать в том смысле, что по языку ребёнка мы можем судить о языке первобытного человека, что процесс овладения речью у ребёнка воспроизводит процесс создания языка в первобытном обществе. Отнюдь нет: сходство здесь лишь типологическое. Разница же существенная: ребёнок, находясь в окружении говорящих людей, учится от них языку, первобытным же людям не у кого было учиться, не от кого было усваивать язык, — им приходилось создавать язык.

² О первичности языка жестов говорится ещё в ранней работе Вундта „Лекции о душе человека и животных“, том II, лекция 54-я (русс. перевод издан в 1866 г.).

утверждая, что в продолжение многих десятков тысяч лет говорили лишь при помощи жестов, звуковой же язык возник впоследствии¹.

За первичность языка жестов ратовал Н. Марр, считавший, что звуковой язык длится „в общем от 50 000 до 500 000 лет“, язык же жестов держался от „миллиона до полутора миллионов лет“². Язык жестов у Н. Марра именовался кинетическим языком, чаще — ручным языком. Ручному языку по Марру соответствовало ручное мышление.

Первичность ручного языка нельзя признать обоснованной. Немыслимо, чтобы человечество в продолжение десятков тысяч лет общалось лишь при помощи языка жестов (не говоря уже о фантастической марровской цифре — миллион или полтора миллиона лет, щедро отводимых на долю ручного языка!). Язык жестов (движения руки) воспринимается оптически: в темноте он перестаёт служить средством общения. Следовательно, если древний человек располагал одним лишь ручным языком, то в темноте он сразу же оказывался без средства общения — и так на протяжении десятков тысяч лет, а это трудно допустить, если учесть назначение языка в жизни людей.

В мире животных (и птиц) звуки используются не в меньшей мере, чем движения частей тела (срв., например, визг и разнообразный лай собаки, сопровождаемые — в зависимости от того, что или кого она видит — или радостным прыганьем и виляньем хвоста, или же движениями, выражающими угрозу нападения). Совершенно невероятно, чтобы предок человека не использовал возможностей своего голоса для выражения чувств и (в дальнейшем) для нужд общения.

Язык жестов находит и теперь у человека определённое применение (и существует самостоятельно, например, у глухонемых), но он создан при наличии звукового языка и на основе звукового языка.

В древности жесты могли, как и ныне, сопровождать слова, но нет оснований полагать, чтобы они выступали самостоятельно в роли средства общения, когда ещё не было звукового языка.

В пользу первичности языка жестов пытались приводить аргументы от археологии: у ископаемого человека³ эпохи камен-

---

¹ „Итоги науки“, т. X, 1914, стр. 270.

² Н. Марр, Язык и мышление, избр. раб., т. III, стр. 119.

³ Например, у так называемого гейдельбергского человека.

ного века не имеется подбородочного выступа; поэтому он якобы не мог иметь звукового языка и, следовательно, говорил жестами.

Отсутствие подбородочного выступа исключает членораздельную речь, но не вообще звуковую речь (см. выше в § 34 указание Энгельса на то, что „неразвитая гортань обезьяны медленно преобразовывалась“, что „органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим“).

Последователи Н. Марра утверждали, что допускать первичность ручного языка требуется марксистской постановкой вопроса. Как и другие утверждения подобного рода, и это утверждение Н. Марра научно несостоятельно. Марксизм, — как это показано И. В. Сталиным, — не требует исходить из первичности языка жестов.

Язык жестов нельзя ставить на одну доску со звуковым языком: „...значение так называемого языка жестов ввиду его крайней бедности и ограниченности — ничтожно. Это, собственно, не язык и даже не суррогат языка, могущий так или иначе заменить звуковой язык, а вспомогательное средство с крайне ограниченными средствами, которым пользуется иногда человек для подчёркивания тех или иных моментов в его речи. Язык жестов так же нельзя приравнять к звуковому языку, как нельзя приравнять первобытную деревянную мотыгу к современному гусеничному трактору с пятикорпусным плугом и рядовой тракторной сеялкой“¹.

Язык зародился в виде звуковой речи: первичен звуковой язык. И. В. Сталин считал серьёзной ошибкой утверждение, что „одно время человеческое общество не имело языка слов, что «ручной» язык заменял тогда появившийся потом язык слов“. „Звуковой язык или язык слов, — пишет И. В. Сталин, — был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. История не знает ни одного человеческого общества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка. Этнография не знает ни одного отсталого народца, будь он таким же или ещё более первобытным, чем, скажем, австралийцы или огнеземельцы прошлого века, который не имел бы своего звукового языка. Звуковой язык в истории человечества является

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 46—47.

одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить своё мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время¹.

Выше мы видим, что Энгельс исходил из первичности звукового языка.

Следует отметить, что за первичность звукового языка И. В. Сталин высказывался мимоходом, но совершенно определённо ещё в 1906 г. в работе „Анархизм или социализм?“: „Если бы обезьяна всегда ходила на четвереньках, если бы она не разогнула спины, то потомок её — человек — не мог бы свободно пользоваться своими лёгкими и голосовыми связками и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания“².

Классики марксизма, таким образом, высказываются за первичность звукового языка. Следовательно, лишено всякого основания утверждение Н. Марра и его последователей, будто марксистская постановка вопроса о происхождении языка требует исходить из первичности языка жестов, „ручного языка“.

§ 36. О происхождении языка по Н. Марру. Одно утверждение Н. Марра — о первичности ручного языка — уже рассмотрено выше. К этому утверждению примыкают и другие, а именно: звуковой язык — по Марру — возник относительно недавно (приблизительно 50 тысяч лет тому назад — см. выше стр. 133). Он зародился в классово дифференцированном обществе, в среде магов, но не как средство общения людей (таким средством служил ручной язык). Первичные слова являлись магическим средством — средством общения магов с тотемом племени. Общение с тотемом ставило целью обеспечить благоволение тотема к трудовой деятельности людей племени³.

Итак, по Марру звуковой язык не мог возникнуть как средство общения: он лишь долгое время спустя после возникновения стал разговорным языком. Таким образом, Н. Марр отрицает общественный характер языка — быть средством общения — на начальных этапах существования звукового языка. Тем самым утверждение Н. Марра противоречит принципиальным установкам марксистской науки о языке по данному вопросу.

Что в древности слову приписывалась магическая сила, это бесспорно. Но нет решительно никакого основания такое понимание приписывать людям, только что начавшим создавать звуковую речь. Это — анахронизм.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 46.

² И. Сталин, Соч., т. 1, стр. 313.

³ Н. Марр, избр. раб., т. II, стр. 85, 129—130; К Бакинской дискуссии об яфетидологии и марксизме, Баку, 1932, стр. 7 и последующие.

Утверждение Н. Марра, будто бы при зарождении звуковой речи общество было дифференцировано („по производственному признаку“), что язык с самого начала являлся классовым, что это „был язык класса, завладевшего всеми орудиями производства тех эпох, в том числе и магиею-производством“¹, — не имеет ничего общего с наукой, с принципами марксизма.

„Труд-магическая“ функция языка не может превратить теорию Н. Марра в трудовую теорию происхождения языка: труд у Н. Марра выступает не как основа развития общества, а в совершенно своеобразном понимании, как фон для деятельности магов.

Таким образом, ни одно утверждение Н. Марра (ни первичность ручного языка, ни позднее зарождение звукового языка как „труд-магического“ действия, ни „классовый характер“ происхождения языка) не является научно обоснованным, ни одно из этих положений не оправдано с точки зрения марксизма. Теорию происхождения языка Н. Марра следует признать одной из самых произвольных гипотез, которые были выдвинуты за последние сто лет по вопросу о происхождении языка.

---

¹ Н. Марр, К Бакинской дискуссии..., стр. 10.

ОТРАСЛИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

§ 37. Отрасли языкознания. Виды грамматик. Основу всякого языка составляют грамматический строй и основной словарный фонд (см. § 11). На базе основного словарного фонда создаётся словарный состав языка. Из словарного состава, благодаря грамматическому строю, создаётся цельная система языка. Таким образом, словарным составом и грамматическим строем исчерпывается конкретная суть всякого языка.

Всестороннее изучение грамматического строя и словарного состава языка повело к созданию ряда отраслей лингвистического знания. Таковы: морфология, синтаксис, лексикология, семасиология, этимология, стилистика и фонетика.

Грамматический строй изучается в морфологии и синтаксисе; словарный состав является объектом лексикологии, семасиологии и этимологии. Факты и грамматического строя, и словарного состава могут рассматриваться в стилистике, но с иной точки зрения, чем в перечисленных отраслях языкознания, а именно с точки зрения отношения выражения к выражаемому.

Предметом фонетики служит звуковой материал языка в целом.

В системе языковедческих дисциплин центральное место занимает грамматика, как учение о грамматическом строе.

Грамматика может быть исторической, сравнительной, описательной. Историческая грамматика проследит развитие грамматического строя того или иного языка (например, историческая грамматика русского, украинского, армянского, грузинского и других языков). В сравнительной грамматике изучаются путём сопоставления исторически однозначные явления в грамматическом строе родственных

языков (таковы, например: сравнительная грамматика славянских языков, германских языков, индоевропейских языков, семитических языков, угро-финских языков, картвельских языков и др.). Сравнительное изучение родственных языков даёт возможность проследить исторический процесс возникновения и развития родственных языков. Поэтому сравнительная грамматика не только не противостоит исторической, но сама является органической частью исторической грамматики родственных языков; историческая грамматика может не быть сравнительной, сравнительная же грамматика не может не быть исторической. Отсюда термин *сравнительно-историческая грамматика* (или, точнее, *историко-сравнительная*, поскольку сравнение служит вспомогательным средством истории).

Иногда говорят о сравнительном изучении неродственных языков, сопоставляя одинаковые по функции (значению) явления (например, склонение имён, спряжение глаголов, построение предложения и т. п.). Сравнительную грамматику таким путём не получим; это будет сравнением без истории. Сравнительная грамматика славянских языков или угро-финских языков научно правомерна, но сравнительной грамматики эстонского и латвийского языков или русского, или казахского языков нельзя разработать: эти два языка не родственны¹.

Грамматический строй того или иного языка можно изучать в определённый момент его развития независимо от того, какое место занимает он в истории развития соответствующего языка или в каком отношении находится к грамматическому строю родственных языков. Такой разрез системы языка даётся в описательной грамматике. Подобный описательный анализ так же нельзя приравнять к полному научному анализу, как арифметику нельзя приравнять к математике, но он так же необходим для языкознания, как арифметика необходима для математики. Описательная грамматика представляет собой необходимый исходный момент для исторической грамматики и постольку является научно правомерной.

Следует отметить, что, давая описательный анализ системы языка, сплошь и рядом приходится прибегать к помощи истории: нельзя понять и должным образом квалифицировать то или иное явление в действующей грамматической системе, не

---

¹ Сравнение неродственных языков имеет значение лишь для методики преподавания неродного языка.

учитывая его истории. Этим подчёркивается примат исторической точки зрения.

Современная описательная грамматика, при наличии исторической, по существу отличается от описательной грамматики тех эпох, когда не имелось ещё исторической грамматики; это донаучные описательные грамматики — филологическая и рациональная (см. § 3) и их традиционное продолжение в виде школьных технических грамматик.

Современная описательная научная грамматика отличается от донаучных описательных грамматик по ряду моментов. Наиболее существенные расхождения сводятся к следующему.

Донаучные описательные грамматики (филологическая, рациональная) изучали только письменные языки. Научная описательная грамматика изучает как письменные, так и бесписьменные языки: изучение готтентотского языка так же правомерно лингвистически, как и языка латинского.

В письменном языке закономерности развития языка бывают завуалированы в результате сознательного отношения к нормам языка и в результате планомерного воздействия на его развитие. В бесписьменном языке этого нет. Для уяснения закономерностей развития человеческой речи бесписьменные языки могут давать более ценные показания, чем письменные языки.

Донаучные описательные грамматики письменных языков в принципе нормативны (они стараются установить: *Что есть? Как должно быть?*). Правила (нормы) и исключения из правил стоят обычно в центре внимания этих описательных грамматик. Научные описательные грамматики ставят целью уяснить, что есть и каким путём получено то, что есть. Они не задаются целью установить, как должно быть, но они создают надёжную базу для выработки научно обоснованных норм; правильно диагностируя происхождение разнобоя в том или ином явлении литературного языка, научная грамматика обеспечивает возможность наиболее целесообразного решения вопроса.

В донаучной описательной грамматике имелись лишь этимология (= морфология), синтаксис и орфография (в качестве равноправного члена наряду с первыми двумя отделами). Элементы фонетики представлены были слабо, да и значение фонетических процессов не учитывалось.

В числе отраслей научной описательной грамматики нет орфографии. Фонетика занимает самостоятельное место, причём в полной мере учитывается влияние звуковых изменений на морфологию и синтаксис.

Морфология и синтаксис в научной описательной грамматике приобретают отличное от старого содержание в результате того, что создались новые отрасли языкознания (лексикология, семасиология, этимология, стилистика).

Таким образом, современная научная описательная грамматика отличается от донаучной и по объекту изучения, и по точке зрения, и по составу входящих в неё дисциплин. Современная научная описательная грамматика, являясь необходимым элементом исторической грамматики, по существу отличается от донаучной описательной грамматики, которой была чужда историческая точка зрения.

Общие вопросы фонетики, лексикологии, семасиологии, этимологии, морфологии, синтаксиса и стилистики, а именно: что изучается в каждой из этих языковедческих отраслей, каковы основные понятия каждой отрасли, каково взаимоотношение этих отраслей — эти общие вопросы являются предметом изучения общего языкознания. Естественно, что материалом для обобщений будут служить конкретные факты фонетики, лексикологии, семасиологии, этимологии, морфологии, синтаксиса и стилистики конкретных языков. Общее языкознание обобщает результаты научного изучения отдельных языков (§ 1).

Классификация же языков призвана изложить результаты научного изучения исторической связи языков или их взаимоотношения по типологии.

Ф О Н Е Т И К А

§ 38. Предмет фонетики. О значении фонетики. Фонетика имеет дело с звуковым материалом человеческой речи. Фонетика изучает звуковой состав, звуковой строй и звуковые изменения в языке и закономерности этих изменений (греч. *phōnē* — *голос*, греч. *phōnētikē* — *относящийся к голосу, к звукам*).

Материальная данность звуковой стороны языка имеется в виду в следующих словах Маркса и Энгельса: „На «духе» с самого начала тяготеет проклятие отягощения его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, — звуков, — словом, в виде языка“¹.

В звуках материально овеществлён язык. Язык не мог бы служить средством общения и обмена мыслями, если бы слова не были даны в виде звуков, произносимых говорящим лицом и воспринимаемых слушателем.

Звуки речи произносятся человеком; звуки речи могут воспроизводиться при помощи аппаратов (например, диктофона, патефона и т. п.); первоисточником таких звуков служат звуки, произнесённые человеком.

Фонетика, как отдел языкознания, изучает звуки речи, которые произносятся человеком и слышимы человеком. В звуковом составе каждого языка выделяются фонемы² — основные единицы звуковой системы — и их разновидности. Фонетика изучает и то, и другое.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, 1934, стр. 21.

² О фонеме и фонологии см. § 57.

Соответственно фонетика рассматривает: как произносятся звуки, точнее, каков физиологический процесс создания звука (так называемая артикуляция звука), с одной стороны, и каковы акустические свойства звуков языка — с другой стороны. Таким образом, фонетическая акустика и физиология звука различаются при анализе звуков с точки зрения слушателя и с точки зрения говорящего.

Какой же смысл изучать акустические и физиологические свойства звука? Язык — средство общения и обмена мыслями. Но в качестве средства общения выступают целые предложения или отдельные слова, во всяком случае не отдельные звуки.

Указывают (и совершенно основательно), что знать звуковой состав языка и свойства отдельных звуков необходимо при разработке алфавита для бесписьменного языка или при урегулировании орфографических вопросов (младописьменных или древнеписьменных языков).

Изучая новый язык (или обучая кого-либо языку), также нужно учитывать свойства звуков данного языка. Особо следует отметить значение фонетики для логопедии — той отрасли медицины, которая ставит своей задачей устранение дефектов речи, лечение речевых расстройств. Значение фонетики для логопедии общепризнано.

Во всех этих случаях ясно проступает прикладное, практическое значение фонетики. Но этим не исчерпывается вопрос о значении фонетики. Вопрос касается того, в чём состоит значение фонетики, как языковедческой теоретической дисциплины.

В обоснование теоретического значения фонетики нельзя выставлять положение, будто звук является значащим элементом слова. Это положение нельзя считать правильным: наименьшей значащей единицей речи служит слово, а не звук¹.

Какое-либо слово, например *стол*, значимо, как нечто целое, как сочетание определённых звуков, данных в определённой последовательности.

Слово *стол* состоит из четырёх звуков (*с-т-о-л*), но отсюда нельзя заключить, что значение слова распределяется между

---

¹ В отдельных случаях слово может состоять из одного звука, но такие случаи столь редки, что на них нельзя строить никакой формулы, к тому же такие звуки обычно являются остатком более сложного комплекса.

четырьмя звуками, что на долю каждого звука приходится какая-то доля значения и что каждый звук представляет собою значащую единицу.

Отбрасывая тот или иной звук, увидим, что изменилось значение слова (срв. *стол* и *сто*) или уничтожилось старое значение, без того, чтобы создать новое (срв. *стол* и *стл*). Можно ли сказать, что мы получили новый комплекс с новым значением (*сто*) или же новый комплекс, лишённый значения, (*стл*), потому, что в каждом звуке заключалась какая-то доля значения и, отбросив этот звук, мы внесли соответствующее изменение в значение слова? Конечно, нет: если бы дело обстояло таким образом, один и тот же звук во всех словах имел бы одинаковое значение, одинаково изменял бы значение. Отбросив тот или иной звук, мы разрушили слово, как целое, с которым связано значение. Следовательно, эксперимент с отбрасыванием отдельных звуков доказывает не то, что отдельный звук является носителем определённой доли значения слова, что отдельный звук является значащим элементом речи; эксперимент с отбрасыванием звуков подчёркивает целостность слова, как носителя значения, подчёркивает, что значение связано со словом, как целым, а не с отдельными звуками, из которых оно состоит.

Таким образом, нельзя искать теоретического обоснования фонетики в том, что „звук — значащий элемент речи“.

Часто указывают, что функция звука — различать значения: *стол* — *стал* — *стул* — *о*, *а*, *у* выполняют будто бы функцию различения слов. Следствие здесь путают с причиной: в этих словах различие обнаружилось лишь в гласных (*о*, *а*, *у*), но отсюда нельзя сделать вывода, что эти гласные в этих словах участвуют для того, чтобы сохранить различие, участвуют для того, чтобы не получилось омонимии (если *стол*, *стул*, *стал* различаются лишь по гласному элементу, то это объясняется исторически — различным происхождением данных слов). Если бы звуки (фонемы) имели функцию различения, в языке были бы невозможны омонимы (*мир*: *Мир* всему миру!). Невозможны были бы: упрощение звукового состава в процессе развития языка, различие в звуковом составе диалектов одного и того же языка.

Можно привести ещё один аргумент в пользу значимости отдельных звуков.

Интонация различает предложения повествовательные, вопросительные, восклицательные. Срв. *Товарищ принёс книгу.* —

Товарищ принёс книгу?— Товарищ принёс книгу! Значение интонации в таких случаях совершенно бесспорно. Но такая роль интонации изучается в синтаксисе, семасиологии, стилистике. Поэтому она не может определить специфику фонетической точки зрения. В фонетике интонация рассматривается не по функции.

Теоретический смысл изучения звуковой стороны языка заключается в том, что без учёта звуковых изменений нельзя дать научную историю ни лексики, ни грамматического строя. Понять же звуковые изменения невозможно без знания свойств звуков. Следовательно, изучение звуков является актуальным для языкознания, причём центр тяжести фонетических исследований падает на звуковые изменения. Поэтому-то, анализируя свойства звуков, особое внимание следует уделять тем моментам, которые помогают понять звуковые изменения.

Этим и определяется ведущая роль физиологии звуков¹ речи в сравнении с фонетической акустикой²: именно физиология звуков делает понятным большинство изменений (почему, например, говорится *человек*, но *человеческий*, а не „человеке-ский“; *волк*, но *волчий*; *друг*, но *дружеский* и т. д.).

Ведущая роль физиологии звуков речи станет яснее, если принять во внимание то обстоятельство, что все особенности акустической характеристики определяются деятельностью речевого аппарата (см. § 39).

Без исторической фонетики не могло быть историко-сравнительной грамматики, исторического языкознания. Не будет преувеличением, если сказать, что именно благодаря фонетике языкознание стало одной из наиболее точных общественных наук.

---

¹ Принято говорить о социальной природе звука; это не лишено основания, если иметь в виду то обстоятельство, что звук речи — не просто физический факт, а используется как материал для языка, служащего средством общения и обмена мыслями. В этой связи можно говорить о социальном аспекте фонетики, поскольку одни и те же звуки в различных языках изменяются неодинаково; изменения не носят характера физической закономерности: те или иные звуковые изменения имеют место не всегда, а в определённую эпоху, не во всех языках, а в определённых.

Без такого уточнения говорить о социальной природе звука научно не оправдано.

² У некоторых авторов, наоборот, акустической стороне придаётся особенное значение (см. де-Соссюр, Курс общей лингвистики, 1933, стр. 55).

§ 39. Характеристика звука с акустической точки зрения.

Звук является результатом колебаний упругого тела, передаваемых воздушной средой. В безвоздушном пространстве звук не распространяется. Без колебаний упругого тела (струны, камертона, голосовых связок) звук не может возникнуть. Человеческое ухо воспринимает звуки, если количество колебаний не меньше 16 и не больше 20 тысяч в секунду (когда число колебаний превышает 20 тысяч, оно воспринимается не как звук, а как ощущение боли в ушах).

В зависимости от характера колебаний создаются тоны и шумы. Тоны получаются, если колебание носит ритмический характер, т. е. если колебание равномерно периодическое. Шумы порождаются при отсутствии ритмичности, периодичности в колебаниях.

В звуке различают: силу, высоту, длительность и тембр (звука).

Сила звука зависит от размаха колебаний: чем больше размах (например, колеблющейся струны), тем сильнее звук.

Высота звука зависит от количества колебаний: чем больше число колебаний в секунду, тем выше звук. Лучше всего воспринимаются колебания от 1500 до 3000 в секунду.

Длительность звука зависит от того, как долго длится колебание, прерывистое оно или длительное.

Тембр звука зависит от взаимоотношения основного тона и побочных тонов. По тембру различаются звуки одинаковой высоты различных инструментов, например, скрипки и бандуры, гитары и арфы. Различие в тембре связано с различием в резонаторах.

Конкретизируя общую характеристику звука применительно к звукам человеческой речи, следует отметить:

а) большинство звуков речи являются шумными, не представляют собою чистых тонов:

б) сила звуков речи определяется силой напора струи выдыхаемого воздуха на голосовые связки (или другие места преграды; срв., например, силу звуков речи оратора на многочленном собрании и в разговоре с собеседником или силу ударяемого гласного звука с силой неударяемого гласного: *стенá*, *потолóк*; *дéрево*);

в) высота звуков речи определяется длиной и напряжённостью голосовых связок. У детей, у женщин голосовые связки

короче, напряжённость ббльшая, высота звука также соответственно увеличена;

г) продолжительность гласных звуков большая, чем согласных, причём согласные также различаются по продолжительности;

д) тембр звуков речи определяется объёмом и формой ротовой и носовой полости, а также полости зева.

Таким образом, оказывается, что все моменты акустической характеристики звуков человеческой речи связаны с теми или иными моментами произношения звуков речи, деятельности речевых органов, иными словами, связаны с теми или иными моментами физиологии звуков речи. Тем самым подчёркивается важность изучения этой области фонетики.

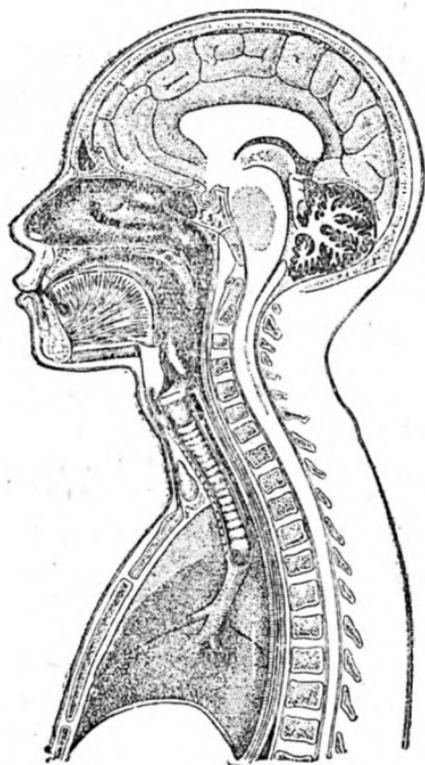
§ 40. Речевой аппарат, его устройство и функции отдельных его частей¹. Материалом для образования звука служит выдыхаемый воздух (вдыхаемый воздух для этой цели, как правило, не может быть использован). Однако можно выдохнуть воздух, но не говорить. Выдыхаемый воздух лишь благодаря работе речевого аппарата может породить звуки речи. Органы речи расположены по дыхательному каналу. Воздух, выдыхаемый лёгкими, попадает из бронх в дыхательное горло (или трахею — trachea), оттуда — в гортань (larynx), из гортани — в полость глотки или зева (pharynx), а отсюда поступает в носовую полость или же ротовую полость. Таков путь, по которому двигается выдыхаемый воздух.

Для произношения звука важнее всего голосовые связки, расположенные в гортани, и язык, расположенный в ротовой полости. Гортань (larynx) расположена спереди пищевода. Гортань состоит из хрящей: перстневидного хряща (cartilago cricoidea), щитовидного хряща (cartilago thyreoidea), двух пирамидальных (или черпаловидных) хрящей (cartilaginee arytenoideae). Два отростка на стенках щитовидного хряща при помощи мускулов соединяются кверху с подъязычной костью (os hyoideum) — носителем гортани. Гортань сверху прикрывается подвижным надгортанником (epiglottis). Надгортанник закрывает вход в гортань, и проглатываемая пища скользит поверх надгортанника в пищевод.

---

¹ См. рисунок на стр. 146.

В гортани, как сказано, имеются голосовые связки (*chordae vocales*). Передний конец голосовых связок соединяется в щитовидном хряще внутри кадыка. Задним концом они прикреплены к пирамидальным хрящам; благодаря подвижности пирамидальных хрящей голосовые связки могут смыкаться, сближаться или расходиться, образуя голосовую щель.

Над гортанью расположена полость глотки, или зева (*pharynx*), переходящая в полость рта и носа. Объем полости рта может сильно изменяться, поскольку нижняя челюсть подвижная.

Переднюю границу полости рта образуют передние зубы (за которыми расположены губы — верхняя и нижняя). Корни зубов сидят в лунках. Выступы над лунками называют альвеолами. За альвеолами верхних зубов начинается твердое небо (*palatum durum*). Сзади оно переходит в мягкое небо, или небную занавеску (*velum palati*). Последняя заканчивается маленьким язычком (*uvula*).

В полости рта находится язык, который может принимать различную форму и производить различные движения. В языке различают: кончик языка, передний край языка (или лезвие языка, в котором сходятся верхняя спинка с нижней спинкой), верхнюю спинку языка (передняя, средняя, задняя спинка), корень языка.

В образовании звуков участвуют: голосовые связки, язык, губы, передние зубы, небо (твердое и мягкое), язычок, задняя стенка глотки (зева). При этом одни из них принимают активное участие, занимая различное положение при образовании различных звуков, другие же участвуют пассивно, не изменяясь в своем положении при образовании звуков.

Активными органами речи являются: голосовые связки, язык, губы, мягкое нёбо, язычок (а также нижняя челюсть).

Пассивными являются: передние зубы, альвеолы, твёрдое нёбо, задняя стенка зева (и верхняя челюсть).

§ 41. Работа активных органов речи. В чём выражается работа активных органов речи? Начнём с голосовых связок. Голосовые связки могут иметь три различных уклада: один — при дыхании, другой — при звучании и третий — при шопоте. При дыхании голосовые связки открыты, в голосовую щель воздух проходит свободно (причём голосовая щель шире раскрыта при вдохе, чем при выдохе). Открытые ненапряжённые голосовые связки характеризуют индифферентное положение голосовых связок, когда они активно не участвуют в произношении звуков. В таком же положении находятся голосовые связки при произношении глухих звуков (*к, т, п...*): в произношении их голосовые связки не участвуют.

Голосовые связки могут тесно сблизиться и натянуться; выдыхаемый воздух, проходя через узкую щель натянутых голосовых связок, заставляет их дрожать (вибрировать и звучать). Это имеет место при произношении как гласных (*а, и, у...*), так и звонких согласных (*б, в, г, д, ж, з, л, м, н, р*). Стоит приложить палец к кадыку (или заткнуть уши пальцами), чтобы ощутить дрожание голосовых связок при произношении гласных и звонких согласных (*б, д, г, з*). Согласные будут глухими, если при их образовании голосовые связки не дрожат; таковы глухие согласные: *п, т, к, с...* (срв. глухие: *п, к, т, с...* и звонкие: *б, г, д, з*).

Если же голосовые связки не напряжены, а голосовая щель более или менее сужена, речь будет носить характер шопота. Шопот может образоваться и при закрытой голосовой щели, если остаётся открытой хрящевая щель (т. е. щель между пирамидальными хрящами): в хрящевой щели будет создаваться сильный шум трения.

Без участия голосовых связок нет голоса, нельзя произносить звонкие звуки (гласные, сонанты, звонкие согласные). От голосовых связок и их работы зависит и высота голоса, изменения которой определяют мелодику речи.

Мягкое нёбо (нёбная занавеска) в индифферентном положении висит свободно, открывая выдыхаемому воздуху доступ

в носовую полость; но оно может придвинуться к задней стенке зева (или прижаться к ней) и таким образом затруднить (или закрыть) доступ воздуха в носовую полость. При произношении так называемых носовых звуков — *м*, *н* — выдыхаемый воздух проходит в носовую полость, следовательно, нёбная занавеска не принимает активного участия. Но при произношении неносовых (так называемых чистых) звуков требуется, чтобы нёбная занавеска закрывала доступ воздуха в носовую полость, — требуется активное участие нёбной занавески.

Если нёбная занавеска дефектна, доступ выдыхаемого воздуха в носовую полость не будет прекращаться и все звуки будут произноситься „в нос“, речь получится гнусавая.

Язычок активно участвует при произношении своеобразного звука *р* французской речи („картавого *р*“).

Наиболее активным органом речевого аппарата является язык. Активность голосовых связок приходится выявлять (и для этого требуются специальные знания), роль же языка в произношении звуков не может остаться незамеченной: активность языка бросается в глаза. Не случайно поэтому, что человеческая речь у многих народов называется языком.

Не все части языка могут проявлять одинаковую активность; максимальной возможностью обладает передняя часть языка: она наиболее подвижна и соответственно наиболее активна. Меньше возможности у средней части языка и ещё меньше — у задней.

Передняя часть языка может упереться в верхние зубы; это имеет место при образовании согласных, каковы: *д*, *т*, *н*... Называются они переднеязычными, или дентальными (зубными)¹. Передняя часть языка может приближаться к верхним зубам (например, при произношении *с*). Она может упереться в альвеолы верхних зубов (так произносятся английские *d*, *t*...), может приближаться к альвеолам (при произношении *ш*, *ж*...). Передняя часть языка может отогнуться в сторону, оставляя проход для воздуха сбоку (так образуются латеральные звуки некоторых иберийско-кавказских языков). Передняя часть языка может вибрировать: это наблюдается при образовании звука *р* (см. ниже § 46).

---

¹ Латинское *dens* — зуб, *dentes* зубы.

Многообразие переднеязычных звуков определяется максимальной подвижностью передней части языка относительно зубов и альвеол.

Средняя часть языка может менять своё положение относительно твёрдого нёба, приближаясь к нему или удаляясь от него. Приподнятое положение средней части языка имеем при образовании гласных *э, и*. Но оно может наблюдаться при образовании согласных как переднеязычных, так и заднеязычных; так образуются палатальные, или мягкие (точнее — смягчённые согласные), *т', н'... г', к'...* Мягкими они называются по акустическому впечатлению, физиологически же они характеризуются как палатальные, или средненёбные. Активность задней части языка проявляется при произношении некоторых гласных (*о, у*) и согласных (*к, г...*). Называются эти звуки заднеязычными.

Активность губ может проявляться как при образовании гласных (*о, у...*), так и согласных (*п, б, м...*). Такие звуки называются губными. Если активно участвуют и нижняя, и верхняя губа, звук называют губно-губным, или билабиальным (двугубным). Но в образовании звука может принимать активное участие лишь нижняя губа, касаясь верхних зубов (звук *ф*) или приближаясь к верхним зубам (звук *в*). Такие звуки называются губно-зубными, или лабио-дентальными.

Для образования того или иного звука недостаточно активности одного какого-либо органа речевого аппарата. Как правило, в образовании звука принимает участие несколько органов. Например, чтобы произнести звук *б*, требуется активное участие голосовых связок (голосовые связки вибрируют, звучат), нёбной занавески (нёбная занавеска должна отодвинуться к стенке зева и закрыть доступ воздуха в носовую полость), губ (губы на мгновение смыкаются).

§ 42. Артикуляция звука и артикуляционная база. Образование звука в результате работы речевого аппарата называется артикуляцией звука. Одинаковые звуки в различных языках могут образовываться своеобразно. Так, например, переднеязычные *т, д* в русском языке образуются у верхних зубов, в английском языке — у альвеол. Глухие *п, т, к...* грузинского и других иберийско-кавказских языков образуются путём использования не выдыхаемого воздуха, а того воздуха, который

имеется в надгортанных полостях (называют такие звуки абруптивами — Г. Ахвледиани). Произнесение таких звуков акустически характеризуется своеобразной „резкостью“ (которая бросается в глаза и в „кавказском произношении“ звуков русского языка).

Особенности в артикуляции звуков могут не так бросаться в глаза; но даже еле уловимые особенности не лишены значения для своеобразия той установки, которая бывает у речевого аппарата применительно к тому или иному языку. Установка или уклад речевого аппарата, характерной для того или иного языка, называется артикуляционной базой. Артикуляционные базы языков разнятся в большей или меньшей степени.

Изучая новый язык, вначале его звуки произносят при помощи артикуляционной базы родного языка, произносят, как говорится „с акцентом“. Лишь в дальнейшем, овладевая языком, постепенно усваивают и новую артикуляционную базу, хотя в совершенстве овладеть новой артикуляционной базой часто оказывается делом более трудным, чем овладеть лексикой и грамматическим строем нового, неродного языка.

§ 43. Классификация звуков. Гласные и их классификация. Звуки речи издревле принято делить на две основные группы: одну составляют гласные (*а, э, и, о, у...*), другую — согласные (*б, п, д, т, к, г...*). Нередко в отдельную группу выделяют сонанты (*м, н, л, р*), как переходную категорию между гласными и согласными, но естественнее их не выделять из группы согласных, к которым они стоят ближе по своим свойствам.

Гласные звуки в отличие от согласных характеризуются по особенностям артикуляции следующими чертами: 1) воздушная струя при произношении гласных не встречает преград, проходит беспрепятственно; 2) напряжённость речевого аппарата равномерная; 3) воздушная струя при произношении гласных слабая.

При произношении согласных: 1) воздушной струе приходится преодолевать преграды (того или иного характера); 2) наибольшая напряжённость чувствуется в момент преодоления преграды и 3) воздушная струя относительно сильнее, чем при произношении гласных.

Следует отметить, что резко противопоставляются друг другу гласные и глухие согласные; звонкие же согласные и в особенности плавные не могут так противопоставляться гласным; благодаря им такое противопоставление гласных и согласных вообще становится условным.

Эмпирически гласные противопоставляют согласным по признаку слогообразования: гласные образуют слог, согласные не образуют слога; сколько гласных в слове, столько и слогов. Но и это эмпирическое правило не помогает в критических случаях (*p*, *л*, даже *n* и *m* могут быть слогообразующими).

В специальной литературе выдвинуто положение, согласно которому гласные и согласные различаются по следующему моменту: гласные статичны, согласные же динамичны: артикуляция гласных производится органами, находящимися в неизменном положении, артикуляция согласных — органами, находящимися в движении. Однако статичными оказываются и согласные (*с*, *ш* и другие щелинные). Следовательно, и данный критерий для различения не всегда подходит.

Гласных бывает в одних языках больше, в других — меньше (так, например, в русском языке 6 гласных: *а, э, и, ы, о, у*; в английском — 21 (в том числе 12 простых), в одном из иберийско-кавказских языков — в сванском — 18 простых гласных, в грузинском — 5. В большинстве языков имеются 5 основных гласных: *а, э, и, о, у* (впрочем, бывают языки, в которых различаются лишь 3 основных гласных звука: *а, э, и*)¹.

Гласные можно характеризовать по тому, 1) какое положение занимает язык, 2) какое участие принимают губы и 3) каково положение мягкого нёба.

Язык может двигаться горизонтально, перемещаясь вперед или назад, и вертикально, подымаясь к твёрдому нёбу или опускаясь. В первом случае в зависимости от положения языка мы будем иметь гласный переднего ряда, заднего ряда и среднего ряда. Гласный переднего ряда образуется, когда язык, продвинутый вперёд, упирается кончиком в нижние зубы, в задней же полости рта образуется свободное пространство. Гласные переднего ряда суть *и, э*.

Гласный заднего ряда имеем в том случае, если язык, оттянутый назад, приближается к мягкому нёбу, кончик же

¹ Такие языки встречаются среди иберийско-кавказских.

языка опущен и несколько отдалён от нижних зубов. Гласные заднего ряда — *о, у*. Промежуточное положение занимает язык, когда образуется гласный среднего ряда; гласный среднего ряда — *а*.

В зависимости от того, насколько подымается язык к твёрдому нёбу, различаются гласные высокого подъёма (таковы *и, у*), гласные низкого подъёма (таков *а*) и гласные среднего подъёма (гласные *э, о*). Гласный высокого подъёма (*и, у*) обычно считается напряжённым (или закрытым, узким), гласный низкого подъёма, наоборот, ненапряжённым (или открытым, широким), однако часто говорят об „открытом“ *и, о* и „закрытом“ *и, о* соотносительно друг с другом.

По участию губ в произношении гласных различают огублённые (или лабиализованные) гласные (таковы *у, о*) и неогублённые (или нелабиализованные) гласные (таковы *и, а, э*).

При произношении гласных мягкое нёбо, как правило, прижимается к задней стенке зева, закрывая доступ выдыхаемой воздушной струе в носовую полость. Струя воздуха проходит в ротовую полость. Гласные при этом получаются чистые. Но мягкое нёбо может остаться опущенным, и тогда струя воздуха, попадая в носовую полость, даёт гласные с носовым оттенком — назализованные гласные. Такие гласные характерны, например, для французского языка.

§ 44. Долгие гласные. Гласные могут быть долгими и краткими. Разница между ними количественная: артикуляция долгих гласных может быть вдвое продолжительнее артикуляции кратких. Абсолютная величина продолжительности артикуляции долгих и кратких гласных зависит от темпа речи; при быстром темпе речи (например, во время горячего спора) гласные не будут произноситься с той продолжительностью, которая характерна, например, для речи диктора радиовещания. Но как при быстром, так и при медленном темпе речи количественное взаимоотношение долгого и краткого гласного будет сохраняться; например в словах: *палатка, грамматика, синтаксис* — подударные гласные *а, и* при всех темпах речи будут артикулироваться продолжительнее, чем безударные гласные тех же слов; первое и последнее *а* в слове *палатка* будут

более краткими, чем подударное *а*: *палатка*; то же можно сказать о первом и последнем *а* в слове *грамматика*, о последнем *и* в слове *синтаксис*. Краткие гласные могут ослабляться (редуцироваться), терять качественные особенности, а в отдельных случаях и выпадать.

Различают долготу гласных по положению (*de positione*), например перед двумя согласными, и долготу „по природе“ (*de natura*), т. е. независимо от положения гласного звука. Такая долгота имела, например, в греческом и латинском языках (где она могла служить и для различения грамматических форм). В греческом и латинском языках различение долгих и кратких гласных лежало в основе стихосложения (так называемое метрическое стихосложение).

§ 45. Дифтонги и трифтонги. Гласный звук образует слог (*тра-еа, го-ло-ва, де-ре-во*). Два гласных в непосредственном соседстве могут выступать как полные, равновеликие фонетические единицы, образуя отдельные слоги (*зо-о-ло-ги-я, Га-а-га, Са-ар, Тер-и-о-ки, сво-й, за-и-ка, при-иск*). Но два гласных звука могут образовать один слог, причём один из гласных сохраняется полностью, другой же является редуцированным. Такое соединение двух гласных в одном слоге называется дифтонгом (от греческого *dis* — двойной, *phongos* — звук). Таковы: *ай, ей, ой, уй... йа, йэ, йо, йу...*

В дифтонгах обычно участвуют *й, в* (губно-губное *w*); *й* восходит к гласному *и* (это неслоговое *и*)¹, *в* (*w*) — к гласному *у*.

Дифтонг называется нисходящим, когда он начинается полным гласным и переходит („нисходит“) к слабому гласному: *зной, слой, чай, свайный, пей, пой, куй*.

Дифтонг называется восходящим, когда он начинается слабым гласным и переходит („восходит“) к полному гласному: немецкое *ja* (*йа = да*) французское *poir* (*муа = я*).

Подлинными дифтонгами принято считать нисходящие дифтонги. По аналогии с дифтонгом образован термин монофтонг („одноголосный“).

Кроме дифтонгов, возможны и трифтонги — соединение трёх гласных в одном слоге (наличие подлинных трифтонгов считается, однако, спорным).

¹ Срв. ниже с согласным *й* (Йот) (§ 46).

§ 46. Классификация согласных и основа их классификации. Классификация согласных сложнее, поскольку в характеристике согласных следует учитывать значительно больше моментов, чем при классификации гласных.

По участию шума и голоса в произношении согласные делятся на две основные группы: шумные согласные (*п, т, к, б, д, г, с, з, ш, ж...*) и сонорные согласные (*м, н, л, р*). Шумные состоят или из одного шума, или из шума и голоса, но при этом преобладает шум; шум вызывается преодолением преграды при их произношении. В сонорных согласных преобладает голос, результат вибрации голосовых связок.

По характеру преграды согласные делятся на затворные (*б, д, г, т, к, н...*) и щелинные (*с, з, ш, ж...*).

Артикуляция любого звука состоит из трёх моментов, или фаз. Первая фаза называется экскурсией, или приступом (латинское *excursio* — выбегание, вылазка), — переход от нейтрального (или вообще предшествующего) положения органов речи к тому положению, которое требуется для артикуляции данного звука. Вторая фаза называется выдержкой: артикулирующими органами сохраняется занятое положение (или же они выполняют движение, необходимое для произношения звука). Третью фазу составляет рекурсия, или отступ (латинское *recursio* — убежание назад).

Первая фаза (экскурсия, приступ) в процессе артикуляции затворных (или смычных) согласных называется затвором, или смыканием (или имплозией; латинское *implosio* — захлопывание). Третья же фаза (рекурсия, или отступ) соответственно называется раствором, или взрывом (или эксплозией; латинское *explosio* — раскрытие с шумом).

Так, например, при образовании согласного звука *б* затвор образуют сомкнувшиеся губы, при образовании же *д* затвор образует язык, упирающийся в верхние зубы. Раствор (размыкание) происходит мгновенно; поэтому затворные согласные называются также мгновенными. Мгновенность раствора, или размыкания, акустически воспринимается как взрыв; по акустическому впечатлению затворные (или смычные) называются и взрывными (или эксплозивными). Поскольку мы придаём больше значения артикуляции звука перед акустическим моментом (§ 38), считаем естественным называть эти звуки затворными, или смычными.

Такими затворными, или смычными, согласными являются, например, *п, т, к, б, д, г, м, н, л...*

Если выдержка затвора удлиняется, получится долгий согласный; таково произношение двух одинаковых согласных в непосредственном соседстве: *поддержка, оттянуть*. Вместо двух *д*, двух *т* здесь произносится один согласный *д*, один *т*, но с более продолжительной выдержкой затвора — „долгий“ *д*, „долгий“ *т*.

При артикуляции щелинных согласных органы не смыкаются, а лишь сближаются; вместо затвора получается теснина (щель), и она выступает в роли преграды. Воздух, проходя сквозь теснину, производит трение. Так образуются, например, *с, ш, ф, х, з, ж* (*γ* украинское). Такие согласные называются щелинными, поскольку в виду имеется характер преграды, или же фрикативными, поскольку учитывается трение воздуха (латинское *fricage* — тереть), или спирантами „придувными“).

От щелинных, или придувных, следует отличать придыхательные, или аспираты, произношение которых характеризуется сильным придыханием. Таковы например: греческие *ph, th*, грузинские и армянские придыхательные *ph, th, kh*, древнеиндийские *bh, dh, gh...*

Щелинные согласные — в отличие от затворных — являются длительными (*с, з, ш, ж*); они артикулируются не в одно мгновение, их можно произносить протяжно.

Простым затворным и щелинным согласным противостоят сложные согласные, или аффрикаты (*ц, ч...*). Артикуляция сложного звука (аффрикаты) объединяет определённые моменты затворных и щелинных согласных: первые два момента — затвор и выдержка — в артикуляции аффрикаты производятся, как у затворных, последний момент — раствор — происходит, как у щелинных; таким образом, *ц* как будто составлено из *т + с*, *ч* из *т + ш*. Конечно, *ц* не есть *тс*, равным образом *ч* нельзя считать суммой *т* и *ш*: в аффрикатах *ц* и *ч* эти элементы органически сливаются. Поэтому аффрикаты называются также слитными согласными.

Своеобразно артикулируется звук *р*; для него характерна вибрация активного органа. Обычный переднеязычный *р* образуется при помощи вибрации кончика языка. Но звук *р* может быть образован и вибрацией язычка (*uvula*). Такое *р* называется

увулярным, или раскатистым (увулярный *p* имеется во французском языке).

По месту образования преграды (или же теснины) согласные бывают:

губно-губные (или билабиальные): *б, м*;

губно-зубные (точнее: зубно-губные, или дентолабиальные): *в, ф*;

переднеязычные: зубные: *д, т, н, л, с, з, ц*;

альвеолярные: *ч, ш, ж, р*;

среднеязычные: согласный йот (*j*)¹;

заднеязычные: *г, к, х* (украинское *γ*);

фарингальные: *хъ (q), къ (q)* (иберийско-кавказских языков).

По участию нёбной занавески:

чистые (неносовые) — нёбная занавеска поднята и закрывает выход в носовую полость (*б, п, д, т, г, к, з, с, ц...*);

носовые — нёбная занавеска опущена, воздух выходит в носовую полость (*м, н*).

По участию голосовых связок согласные бывают:

звонкие, при образовании которых голосовые связки дрожат (вибрируют): *б, д, г, ж, з, м, н, л, р, в...*;

глухие, при образовании которых голосовые связки не вибрируют: *п, т, с, ш, ф, х...*

Кроме того, можно говорить о назализации (см. § 41), лабиализации (см. § 41), палатализации (см. § 41) согласных. Следует отметить, что в результате лабиализации, палатализации могут образоваться самостоятельные фонемы (так, например, в абхазском языке имеются лабиализованные переднеязычные фонемы: *д°, т°, дз°, тц°...*).

§ 47. Артикуляционные особенности согласных и возможности их изменений. Полная характеристика согласных должна даваться с учётом всех вышеозначенных моментов: шумный ли согласный или сонорный; простой ли он или сложный: смычной (затворный) или щелинный; губной, переднеязычный или заднеязычный; чистый или носовой; звонкий он или глухой.

¹ Согласный йот (*j*) обычно называют „полугласным“. Среднеязычный йот (*j*), наличный в таких словах, как *яма, ёлка, стою* (*јама, јолка, стају*), следует отличать от краткого гласного *й* („неслогового“ *й*).

Согласный звук *б*:

шумный
 чистый (неносовой)
 простой
 смычный
 губно-губной
 звонкий

Согласный звук *м*:

сонорный
 носовой
 простой
 смычный
 губно-губной
 звонкий

Как видно из этой схемы особенностей, звуки *б* и *м* отличаются только по тому, что один из сравниваемых звуков (*б*) — шумный неносовой (чистый) согласный, а другой (*м*) — сонорный носовой; по другим же признакам они сходятся. Таким образом, лишь вследствие различного участия нёбной занавески отличается артикуляция губно-губных согласных — *б* и *м*.

Таково же взаимоотношение переднеязычных *д* и *н*:

Согласный *д*:

шумный
 чистый (неносовой)
 простой
 смычный
 переднеязычный
 звонкий

Согласный *н*:

сонорный
 носовой
 простой
 смычный
 переднеязычный
 звонкий

Согласный *с*:

шумный
 чистый
 простой
 щелинный
 переднеязычный
 глухой

Согласный *з*:

шумный
 чистый
 простой
 щелинный
 переднеязычный
 звонкий

Согласный *ш*:

шумный
 чистый
 простой
 щелинный
 альвеолярный
 глухой

Согласный *ц*:

шумный
 чистый
 сложный
 смычный
 переднеязычный
 глухой

Согласный *ч*:

шумный
 чистый
 сложный
 смычный
 альвеолярный
 глухой

Согласные бывают парными (*б — п, д — т, с — ш, ц — ч, з — к...*), одинарными (*м, н, л, р...*). В иберийско-кавказ-

ских языках, кроме одинарных и парных согласных, имеются троечные (в составе: звонкий, глухой и абруптив: *б — п — п'*, *д — т — т'*, *дз — ц — тц'*, *дж — ч — тч'*... *з — ж — ж'* — Г. Ахвледиани) и даже четверичные (в адыгских языках в составе: звонкий, глухой, абруптив и полуабруптив — Г. Рогава).

Чем больше общих черт в артикуляции звуков, тем легче они могут замещать друг друга, переходить один в другой: *б* и *м*, *д* и *н*, *с* и *з*, *с* и *ш*, *ц* и *ч* несравненно легче могут переходить друг в друга, чем, например, *б* и *д*, *м* и *н*, не говоря уже о таких звуках, как *б* и *т*, *н* и *к*, *с* и *г*... Эти последние без посредствующих ступеней вообще не могут переходить друг в друга: столь различны их артикуляции.

§ 48. Артикуляция отдельного звука и звука в сочетании с другими звуками. Выше дана характеристика звуков речи, взятых в отдельности. Но в устной живой речи употребляются не отдельные звуки, а целые слова, из которых составлены предложения (и более сложные смысловые единицы — периоды, абзацы): звуки объединены в слова. Сочетаясь друг с другом в слове, звуки подвергаются определённым изменениям: они артикулируются (и слышатся) несколько иначе, чем при произношении отдельного звука. Совместная артикуляция звуков называется коартикуляцией (латинское *coarticulatio* — совместная артикуляция).

Коартикуляция порождает своеобразие и физиологической и акустической сторон (срв. *с*, *б*, *о*, *р* и *сбор* — произносится „збор“; *в*, *о*, *д*, *а* — произносится „вада“). Изменения, связанные с коартикуляцией, можно сравнить с изменениями в начертании букв, как они даны в скорописи¹.

Раз в живой речи звуки используются в различных сочетаниях, необходимо рассмотреть, каким изменениям подвергаются звуки в процессе коартикуляции.

С другой стороны, комплексы звуков организуются в компактную фонетическую единицу (слог, слово, такт) благодаря ударению, также влияющему на звуковую сторону слова.

---

¹ Аналогия будет идти дальше, если к сравнению привлечём арабский алфавит: здесь обычно одна и та же буква — и написанная от руки, и печатная — имеет отличное друг от друга начертание в зависимости от того, находится она в начале, середине или конце слова, а также в зависимости от того, какая буква следует за ней или предшествует ей.

§ 49. Фонетическое ударение и его виды. Ударением называется усиление голоса или увеличение высоты тона на том или ином слоге (тех или иных слогах) слова. Слог, на который падает ударение, называется подударным.

Ударение называется силовым, или динамическим, если ударение выражается в усилении голоса в подударном слоге, т. е. в увеличении размаха колебаний голосовых связок (см. § 39). Мы говорим: *мо́ре, ре́чка, река́, о́зеро* (а не: „морé“, „речка́“, „ре́ка“, „озéро, „озерó“). Динамическое ударение называют также экспираторным, т. е. выдыхательным, причём предполагается, что ударение обусловлено увеличением количества выдыхаемого воздуха (но такое понимание не оправдывается экспериментально, поэтому употребление термина „экспираторный“ для характеристики ударения нецелесообразно).

Ударение называется тоническим, или музыкальным, если оно выражается в увеличении высоты тона в подударном слоге, т. е. увеличении частоты колебаний голосовых связок (см. § 39). Усилению голоса обычно сопутствует увеличение высоты тона (и наоборот). Это значит: чисто силового и чисто тонического ударения фактически не бывает, а в том или ином языке имеется преобладание моментов, характерных для силового ударения или для тонического ударения.

Силовое, или динамическое ударение имеется в языках: русском, украинском, белорусском, армянском, азербайджанском, узбекском, казахском, грузинском..., немецком, английском... Силовое ударение имелось в латинском языке. Тоническое (музыкальное) ударение имеется в языках: литовском, сербском, китайском, японском и др.; тоническое ударение имелось в древнеиндийском, в древнегреческом.

Силовое ударение может быть ярко выраженным, интенсивным (подударный слог резко выделяется); но силовое ударение может быть слабым (подударный слог резко не выделяется).

Интенсивное силовое ударение характерно, например, для русского языка; пример слабого силового ударения находим в современном грузинском языке: *мдинаре (река)* — ударение падает на *и*; но подударный *и* еле выделяется, приходится выявлять, на какой слог падает ударение. В русском же слове *река́* (и вообще в произношении русских слов) совершенно ясно,

какой из слогов является подударным: услышав слово *река́*, никто не станет колебаться в определении подударного слога.

Кроме главного ударения, в многосложном слове может иметься и побочное ударение (срв. *уда́рный* и *подуда́рный*, *безуда́рный*: главное ударение падает на *а*; на гласные же *о* и *е* приставок приходится побочное, второстепенное ударение).

Различают языки с ударением фиксированным (или связанным) и ударением свободным. В первом случае ударение всегда бывает на определённом слоге: или на первом от конца слоге (так, например, в армянском: *ашха́т* — *труд*, *дроша́к* — *знамя*, *барара́н* — *словарь*; во французском: *travaille* — *травай* — *труд*, *drapau* — *драпо* — *знамя*, *dictionnaire* — *диксионёр* — *словарь*); или на втором от конца слоге (например, в польском), или на начальном слоге (в латышском, чешском; как правило, в немецком).

Ударение называется свободным, если оно не связано с определённым слогом, если оно может падать на любой слог. Свободное ударение характерно для русского языка: срв. *де́рево*, *ко́мната*, *бу́ря*, *ре́чка*, *кни́га*, *ру́чка*, *кра́сный*; *доли́на*, *пшени́ца*, *доро́га*, *пого́да*, *широ́кий*, *краси́вый*; *травá*, *звезда́*, *река́*, *скала́*, *урага́н*, *сторонá*, *ячме́нь*, *красота́*.

Свободное ударение в свою очередь может быть постоянным (для разных форм данного слова) или же подвижным (в различных формах данного слова). Например, *хи́жина*, *заво́д*, *коро́ва* имеют постоянное ударение (срв. *хи́жина*, *хи́жины*, *хи́жине*, *хи́жиною*, *хи́жины*, *хи́жин*, *хи́жинами*; *заво́д*, *заво́да*, *заво́ду*, *заво́дом*, *заво́ды*, *заво́дов*, *заво́дам*).

Де́рево, *о́зеро*, *ло́шадь*, *рука́*, *стена́*, *волна́* имеют подвижное ударение (срв. *де́рево*, *о́зеро*, но *деревья́*, *озёра*; *ло́шадь*, *ло́шади*, но *лошадёй*, *лошадя́м*; *волна́*, род. пад. *волны́*, но множ. ч. *во́лны*; *стена́*, род. пад. *стенёй*, но множ. ч. *сте́ны*; *рука́*, род. пад. *руки́*, но множ. ч. *ру́ки*). В таких случаях благодаря ударению различаются родительный падеж единственного числа (*волны́*, *стенёй*, *руки́*) и именительный падеж множественного числа (*во́лны*, *сте́ны*, *ру́ки*): фонетическое явление (ударение) выполняет морфологическую функцию.

Ударение слога (и силовое, и тоническое) может быть: 1) ровное (—); 2) усиливающееся, или восходящее (↗); 3) ослабевающее, или нисходящее (↘); 4) вначале усиливающееся и

затем ослабевающее, или восходяще-нисходящее ($\wedge$); 5) вначале ослабевающее и затем усиливающееся, или нисходяще-восходящее ($\vee$). Некоторое представление об этом могут дать изменения интонации в односложном слове *сдал*. Экзаменующийся выходит из аудитории. Его обступают товарищи. *Сдал?*— *Сдал.*— *Сдал!* (восклицают товарищи). В этих трёх случаях *сдал* произносится с различной интонацией (вопросительной, повествовательной, восклицательной).

Повествовательная интонация может также варьировать: ответ *сдал* может прозвучать уныло или с оттенком досады, если, допустим, сдавший экзамен недоволен полученной отметкой. Во всех этих случаях смысл слова *сдал* меняется в той или иной мере в зависимости от интонации; эти интонации стилистически значимы (ударение и его виды, о которых говорилось выше, могут влиять на значение, но могут и вовсе не влиять. О влиянии силового ударения на значение слова см. ниже).

В односложном слове ударение и интонация совмещены в одном и том же слоге. Во многосложном слове они могут не совмещаться: *Зачислили?*— *Зачислили.*— *Зачислили!* Силовое ударение падает на третий от конца слог, вопросительная же интонация приходится на конечный слог.

Благодаря ударению в слове выделяется тот или иной слог. В фонетике изучается именно это свойство ударения и звуковые явления, с ним связанные. Такое ударение может быть названо фонетическим.

§ 50. Логическое ударение. Благодаря логическому ударению может быть выделено то или иное слово (слова) в предложении, смысл которого (которых) хотят подчеркнуть. Равным образом из целого отрывка может быть выделено при помощи логического ударения целое предложение (или же несколько предложений), которому (которым) придаётся особое значение. Такое ударение называется **смысловым**, или **логическим**.

Предложение *Первокурсники успешно сдали в срок экзамен по языку*, взятое вне контекста, может иметь смысловое ударение на том или ином слове: *Первокурсники успешно сдали в срок экзамен по языку* (первокурсники, а не второкурсники). *Первокурсники успешно сдали в срок экзамен по языку* (успешно, а не как-нибудь). *Первокурсники успешно*

сдали в срок экзамен по языку (сдали в срок, а не хлопочут о новых сроках, о перенесении экзаменов и т. д.). *Первокурсники успешно сдали в срок экзамен по языку* (экзамен по языку, а по „Введению в языкознание“ ещё неизвестно, как себя покажут).

В названном выше примере мы узнали, на каком слове стоит логическое ударение, когда установили, чему противопоставляется смысл слова, на которое падает ударение. В письме обычно подчёркивают слово с логическим ударением или же на первые места ставят слово (слова) с логическим ударением. (Срв. *Первокурсники успешно сдали в срок экзамен по языку. — Успешно сдали в срок первокурсники экзамен по языку. — По языку экзамен успешно сдали в срок первокурсники. — В срок успешно сдали первокурсники экзамен по языку* и т. д.).

Но такую перестановку слов можно производить в тех языках, где порядок слов в предложении свободный (как, например, в русском), да и в этих языках не любая последовательность выглядит естественной. В таких языках, как немецкий, порядок слов несвободный и выразить логическое ударение путём перестановки слов имеется гораздо меньше возможности, чем, например, в русском. Да и в русском языке по распорядку слов в предложении трудно судить, на какое слово падает логическое ударение, если предложение взято вне контекста. Так обстоит дело в письменном тексте. В устной же речи логическое ударение даёт возможность установить, смысл какого слова хочется говорящему сделать предметом внимания. В письменной речи смысл контекста помогает установить, на какое слово (слова) приходится логическое ударение. Вот несколько примеров: *Сейте разумное, доброе, вечное. Сейте! Спасибо сам скажет сердечное русский народ* (Некрасов). *Над седой равниной моря ветер тучи собирает* (М. Горький). *Я вызываю перед собой величественный образ человека. Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует — вперёд! и — выше! — трагически прекрасный Человек! Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них — лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомления — творит богов, в эпохи бодрости — их низвергает* (М. Горький).

Логическое ударение — одно из важных средств выражения мысли и чувствований: только правильно понимая мысль, можно

выделить соответствующее слово (или слова) при помощи логического ударения. Логическое ударение невозможно ставить, если непонятно содержание, например, если читаешь текст на совершенно незнакомом языке (не понимающий русского языка не сможет прочесть выразительно — с надлежащими логическими ударениями — отрывки, приведённые выше).

Логическое ударение, ударение предложения, представляя собой средство выражения мысли и эмоций, естественно должно рассматриваться как предмет изучения стилистики. То же самое следует сказать об интонации и её функциях.

Равным образом морфология изучает ударение, как средство различения форм (*рукѣ* — родит. пад. единств. числа, *руки* — именит. пад. множеств. числа); семаснология рассматривает те случаи, когда лексическое значение слова изменяется в зависимости от места ударения (срв. *за́мок* — *замо́к*; *му́ка* — *мука́*).

§ 51. Энклитика и проклитика. В связной устной речи отдельные слова могут лишиться собственного ударения и фонетически примкнуть к предшествующему или последующему слову, на которое падает смысловое ударение. Такое безударное слово (частица) называется энклитикой, если оно следует за подударным словом, к которому фонетически примыкает, и проклитикой, если оно предшествует подударному слову (греческое *εγκλίνο* — наклоняться; греческое *προκλίνο* — наклоняться вперёд).

Энклитикой и проклитикой обычно бывают частицы, союзы, предлоги и прочие служебные слова, а также личные местоимения — в большинстве своём односложные. *Кто при звездах и при луне Так поздно едет на коне? Чей это конь неутомимый, Бежит в степи необозримой? Казак на север держит путь, Казак не хочет отдохнуть ни в чистом поле, ни в дубраве, Ни при опасной переправе* (Пушкин). *Вот холм лесистый, над которым часто я сизживал недвижим* (Пушкин). *И старую главу их заслонишь* (Пушкин).

„Кто“, „при“, „и при“, „так“, „на“, „чей“, „это“, „не“, „ни“, „вот“, „над“, „я“, „и“ выступают в роли проклитики: в произношении они сливаются с последующими словами „ктопризвездах“, „иприлуна“, „такпоздно“, „наконе“, „чейэто“, „насевер“, „нехочет“, „нивчистом“; „вотхолм“, „надкоторым“, „ясизживал“, „истарую“. В роли энклитики оказывается „их“: „главуих“.

В ином контексте „я“, „их“ могут быть носителями ударения, следовательно, не являться ни энклитикой, ни проклитикой: *А вдали стоит один угрюмый их товарищ* (Пуш^кин). *Здравствуй, племя младое, незнакомое! Не я увижу твой могучий поздний возраст* (Пушкин). (Срв. *не я увижу и я сиживал*.)

Отрицательная частица *не*, приставки *за-*, *на-*, *при-*, *по-*, *от-* и др., как правило, являются проклитиками: будучи безударными, они легко сливаются с полнозначными словами (*некрасивый, несправедливый, неравный; закал, накал; завод, привод, отвод...*).

Но и такие частицы и приставки могут быть носителями ударения, и тогда они притягивают к себе полнозначную основу, теряющую ударение. Примеры этого находим в таких словах, как: *некогда, нэгде, некоторый, некто, нечто; заживо, за-мертво; завтра* (= „за утра“).

Слияние проклитики и энклитики с самостоятельными основами, обусловленное ударением, приводит к изменениям, немаловажным для истории языка; в частности, этот процесс проливает свет на образование аффиксов, точнее, превращение служебных слов и частиц в формальные части слова, в аффиксы.

§ 52. Такт и слог, как фонетические единицы. Общепринятого определения понятия „слог“ не существует. Слог, как результат фонетического членения слова, может быть выделен на фоне более крупных фонетических единиц: *фразы* и *такта*. Отрывок между двумя паузами образует фонетическую единицу живой, устной речи. Отрывок между паузами обычно состоит из целого предложения (простого, сложного) или фразы. Например: *Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя* (Пушкин). *Как ныне собираетя вещей Олег отмстить неразумным хазарам* (Пушкин).

Фраза членится на такты, объединяемые ударением (латинское *tactum* — „касание“, „удар“). Такты могут совпадать со словами, но могут и не совпадать: *Буря |мглою| небо |кроет|...* Срв. *Как ныне собирается |вещий| Олег...* Такт представляет собою наиболее крупную — внутри фразы — фонетическую единицу, объединяемую ударением. Слог же является наименьшей фонетической единицей, которая может носить ударение (главное или второстепенное; срв. *сторонá* и *странá*). Носителями главного ударения могут быть полные гласные звуки (*а, е, и, о,*

у ... ; в определённых языках и сонанты: *л, р, н, м*). Естественно, если в слове (или в такте) имеется столько слогов, сколько в нём гласных.

Слог называют открытым, если он оканчивается гласным: *ре-ка, се-ло, до-ли-на, бу-ма-га, на-пи-са-на*: все слоги здесь открытые. Слог называют закрытым, если он оканчивается на согласный: *дом, стол, от-вет, син-так-сис*. В двусложных (и многосложных) словах при стечении согласных внутри слова граница слога устанавливается несколько произвольно, поскольку пока ещё не выявлен соответствующий объективный критерий.

§ 53. Звуковые изменения, обусловленные коартикуляцией (так называемые комбинаторные изменения). Выше (§ 48) было указано, что в процессе совместной артикуляции звуки претерпевают изменения. Изменениям, как правило, подвергаются: первая фаза артикуляции (приступ, экскурсия) и третья фаза (отступ, рекурсия); первая фаза непосредственно примыкает к третьей фазе предыдущего звука, третья же фаза — к первой фазе последующего звука. Начальный и конечный звуки отдельно взятого слова, понятно, находятся в контакте лишь с одним соседним звуком (последующим или предыдущим), стало быть, лишь в одной фазе: начальный — во время отступа, конечный — во время приступа. Долгота гласных и согласных, палатализация (смягчение), лабиализация и так далее — результат влияния артикуляции одного звука (последующего) на другой (предыдущий).

В результате взаимодействия артикуляции звуков возникают процессы уподобления (ассимиляции), расподобления (диссимиляции), перестановки (метатезиса), замещения (подстановки, субституции), ослабления (редукции), выпадения звука, образования нового звука.

Уподоблением, или ассимиляцией, называется процесс изменения, в результате которого один из звуков становится полностью или частично сходным с другими звуками того же слова (латинское *assimilatio* — уподобление). Пример уподобления имеется в самом термине „ассимиляция“; этот латинский термин составлен из предлога *ad* — к и из *similis* — *подобный, схожий*: *ad-similatio* → *assimilatio*: *ds* → *ss*.

Уподобление по результату может быть полным (*assimilatio*; *итти* из *идти*; латинское *possum* — *могу* из *potsum*)

или частичным (*беспокойный* из *безпокойный*; здесь звонкий *з* под влиянием последующего глухого *п* оглушается: *з* → *с*). Взять другой пример: мы пишем *сделать*, произносим „зделать“. Здесь глухой спирант *с* под влиянием последующего звонкого *д* стал звонким: *с* → *з*).

По направлению уподобление может быть регрессивным, когда последующий звук влияет на предыдущий, и прогрессивным, когда предшествующий влияет на последующий. Все вышеприведённые примеры (*итти*, *беспокойный*, „зделать“, *assimilatio*) являются примерами регрессивного уподобления. Примером прогрессивного уподобления могут служить: турецкое *агач-та* (= „на дереве“) из *агач-да*; *таш-тан* (= „из камня“) вместо *таш-дан*. Под влиянием предыдущего глухого звука (*ч*, *ш*) последующий звонкий (*д*) стал глухим (*т*). *Агач-та*, *таш-тан* иллюстрируют прогрессивное частичное уподобление.

Обычно наблюдается уподобление соседних звуков (контактная ассимиляция). Но влиять могут и такие звуки, которые непосредственно не следуют друг за другом (дистанционная ассимиляция). Арабское *зэман* — время, персидское *беһар* — весна в турецком произносятся как *заман*, *баһар*: *е* первого слога уподобилось *а* второго слога (полное регрессивное уподобление несоседних звуков). Аналогичными примерами могут служить: турецкое *бана* — мне из *бэна* (срв. *бэн* — я), *сана* — тебе из *сэна* (срв. *сэн* — ты).

К прогрессивному уподоблению и сводится так называемый закон сингармонизма, известный из турецкого и других туранско-монгольских языков: турецкое *ода* — комната, множ. ч. *ода-лар* — комнаты, турецкое *эв* — дом, множ. ч. *эв-лэр* — дома. *Лар* — суффикс множественного числа, но он может видоизмениться в *лэр*, в зависимости от того, какой гласный имеется в основе склоняемого слова. Срв. также: турецкое *йаз-мак* — писать; *ат-мак* — бросать, но *бил-мэк* — знать, *кес-мэк* — резать.

Расподобление, или диссимиляция, по своим результатам противопоставляется ассимиляции: в результате диссимиляции из двух одинаковых звуков слова один изменяется; таким образом, одинаковые звуки слова становятся разными. Например: *февраль* получен из „февраль“ (срв. латинское *februarius*), *верблюд* из „велблюд“, неправильное *колидор* из „коридор“; латин-

ское *pluralis* — множественное (число) из *plur-aris* (срв. *singularis* — единственное число).

В отличие от уподобления расподобление всегда бывает полным и, как правило, наблюдается между звуками, не следующими друг за другом.

По направлению расподобление может быть как регрессивным (*верблю́д, колидо́р* ...), так и прогрессивным (*февраль, pluralis*). Прогрессивное расподобление плавных последовательно проводится, например, в грузинском языке: суффикс *-ур-*, видоизменяется в *-ул-*, если в предшествующем слоге налицо *-р*; срв. *ках-ур-и* — кахетинское, кахское, *мтиул-ур-и* — мтиульское, *пшав-ур-и* — пшавское, но: *рач-ул-и* — рачинское, *хевсур-ул-и* — хевсурское, *мхедр-ул-и* — воинское и т. д. Для грузинского языка характерно регрессивное уподобление и прогрессивное расподобление (И. Кипшидзе).

Перестановка, или метатеза (греческое *metathesis* — переложение, перемещение), сводится к тому, что звуки, оставаясь неизменными, перемещаются в слове: *тарелка* — из „талерка“ (срв. немецкое *Teller* — тарелка), *футляр* — из „футрял“ (срв. немецкое *Futteral*). В этих примерах перестановка звуков имела место в заимствованных словах. Она может наблюдаться и в словах незаимствованных. Так, например, в новогрузинском литературном языке губно-губной *в* (*w*) в соседстве с плавными обычно перемещается: *квла* — убийство из „квла“; *хвна* — пахота из „хнва“; *дзвра* — движение из „дзрва“ и т. д.

Замещением, или субституцией, называется замена звука ближайшим — по артикуляционным свойствам — звуком (латинское *substitutio* — подстановка). Замещение имеет место во всех языках при усвоении иноязычного материала, в котором имеются фонемы, несвойственные заимствующему языку. Так, греческое *kathedra* в русском языке звучит кафедра. *Theodor* — Феодор; Жорес в немецком произношении будет звучать как Шорес.

Но замещение может иметься и в собственном материале. Так, народное *Микола* возникло в результате замещения *н* — *м* из *Никола(я), Микифор* из *Никифора*: груз. диал. *масквлави* — звезда из „варсквлави“ и т. д.

Все эти изменения — уподобление, расподобление, перестановка, замещение — обусловлены взаимодействием звуков в слове,

иначе говоря, связаны с коартикуляцией звуков. Такие изменения принято называть комбинаторными (или сочетательными).

К комбинаторным изменениям будут относиться и те виды ослабления (редукции) звуков, а также выпадения их, причины которых прослеживаются в слове. Такова, например, редукция гласного в безударном слоге: *расскажѹ* произносится „ръскажѹ“; *а* ослабело (редуцировалось) в иррациональный звук; равным образом *говорѣт* произносится как „гъварит“. Звук, подвергшийся ослаблению (редукции), называется редуцированным.

В этих и подобных случаях редукцию гласных вызывает интенсивное силовое ударение: чем дальше отстоит гласный от подударного слога, тем слабее становится данный гласный (латинский *reductio* — во з в р а щ е н и е, о т в о д, н и з в е д е н и е). В результате редукции звук в слове может выпасть. Название областного города *Брянска*; возводят к „Дебрянск-у“ (от слова *дебр-и*); отсюда: Дьбрянск — Дбрянск — Брянск; редуцированное *е* (Дьбрянск) между согласными выпало, а затем комплекс *дб* (Дбрянск) упростился и от первого слога (де-) ничего не осталось.

В данном примере звуковой состав слова упростился. Но может иметь место и противоположный процесс. В определённых условиях может образоваться новый звук: греческое *andros* — мужа (родительный падеж) получен из *anros* (срв. именительный падеж *anēr*).

§ 54. Звуковые изменения общего характера (так называемые спонтанные изменения). Причина изменения звука может не прослеживаться в словах, где оно наблюдается. Так например, нельзя указать на причины, вызвавшие цоканье (*цай, чашка* — вместо *чай, чашка*), чоканье (*купеч* вместо *купец*) в определённых говорах северного наречия русского языка. В данных словах не имеется никаких фонетических причин комбинаторного порядка, которые могли бы вызвать переход *ц* в *ч* (или наоборот). Цоканье (чоканье) не является комбинаторным изменением, вызванным условиями, наличными в данном слове. Причины этих изменений скорее общего характера (допустим, смещение в артикуляции данных звуков или результат иного общего процесса). В некоторых говорах Восточной

Грузии наблюдается редукция *c* после гласных (и перед согласными *m*): *гаакетей* — они сделали (вместо *гаакетес*). Фонетический контекст слов, где этот процесс наблюдается, не может объяснить, почему *c* редуцируется. Ослабление звука *c* в данных условиях — процесс общего характера для названных говоров.

Такие изменения по традиции называют спонтанными изменениями (латинское *spontaneus* — вольный, т. е. не обусловленный причинно). Термин „спонтанные изменения“ неудобен, поскольку оставляет впечатление, будто эти изменения ничем не обусловлены; в действительности они обусловлены (только эти причины труднее прослеживаются, чем при комбинаторных изменениях).

Особо следует отметить изменения по аналогии. Аналогией объясняется, например, наличие *ѣ* перед мягкими согласными: *несѣте, везѣте...*: *ѣ* является закономерным перед твердыми согласными (*несѣт, везѣт, несѣм, везѣм*). Этого условия нет во втором лице множ. числа: здесь *ѣ* (*несѣте, везѣте*) появилось по аналогии с: *несѣт, несѣм, везѣт, везѣм...* (греч. *analogía* — соотношение).

Аналогия играет большую роль в морфологии, синтаксисе (см.).

§ 55. Звуковые соответствия в родственных языках.

Одним из видов звуковых изменений общего характера являются звуковые соответствия в родственных языках, т. е. языках, ведущих начало от общего исходного материала. Так, например, слова *дом, конь, кошка; свет, сено, месяц* по-украински звучат: *дім, кінь, кішка; світ, сіно, місяць*. (Подробнее см. Классификация языков, § 66.) В украинском языке в самых различных по значению словах, если они имеют общую основу, находим *i* (=и), где в русском имеется *o, e*. Следовательно, формула звукового соответствия гласит: русскому *o, e* соответствует в украинском *i* (=и). Всякому ли *o, e* соответствует *i* (и)? Нет, соответствие наблюдается лишь в определённых фонетических условиях, а именно если эти *o, e* даны в закрытом слоге и ведут начало из старых *o, e*: имен. пад. *дім*, но род. пад. *дому*; имен. пад. *кінь*, но дат. пад. *конéві* и т. д.

Закономерные соответствия могут наблюдаться во взаимоотношении родственных языков (см. Классификация языков, § 66), а также в истории развития каждого отдельного языка. И в том, и в другом случае мы будем иметь формулы

изменения звуков. Эти формулы называются звуковыми законами.

Звуковые законы могут быть общими (когда они охватывают большое количество фактов) и частными (когда они касаются ограниченного круга явлений). Звуковые законы оказываются строго выдержанными, если точно учтены условия, при которых происходят изменения (см. выше изменение *o, e* в *u*), определён язык (диалект, говор), где эти изменения имеют место, и время (эпоха), когда изменения происходят. Учесть все эти моменты трудно, но вполне возможно. Историческая фонетика ряда языков (например, романских, славянских, германских) достигла больших успехов в установлении звуковых законов.

Звуковые законы, как законы исторические, не могут быть универсальными, т. е. не могут иметь значения для всех языков, во все периоды их существования. Попытка выставить такие универсальные формулы изменения звуков была дана в так называемом „новом учении“ Н. Я. Марра; так, например, элемент „сал“, изменяясь, будто бы, мог давать варианты: *зал, шар, тор, дур, гал, кор, хал, цал, чал* и т. д. в любом языке в любую эпоху. Благодаря таким допущениям все слова всех языков земного шара в „новом учении“ без труда „сводили“ к четырём элементам (сал, бер, йон, рош). Допускать такие изменения, не ограниченные ни временем (эпохой), когда они происходят, ни языком (языками), где они имеют место, следует считать совершенно произвольным, ненаучным. (Подробнее см. Классификация языков § 83.)

§ 56. Звуковые изменения и необходимость учёта их при научном анализе фактов языка. Звуковые изменения — комбинаторного ли порядка или общего характера — происходят во всех языках, происходили всегда. Они не могут прекратиться, покуда язык живёт, т. е. обслуживает общество, как средство общения и обмена мыслями, взаимного понимания. Изменения в языке (в частности звуковые) прекращаются лишь в мёртвых языках, т. е. языках, вышедших из употребления.

В результате звуковых изменений одно и то же слово может дать совершенно различные варианты (срв. *Яков, Михаил* и англ. *Джек, Майкл, Иосиф* и исп. *Хозе*, итал. *Джузеппе*, лат. *mater* — мать, *pater* — отец и франц. *mère, père*; лат.

cantare — пѣть и франц. *chanter* — шантѣ); языки могут измениться до такой степени, что из одного языка может возникнуть нѣсколько языков, каждый с особым словарным фондом и грамматическим строем.

С другой стороны, в результате звуковых изменений слова, форманты, частицы, не имеющие между собой ничего общаго по происхождению, могут совпасть по звуковому облику. Так возникают омонимы. Например: метрика (учение о размере в стихосложении) и метрика (метрическая выпись о рождении). Первое восходит к греческому слову *metron* — мера, второе — к греческому *mētēr* — мать. Бор (густой хвойный лес) и бор (сверло от немецкого *bohren* — сверлить). Или взять послелог *из* в турецком и грузинском: *из песка* на вопрос *из чего? откуда?* по турецки звучит *кумдан*, по-грузински *квишидан* (буквально „песка-из“). Послелог *дан* („из“) в обоих языках на первый взгляд общий. В действительности же история данного послеложного образования в грузинском языке показывает, что тут налицо совершенно разные величины; послелогом в грузинском языке здесь является *-ган* (а не *дан*): было *квишит-ган* („песка-из“), *квишид-ган* → *квишид-ан* (-д — окончание падежа, а не составная часть послелога).

Анализ языкового факта, если нам неизвестна история его звуковой стороны, может оказаться правильным лишь случайно.

Учѣт истории звуковой стороны — необходимое (хоть и недостаточное) условие научного анализа фактов языка (этимологических, семасиологических, морфологических, синтаксических).

§ 57. Фонология и её отношение к фонетике. Звуки представляют собой физический материал слова. По этому материалу языки могут расходиться в большей или меньшей степени: в одном языке могут иметься такие звуки, которые чужды другому языку, и наоборот. Например, такой, казалось бы, обычный звук, как *ц*, чужд французскому языку; его нет в звуковом составе, например, азербайджанского и ряда родственных языков. В грузинском и других иберийско-кавказских языках представлены так называемые абруптивы: *п'*, *т'*, *к'*, *ц'*, *къ* — резкие взрывные звуки, в значительной степени определяющие своеобразие „кавказского выговора“. В армянском и осетинском имеем *ц'*, *ц'*, которых нет в иранском, русском, немец-

ком, французском, английском языках (эти звуки усвоены из языков иберийско-кавказских).

Такие звуки, как *a*, *и*, *б*, *д*, *о*, *з*, имеются во всех, казалось бы, языках, о которых упоминалось выше: и в русском, и в арабском, и во французском, и в азербайджанском, и в армянском, и в грузинском. Но вполне ли тождественны эти звуки в означенных языках?

Идентичными эти звуки в различных языках нельзя считать. Основные звуки каждого языка образуют систему — фонетическую систему. Участие в той или иной системе определяет особенности того или иного звука. Например, звук *a* в английском языке, где различают 12 гласных (не считая дифтонгов), и звук *a* в грузинском языке, где лишь 5 гласных, не могут совпадать. Звук *б*, являясь членом пары *б — п*, не будет идентичным звуку *б*, который входит в троечную систему: *б — п — п'*. В одном случае налицо двучленная система (*б — п*), в другом — трёхчленная (*б — п — п'*). Являясь составным элементом различной системы, „один и тот“ же звук (*б*) не может быть идентичным.

Об одном и том же звуке (*б*) здесь можно говорить в той же мере, в какой можно говорить об одном и том же именительном падеже в русском, латинском и грузинском языках; у именительного падежа много общего в этих языках; но его нельзя считать тождественным: именительный падеж для русского языка — единственный падеж подлежащего, для грузинского же языка таким специфическим падежом субъекта служит эргативный (активный) падеж; именительный же падеж может выступать и в роли субъекта (подлежащего), и в роли объекта (прямого дополнения). Таким образом, „один и тот же“ именительный падеж в названных языках нельзя считать тождественным ни по месту в системе склонения (т. е. с точки зрения морфологической), ни по роли синтаксической. Это обусловлено различием грамматической системы, в которой участвует „один и тот же“ именительный падеж.

Изучая новый язык, мы стараемся овладеть его лексикой и грамматическим строем (системой морфологических фактов и синтаксических процессов). Изучая русский язык, сознательно стараются избегнуть таких, например, конструкций, как „я купил книга“: она недопустима с точки зрения синтаксической системы русского языка (а также таких языков, как немецкий, латинский, арабский, хотя вполне естественна для языков, не

имеющих винительного падежа). Но обычно меньше внимания уделяется уяснению особенностей произношения звуков, тем более, если эти звуки не специфические, а „привычные“.

Между тем системный характер звукового состава каждого языка в принципе должен учитываться не в меньшей мере, чем системный характер морфологии или синтаксиса.

Основные типовые единицы звуковой системы языка и являются фонемами (греческое *phōnēma* — звук). Звук вне системы не будет фонемой. Принадлежность к той или иной звуковой системе языка и характерна для фонемы.

Звуковая система любого языка состоит из определённого количества фонем. В различных фонетических условиях фонемы звучат неодинаково: в живой речи образуются разновидности фонем. О том, как своеобразно звучат фонемы в различных фонетических контекстах, можно судить, если сравнить фонетическую транскрипцию какого-либо слова (предложения) с обычным его написанием (см. § 60).

Для повседневного употребления фонетическое письмо непригодно, но лингвистическая точность требует, чтобы фонетика учитывала разновидности фонем, наличные в живой речи: из разновидностей фонем могут народиться самостоятельные фонемы. Лабиальные (∂° , m° ...), палатальные, геминированные, латеральные и другие фонемы в ряде иберийско-кавказских языков, по всей видимости, представляют явление вторичное: из разновидностей фонем они развились в самостоятельные фонемы.

Для истории языка необходимо изучать не только фонемы, но и их разновидности. Эта необходимость — изучать разновидности фонем — всегда учитывалась исторической фонетикой, но вопрос о понятии фонемы и его месте в общем языкознании становится актуальным лишь за последние пятьдесят лет.

Пионерами разработки теории фонем явились русские учёные И. А. Бодуэн де Куртенэ и его ученик акад. Л. В. Щерба.

Учению о фонеме — фонологии — уделяется немало внимания за последние тридцать лет и в зарубежной лингвистике (Соссюр, Пражская школа, структуралисты), где в толковании данного понятия наблюдаются различные течения, обусловленные особенностями общелингвистической позиции, в основном психологической.

В частности, следует считать характерной тенденцию противопоставить фонетике фонологию. Так, у Соссюра фонетика, как историческая дисциплина, противопоставляется фонологии, как дисциплине неисторической („Фонетика ... затрагивает только речь ...“; „Фонология находится вне времени, так как механизм артикуляции всегда остаётся себе подобным“) ¹.

Трубецкой противопоставляет фонетику, как учение о звуках речи, фонологию, как учению о звуках языка.

Против отрыва фонетики от фонологии справедливо высказывался Л. В. Щерба.

Противопоставление фонетики и фонологии так же несостоятельно, как несостоятельно соссюрианское противопоставление речи и языка ². Фонология так же не может быть противопоставлена фонетике, как речь не может быть противопоставлена языку.

§ 58. Письменная речь и письмо. Речь бывает устная и письменная. Письменная речь широко применяется в качестве средства общения и обмена мыслями наряду с устной.

Письменная речь воспринимается зрительно (оптически), устная речь — на слух (акустически). Письменная речь никогда не воспроизводит устную речь с той точностью, чтобы ею можно было заместить подлинную живую устную речь. Но в истории культуры создание письма (письменного языка) имело исключительно большое значение.

Письменная речь даёт возможность общаться с отсутствующим слушателем (читателем); в этом её отличительная особенность. Этот незримый слушатель может являться современником пишущего, но он может жить через тысячи лет. Письменность донесла до наших дней повесть о жизни древнего Китая и Египта, древних шумеров и хеттов, ассирийцев и вавилонян, она сохранила человечеству достижения человеческой мысли древности и последующих эпох. Без письменности мы не знали бы законов Хаммураби, философской системы Аристотеля и поэтических творений Гомера.

---

¹ Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики (русский перевод), 1933, стр. 52.

² О неправомерности противопоставления речи и языка см., в частности, статью „Учение И. В. Сталина о языке как общественном явлении“ (сб. „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“, 1952, стр. 92—93).

Письменность, как средство общения, помогла и помогает преодолевать пространство и время.

Благодаря письменности достоянием миллионов¹ становятся те знания, которые без письменности могли бы получить распространение лишь в узком кругу причастных к делу лиц.

Письменную речь ныне мы понимаем как обозначение слов устной речи. Но не так было вначале. Письмо развивалось на протяжении тысяч лет, причём в процессе развития менялись сами принципы письма.

§ 59. Пиктографическое, идеографическое и речевое письмо. Три существенно различных принципа были исторически использованы для письма:

1. Письмо обозначает предметы и действия, о которых хотят сообщить. Это принцип пиктографический (латинское *pictus* — нарисованный, греческое *graphē* — письмо). Знаки такого письма называются пиктограммами.

2. Письмо изображает понятия, независимо от того, как называются эти понятия. Это принцип идеографический (греческое *idea* — мысль, идея). Знаки идеографического письма называются идеограммами.

3. Письмо изображает в том или ином виде слова, названия предметов и явлений, причём в начертании слова отдельные знаки могут обозначать или целые слоги, из которых состоит слово, или же могут обозначать звуки слова: либо частично (только согласные!), либо полностью (и согласные, и гласные). Письмо во всех этих случаях ориентируется не на предметы, о которых хотят сообщить, не на понятия, соответствующие этим предметам, а на слова-названия. Это по существу новый принцип; он может быть назван речевым. Эти три принципа отражают три ступени развития письма. Пиктографическое письмо наиболее древнее, идеографическое письмо представляет последующую ступень, начертание же слов — явление позднейшее.

В процессе исторического развития эти ступени резко не разграничиваются: пиктографическое письмо включает элементы

---

¹ Лишь современное радиовещание, воспринимаемое на слух (акустически), превосходит по охвату слушателей письменную речь; но оно не могло бы ни возникнуть, ни сохраниться при отсутствии письменности и технических достижений человечества, владеющего письменностью.

идеографического письма, так же как в идеографическом письме отмечаются элементы, характерные для последующей ступени.

Пиктографическое письмо было известно у индейцев Северной Америки. Образчиком такого письма может служить рисунок, воспроизводящий схематически: всадника на коне с палкой в руке, пять лодок с десятью чёрточками внутри каждой из них, черепаха, три круга в овале. Этим передаётся следующее содержание: „пятьдесят человек с вождём переправились на пяти лодках за три дня через озеро“. Лодки с чёрточками обозначают средство переправы и пассажиров схематически, но с большим приближением к действительности. Три круга в овале призваны обозначать три солнца, т. е. в переносном смысле три дня. В этом уже имеется, некоторая условность. То же можно сказать об изображении вождя: всадник на коне и с палкой в поднятой руке — это вождь. Конь, на котором он сидит, и палка в руке условно обозначают его положение среди переправляющихся на лодке: во время переправы на лодке вождь не мог, конечно, сидеть на коне. Черепаха, также условно обозначая сушу, намекает на то, что лодки достигли берега, переправа совершилась благополучно.

Таким образом, без некоторой условности не обходится и пиктографическое письмо, но для пиктографического письма специфична не эта условность, а стремление обозначить предметы, о которых сообщается. Пиктографический принцип в наше время проглядывает на вывесках: „ремонт обуви“ написано словами, а рядом изображён сапог; надпись гласит: „хлебные изделия“ — и тут же булочка, хотя в ассортименте имеются и батоны, и калачи, и сушки, и много другого. И сапог, и булочка суть в принципе пиктограммы.

Образчик идеографического письма представлен в современном китайском письме: В = солнце, Л = луна. В старом китайском письме солнце, луна обозначались иначе: $\odot$ = солнце; Д = луна. Старое письмо было пиктографическое, новое не является пиктографическим. Оно состоит из идеограмм. Идеограмма для солнца В ничем не напоминает солнце, так же как знак для луны Л не имеет по внешности ничего общего с луной; но всякий грамотный китаец в этих знаках видит обозначение определённых небесных тел, независимо от того, как

звучит название их в различных китайских диалектах (или языках). Идеографический принцип не чужд и нам: этот принцип и поныне используется в цифровом обозначении чисел. Взять, например, „4“. Числовое значение этой цифры одинаково понимается и русским, и армянином, и грузином, и немцем, и французом, хотя название этой цифры звучит совершенно по-разному: по-русски это *четыре*, по-армянски *чорс*, по-грузински *отхи*, по-немецки *фир*, по-французски *катр* и т. д.

Цифра, как знак числа, указывает на понятие, совершенно не считаясь с тем, на каком языке и как произносится название этой цифры. Именно это характерно для идеограммы и идеографического письма: идеограмма подобна цифре.

От основной идеограммы при помощи дополнительных знаков могут образоваться новые, усложнённые идеограммы, с новыми значениями.

Подобно китайскому и шумерское (в Месопотамии), и древнеегипетское письмо включало моменты пиктографический и идеографический; но в египетском письме развились начертания для слогов и букв. Принцип использования рисунка для обозначения буквы можно иллюстрировать примерами: *лев* по-древнеегипетски назывался *labo*; и вот рисуют контуры льва для обозначения звука *l*; *орёл* назывался *ahom*; рисуют орла, чтобы обозначить *a*: начальный звук названия предмета обозначают при помощи рисунка предмета.

Так получается письмо — по средствам пиктографическое, а по цели речевое.

Древнеегипетское письмо вначале имело значение священного письма, отсюда греческое название: иероглифы (греческое *ieros* — священный, *gluphē* — резьба). Ныне иероглифами называют всякое идеографическое письмо.

Речевое письмо, как сказано, бывает слоговое и буквенное. Слоговое письмо получило развитие в клинописи древних ассиро-вавилонян (слоговые знаки по внешнему виду напоминают клинья). Отдельным знаком обозначался целый слог (клинописных знаков было несколько сот). О характере клинописи можно судить по следующему примеру: написано: Di-a-y(e)-хи, читается *Даухи* || Даохи (Таохи — название одного из иберийско-кавказских племён¹).

¹ См. Г. А. Меликишвили, *Диаухи*, журн. „Вестник древней истории“, 1950, № 4, стр. 26—43.

Ассиро-вавилонская клинопись развилась на основе шумерского письма. В дальнейшем она получила распространение по всей Передней Азии: у хеттов, хурритов, урартцев, позднее — персов.

Следует отметить, что у хеттских народов до клинописи имелось собственное иероглифическое письмо.

Звуковое письмо впервые было разработано финикийцами в X в. до нашей эры; к финикийскому восходят посредственно или непосредственно письмена: греческое, латинское, арамейско-сирийское, арабское, армянское, грузинское.

На основе греческого алфавита создана готская азбука. На этой же основе создавалась церковнославянская азбука (её разновидности: глаголица — из греческого курсива и кириллица — из греческого уставного письма).

Письмена могут отличаться по тому, как располагаются знаки.

Китайские идеограммы образуют столбец сверху вниз, причём первый столбец начинается с правого угла (последняя идеограмма занимает левый угол).

Мы пишем слева направо (таково письмо русское, латинское, грузинское, армянское).

Арамейско-сирийское, современное арабское письмо направляется справа налево.

Древнегреческое написание сохранило своеобразную переходную форму: если одна строчка пишется слева направо, то последующая идёт справа налево. Такой порядок называется бустрофедон („пахота“ от греч. *bous* — бык, греч. *strophē* — вращение).

§ 60. Взаимоотношение языка устного и языка письменного. Письменный язык никогда не отражает в точности устную речь: буквы не могут следовать за вариациями звуков. В слове *грамматика* три *a*, в написании (графически) одинаковых, но фонетически вовсе не тождественных: подударное *a* (второе от начала слога) и два остальных сильно отличаются друг от друга. Далее: в этом слове пишется два *m* (*грамматика*); в произношении же они сливаются, образуя один долгий согласный *m* (с увеличенной продолжительностью выдержки затвора или смыкания) и т. д.

Письмо, пытающееся полностью отобразить вариации звуков, представленных в живой речи, называется фонетическим письмом, или фонетической транскрипцией.

Образчик фонетического письма:

ф-ч'ис'л'ё грѣндибѣзных задач создѣн'иѣ новыѣ; същѣл'ис'-
т'ич'ьскѣ кул'тѣры пр'е" д-нѣм'и пѣстѣвл'ѣнѣ и здѣч'ь аргѣн'и-
зѣции ѣзыка ач'иш'ѣн'иѣ — ѣвѣ ат-пѣ-рѣз'ит'ѣвнѣвѣ хлѣмѣ¹.

Тот же текст обычным письмом:

„В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры пред нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитивного хлама“ (М. Горький, О языке).

Фонетическая транскрипция может быть использована в специальных языковедческих целях (в особенности когда требуется воспроизвести с возможной точностью диалектную речь). Для повседневного употребления такое письмо непригодно: фонетическая точность здесь не может быть соблюдена, да она и не нужна.

Когда создаётся письменность для какого-либо языка, письмо стремится отобразить произношение. Но в результате развития звуковой стороны языка письмо может сильно отстать от произношения; письмо может резко разойтись с произношением. Разительные примеры этого дают французский и английский языки.

Взять хотя бы французское *j'avais* — произносится *ж'авэ* — *я имела*; *ils avaient* — произносится *иль з'авэ* — *они имели*.

Английское *jam* — произносится *ай эм* (= „я есмь“); *enough* — произносится *инаф* (= „достаточно“); *newspaper* — произносится *ньюспэйп'р* (= „газета“); *Shakespeare* — *Шекспир* (одиннадцать букв обозначают семь звуков) и т. д.

При таком расхождении произношения и написания исключительно затрудняется обучение грамоте, особую остроту приобретают вопросы орфографии, т. е. правильного написания (греческое *orthos* — п р а в и л ь н ы й, *grapho* — п и ш у).

Орфографические вопросы требуют урегулирования и в таких языках, где нет такого разнобоя между произношением и написанием, какое наблюдается во французском и английском языках.

Они чувствуются даже в таком письме, как грузинское, где для каждой фонемы имеется отдельная буква и где каждая буква имеет только одно произношение.

---

¹ Взято из книги: Р. И. Аванесов, Русское литературное произношение, Учпедгиз, 1950, стр. 139.

При решении орфографических вопросов могут быть выдвинуты принципы: фонетический, морфологический, исторический. Каждый из этих принципов по-своему решает вопрос, какое написание следует считать правильным.

Согласно фонетическому принципу правильным надо считать то написание, которое следует за произношением („надо писать так, как говорят“). Согласно этому принципу следовало бы писать *вóды*, но „вада“ (= вода); *морé*, но „маря“ (= моря); *труба*, но „трупка“. Этого нет в русском правописании. Зато, следуя фонетическому принципу, пишут: *беспокойный, беспечный, бестолковый* (а не „безпокойный“, „безпечный“, „безтолковый“).

Отвлечённо взятый, данный принцип является как будто единственно правильным. Однако реализовать данный принцип исключительно трудно: чем сильнее расхождение между произношением и написанием, тем труднее реализовать данный принцип. Казалось бы, что проще вместо французского *beaucoup* — „беаюкоюп“ (*много*), писать *боку́*, как оно и произносится (или *ж'авэ* вместо *j'avais* — „ж'авайс“), но тогда резко нарушается преемственность: создаётся как будто совершенно новое письмо.

В младописьменных языках легче ориентироваться (и следует ориентироваться!) на фонетический принцип, ибо здесь не связывает письменная традиция, но в этом случае появляется новый источник осложнения — диалектное разнообразие; построить же литературный язык целиком и полностью лишь на одном диалекте практически невозможно (по крайней мере в лексике приходится считаться с данными других диалектов).

Морфологический принцип требует, чтобы в начертании не затемнялся морфологический состав слова, чтобы морфологические элементы писались одинаково. Согласно этому принципу приставки *под-*, *пред-*, *над-* сохраняют конечный звонкий *д*, независимо от того, следует за ними звонкий или глухой согласный: *подобрать, подрезать, подложить, подбросить* — *подковать, подправить, подпочва, подтвердить, подставить*. Перед глухими согласными (*к, п, т, с*) звонкий *д* оглушается, ассимилируясь с последующим глухим согласным. Однако и в этих случаях пишется *под-* (а не „пот-“); приставка сохраняет своё начертание. Равным образом *пред-*, *над-* сохраняют своё начертание независимо от фонетического контекста: *предтеча, предсказать; надкусить, надклеить, надстройка*.

Правописание приставок *под-, пред-, над-* не следует фонетическому принципу (как это мы имели в написании приставки *без-*). В правописании *под-, пред-, над-* выдержан морфологический принцип.

Исторический принцип выступает в защиту традиционного написания, также не считаясь с произношением. Согласно этому принципу в русском языке до реформы орфографии в 1917 г. писали: *сто́ль, до́мь, по́ль, пожа́рь*, хотя этот *ь* („твёрдый знак“) не произносился.

На историческом принципе держатся орфографии английского, французского языков, резко расходящиеся с произношением. Впрочем, вряд ли найдётся такой письменный язык, орфография которого совсем бы не считалась с историческим принципом.

Орфография стремится установить нормативное написание („как будет правильно писать“). Особо стоит вопрос о нормативном произношении: можно правильно писать слова, но произносить неправильно. Нормативное произношение устанавливается орфоэпией (греческое *orthos* — п р а в ь л ь н ы й; греческое *epos* — р е ч ь).

Например, в русском языке неправильно поставленное ударение может нарушить нормативное произношение: литературному произношению *ту́ча* противостоит диалектное (курское) *туца́*. Срв. также *о́стро* и *остро́*, *языки́* и *язы́ки*; *ве́тров* и *ветро́в*, *це́хов* и *цехо́в*; *ло́зу* и *лозу́*, *стро́ку* и *строку́*; *волна́м* и *волна́м* и т. д.

Вопросом об ударении не исчерпывается круг вопросов орфоэпических.

В широком смысле слова орфоэпия призвана решать спорные вопросы норм литературного языка (морфологических, синтаксических, лексических). Что правильнее с точки зрения литературного русского языка: *ле́кторы* или *лекторá*, *инспе́кторы* или *инспекторá*; *в шка́фе* или *в шкафу́*; *свёч* или *свечей*? Правописание таких слов не представит затруднений, коль скоро будет установлена обязательная для литературного языка норма. Чтобы знать, как писать такие слова, следует знать, как будет правильнее произносить, какой вариант надо считать литературным.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

§ 61. Классификация языков. К постановке проблемы. Языков насчитывается по меньшей мере несколько сот (§ 31). Классификация языков ставит целью сгруппировать языки и сделать легко обозримым их многообразие.

Всякая классификация требует определённого признака, по которому и объединяются в группы классифицируемые предметы. Группировки, полученные в результате классификации, могут быть существенно различными в зависимости от того, по какому признаку группируются предметы, в зависимости от того, какой признак будет служить основой деления, *principium divisionis*. Этот признак и образует принцип классификации.

Из классификаций языков наиболее известны: морфологическая и генеалогическая.

Принципы классификации у них различные.

Морфологическая классификация исходит из того, каково строение слова в данном языке. Генеалогическая классификация группирует языки по тому, каково происхождение языка, с какими языками родственен данный язык по происхождению.

§ 62. Морфологическая классификация языков. В основу морфологической классификации, как сказано (§ 61), кладётся строение слова: выделяются ли в составе слова аффиксы (форманты), в особенности те, которыми выражаются взаимоотношения слов в связной речи (аффиксы словоизменения: склонения и спряжения), или же таких аффиксов (формантов) в со-

ставе слова не имеется. Поскольку строение слова (в особенности словоизменение) изучается в морфологии, классификация по признаку строения слова будет морфологической классификацией.

Согласно морфологической классификации языка образуют две основные группы: 1) языки, не имеющие аффиксов, 2) языки с аффиксами, или языки аффигирующие.

1. Если в слове не выделяется аффикс словоизменения, слово является неизменяемым. Следовательно, в языке при отсутствии подобных аффиксов будут только неизменяемые слова вроде таких, как русские слова *где, когда, тогда, куда, сюда, туда, вперёд, назад*.

Взаимоотношение же слов в предложении, в связной речи будет определяться порядком слов (или иными средствами, заменяющими словоизменение — ударение и др.). Таким образом, слова морфологически неизменяемы, однообразны, но предложение не лишено грамматического строя; нет морфологии, но имеется синтаксис.

Неизменяемые слова напоминают корни. Язык с такими словами называют корневым. Однако такой язык лишь условно может быть назван корневым: корень и аффиксы — понятия соотносительные, и где нет аффиксов вообще, там не может быть и корня (в общепринятом смысле).

К типу корневого языка близок китайский. Слова в нём не склоняются и не спрягаются. Однако имеются частицы с функцией вспомогательных слов и аффиксов словообразования. Решающую роль в построении фразы (предложения) играет порядок слов.

Как понимается один и тот же звуковой комплекс в различных сочетаниях, об этом можно судить на примере китайского слова *хао*: *хао жень* — хороший человек; *сию хао* — делать добро, давать милостыню; *дзио хао* — старая дружба; *хао дагвих* — очень дорогой; *жень хао во* — человек любит меня.

Таким образом, *хао* в различном положении и с различной интонацией может значить: *хороший, очень, добро (милостыня), дружба, любить*, т. е. оно выступает в функции то имени прилагательного, то наречия, то имени существительного, то глагола, не являясь, конечно, морфологически ни одной из этих частей речи (в обычном понимании).

2. Языки с аффиксами, или аффигирующие языки, делятся на агглютинативные („склеивающие“ — от латинского *agglutinare* — приклеивать) и флективные („сгибающие“ — от латинского *flexio* — сгибание). Аффиксы имеются и в тех, и в других, но характер связи между аффиксами и материальной частью слова (с корнем, с основой) неодинаков. В агглютинативных языках, как правило, каждое морфологическое значение выражено отдельным аффиксом и каждый аффикс имеет одно назначение; вследствие этого слово легко расчленяется на составные части, связь между корневой частью и аффиксами (формантами) слабая. Например: равнозначные слова грузинское *сахлэбс* и русское *домам* одинаково являются дательным падежом множественного числа. Но грузинское *сахлэбс* включает два суффикса: *-эб-* — суффикс, образующий множественное число имён и *-с* — суффикс (флексию) дательного падежа (срв.: *сахл-с* — дому, *сахл-эб-с* — домам). В русском слове *домам* выделяется один формант (одна флексия) — *-ам*, обозначающая и множественное число, и дательный падеж одновременно. Нельзя утверждать, будто в форманте *-ам а* указывает на множественное число, а *м* призван обозначить дательный падеж; в единственном числе дательный падеж слова *дом* оканчивается на *-у*: *дом-ам*, но: *дом-у*.

Пример из грузинского языка иллюстрирует особенности аффиксов (и строя слова) в агглютинативных языках, пример из русского языка — особенности строя слова в флективных языках.

Более тесная связь между основой и аффиксами проявляется в так называемой фузии, слиянии аффикса с основой в флективных языках. Например: *друг, друга, другу, другом* в единственном числе легко распадается на основу *друг-* и аффиксы (падежные флексии): *-а, -у, -ом*. Но во множественном числе — *друзья* — труднее выделить основу *друг-* и аффикс: конечный согласный данной основы *-г-* подвергся фонетическому изменению, звуковой состав основы здесь уже не тот, что имели в единственном числе. То же можно сказать об основах слов: *побережье* (вместо ожидаемого *побережье* — срв. *берег*), *человеческий* (вместо ожидаемого *человек-еский*), *вражеский* (вместо *врагеский*), *должный* (срв. *долг*), *виж-у* и *вид-ишь*, *пек-у* — *печёшь*, *трач-у* — *трат-ишь* и т. д.

Изменённые в результате фузии основа и аффиксы теснее сливаются, слово труднее распадается на составные части. Фузия

(слияние) более характерна для флективных языков. Аналогичные процессы слабее представлены в агглютинирующих языках¹.

Для флективных языков характерна не только тесная связь с основой, но и так называемая внутренняя флексия (или флексия основы), когда изменяется гласный звук основы и этим способом обозначается грамматическая форма слова. Примером флексии основы могут служить: нем. брудер (Bruder — брат) — множ. ч. брудер (Brüder — братья); англ. гуз (goos — гусь) — множ. ч. гиз (geese — гуси); фут (foot — нога; срв. фут-бол) — множ. ч. фит (feet — ноги).

Флексия основы в немецком, в английском языках встречается далеко не так часто, как в арабском языке, где флексия основы служит основным средством словоизменения. Следует однако отметить, что в арабском языке, кроме флексии основы, используются и аффиксы².

К примеру: *кат'ала* — он убил, *кут'ила* — он был убит; *дараба* — он (по)бил, *дуриба* — он был (по)бит; *кат'аба* — он написал, *кут'иба* — он был написан. Действительный залог (*кат'ала*, *дараба*) и страдательный (*кут'ила*, *дуриба*) отличаются здесь друг от друга только лишь по гласным основы (*а*, *а* — *у*, *и*), согласные — те же (*кт'л*, *дрб*). Изменение гласных основы для выражения грамматических (морфологических) значений идёт так далеко, что арабская грамматика выставляет положение: лексическое (материальное) значение в арабском языке связано с согласными звуками слова, грамматическое (морфологическое) значение выражается гласными звуками слова; таким образом, гласные не входят в состав корня, корни считаются состоящими лишь из согласных.

Из примеров, рассмотренных выше, становится понятным, почему слабая связь основы и аффиксов названа агглютинацией („склеиванием“), соответствующие же языки — агглютинирующими, или агглютинативными; с другой стороны, термин „флек-

¹ Срв. русское *друг* — *друзья* и грузинское *мэгобари* — *мэгобр-эб-и*; если отбросить *-эб-и*, остаётся *мэгобр*, а не *мэгобар*: основа под влиянием окончания подверглась изменению, потеряла гласный *а* („стяжение основы“), но расчленив грузинское *мэгобр-эб-и* на основу и аффиксы всё же легче, чем расчленив русское слово *друзья*.

² Срв. образованное с использованием аффиксов: *йактубу* — пиш ет, *нактубу* — пиш е м.

тивные“ (или флектирующие) языки имеет в виду флексию основы¹.

Агглютинативными являются языки: алтайские, или туранско-монгольские (тюрко-татарские), угро-финские, иберийско-кавказские (например, грузинский) и многие другие.

Флективными считаются: индоевропейские (русский, немецкий, латинский, индийский и др.) и семитические (арабский, еврейский и др.) языки, хотя флексия основы играет ведущую роль лишь в семитических языках.

Кроме корневых агглютинативных и флективных языков в морфологическую классификацию обычно включают языки полисинтетические („многосоставные“). Так называются языки, в которых в одно сложное целое объединяется всё предложение: глагол с субъектом и объектом, с определениями и с обстоятельственными словами.

Таково, к примеру, „слово“ из индейского языка пайют (в штате Юта — США): *виш-то-кучум-пунку-рюгани-югви-ван-тюм(ю)*, что значит: „имеющие сидя разрезать ножом чёрного бизона“; буквально же: „нож-чёрный-бизон-ручной-разрезать-сидеть“ (множ. ч.) — буд. прич. одушевл. множеств. ч.². В данном примере наличествуют морфологические элементы, обозначающие будущее время, причастие, множественное число (одушевлённых предметов). Такие языки не лишены аффиксов, но своеобразие полисинтетических языков сводится не к строю отдельного слова. Для полисинтетических языков характерно не неизменяемость слов, а своеобразное взаимоотношение слова и предложения: вне предложения нет слов (в нашем понимании), предложения составляют основную единицу речи. Эта единица „многосоставная“; в эту единицу „включены“ слова. Сообразно с этим языки данного типа называются полисинтетическими³ (поскольку имеется в виду результат — многосоставной характер

---

¹ Флексию основы („брудер“ — „брюдер“) следует отличать от флексии слова — изменения по падежам, по лицам — при помощи аффиксов (суффиксов, префиксов).

Надо отметить, что в образованиях типа „брюдер“ флексия основы вначале не являлась средством выражения множественного числа: множественное число обозначалось суффиксом; флексия же основы появилась в результате фонетических изменений. Когда же суффикс отпал, множественное число стало выражаться флексией основы: лишь ею различалось множественное число.

² Приводим по Эд. Сепиру, Язык, 1934, стр. 25.

³ Греческое *poly* — многие, *synthesis* — соединение, слияние.

„предложения“), или инкорпорирующими¹ (поскольку исходят из процесса включения в „предложение“ слов).

Полисинтетический тип языка может быть включён в морфологическую классификацию лишь условно, поскольку особенный характер взаимоотношения слова и предложения приводит к своеобразному решению проблемы слова, а не строения слова.

В связи с понятием „флективные языки“ следует упомянуть о понятиях „синтетические языки“ и „аналитические языки“. Они выделены Августом Шлегелем (1818 г.) из флективных языков.

Для аналитических языков характерно: употребление местоимений вместо личных аффиксов (для обозначения лиц глагола), а также описательное образование глагольных форм при помощи вспомогательного глагола; употребление предлогов вместо падежных окончаний; использование наречий для передачи степеней сравнения. Словом, аналитический язык прибегает к помощи отдельных слов там, где синтетический язык использует аффиксы.

Срв. синтетический строй русского языка (а также латинского) с аналитическим строем французского:

	Латинский:	Французский:
Род. книги	libr-i	du livre „дю ливр“
Дат. книге	libr-o	au livre „о ливр“
теряю	perdo	je perds } Во всех tu perds } трёх лицах il perd } произно- } сится „пэр“.
теряешь	perdis	
теряет	perdit	
длинный, -ая, -ое	longus, -a, -um	long „лон“ (жен. longue „лонг“)
длиннее	longior (муж. и жен. родов) longius (средн. р.)	plus long (longue) „плю лон (лонг)“
длиннейший, -ая, -ее	longissimus, -a, -um	le plus long (longue) „ль плю лон (лонг)“

Из европейских языков, кроме французского языка, аналитический строй характерен для английского.

Аналитического строя не может быть в собственно флективных языках: неправ был Август Шлегель, различавший флективные языки синтетического и аналитического строя.

¹ Латинское in — „в“, corpus (род. corporis) „тело“ — отсюда инкорпация — внедрение, включение (в тело) чего-либо.

В зарубежной печати встречаются утверждения, будто аналитический строй языка представляет собою более ценный, более прогрессивный строй речи. В большинстве случаев такого мнения держатся лица, заинтересованные в распространении влияния английского языка, стремящиеся навязать английский язык иноязычным народам силой, — это почти исключительно носители данного языка — англичане и американцы.

Научного основания такое мнение абсолютно лишено: мнение о превосходстве аналитического строя научно так же несостоятельно, как несостоятельно мнение Фридриха Шлегеля, будто флективные языки вообще по своему строю являются несравненно более ценными, чем агглютинативные языки. И с общественной точки зрения ненаучное мнение о превосходстве аналитических языков совершенно неприемлемо: такое мнение на руку лишь англо-американским расистам.

§ 63. Различные толкования морфологических типов. Основы морфологической классификации были заложены в работе Фридриха Шлегеля „О языке и мудрости индусов“ в 1808 г., т. е. ещё до возникновения историко-сравнительного языкознания. В разработке морфологической классификации в дальнейшем принимали участие Август Шлегель (1818) и Вильгельм Гумбольдт (1822), но ни тот, ни другой не стояли на точке зрения историко-сравнительного языкознания.

Поэтому несравненный интерес представляет попытка представителя историко-сравнительного языкознания Августа Шлейхера (1850) истолковать морфологическую классификацию языков с исторической точки зрения.

Шлейхер исходит из трёхчленной классификации, различая языки корневые, агглютинативные и флективные. В этих трёх морфологических типах Шлейхер видит воплощение трёх ступеней развития: в корневых языках представлена древнейшая ступень, в агглютинативных — последующая, а в флективных — новейшая. Образование всех трёх типов по Шлейхеру падает на доисторию. Вступив в исторический период, языки — по Шлейхеру — якобы перестают развиваться, они начинают разлагаться.

В основе такого понимания Шлейхера лежит следующая логическая схема: в языке мы имеем выражение мысли; в мысли же даны понятия (представления) и отношения между ними; понятие выражено в значении слова, представленном в основе слова; отношение выражено аффиксами. Отдельно могут существовать основы, как носители значения. Возможен язык, состоящий из одних основ, но не может быть языка, состоящего из одних аффиксов. Следовательно, развитие начинается с корневых языков, флективными же оно заканчивается.

Аффиксы, насколько известно из истории языков, происходят из самостоятельных слов (основ). До возникновения аффиксов, следовательно, язык располагал одними лишь словами-основами. Поэтому положение Шлейхера

о древности корневого типа не вызывает возражений. Неверно только, когда этот древний тип видят в китайском языке: древнекитайский язык не был лишён аффиксов (он был языком агглютинативным); если в современном китайском языке не имеется аффиксов (словоизменения), то это результат долгого развития, но отнюдь не начало развития.

Далее: нельзя последнюю и, стало быть, высшую ступень развития видеть в флективных языках (в отличие от агглютинативных); флективные языки нельзя противопоставлять агглютинативным; принципиальной разницы между ними не имеется; трудно даже их разграничить (см. § 64).

В шестидесятых годах прошлого столетия английский филолог Макс Мюллер попытался дать социологическую интерпретацию морфологическим типам. Согласно мнению Макса Мюллера различные морфологические типы характерны для различного общественного строя: корневой тип соответствует „семейной“ ступени развития, агглютинативный тип — кочевому образу жизни, флективность же отображает „политическую“ ступень, т. е. ту ступень, когда появляется государство.

Социологизм Макса Мюллера примитивен и вульгарен по своей сути. К тому же он резко расходится с общеизвестными фактами: на агглютинативных языках говорят многие народы, которых история застаёт живущими оседлой жизнью и которые имели государственный строй две тысячи лет назад, и однако поныне говорят на языках агглютинативного типа. Рассматривая флективный тип как высшую ступень развития, Макс Мюллер допускает ту же принципиальную ошибку, что и Август Шлейхер.

§ 64. К оценке значения морфологической классификации. Морфологическая классификация языков страдает двумя существенными недостатками. Во-первых, она далеко не охватывает всё разнообразие строя языков, ограничиваясь лишь более известными и резко расходящимися структурными типами; следовательно, как классификация она является неполной. Во-вторых, выделенные морфологические типы трудно разграничить: в агглютинативных типах попадают элементы флективности, и, наоборот, в флективных языках не исключены явления агглютинативного порядка. К тому же в корневых языках используются частицы, а от частиц недалеко до аффиксов (во всяком случае, аффиксов словообразования).

Выше было отмечено, каким научно несостоятельным и общественно неприемлемым воззрением даёт повод противопоставление морфологических типов: агглютинативных и флективных, синтетических и аналитических.

Наконец, следует отметить, что морфологическая классификация идёт от тех времён, когда ещё не было историко-сравнительного языкознания; органически она не связана с языкознанием, как исторической наукой.

Всё это говорит против морфологической классификации и против того, чтобы она считалась научной классификацией.

Но морфологическая классификация всё-таки не лишена определённого познавательного значения. В этом отношении следует учесть два обстоятельства. Если мы знаем морфологический тип языка, мы можем предугадать, каковы будут строй и отраслевой состав грамматики данного языка. Изучая грамматический строй агглютинативных и флективных языков, мы, естественно, уделяем большое внимание морфологии. Но грамматика

корневого языка по сути дела не нуждается в морфологии: центр тяжести здесь падает на синтаксис. Таким образом, уяснение того, к какому морфологическому типу относится данный язык, имеет значение для построения описательной и научной грамматики данного языка. Это — одно.

Допустим, мы изучаем язык агглютинативного типа и в нём попадаются явления, несвойственные данному типу. В агглютинативном типе отдельное грамматическое значение передаётся отдельным аффиксом и у каждого аффикса — одна определённая функция. Нарушая этот принцип, попадают отдельные аффиксы, имеющие две функции, а в других случаях имеются по два аффикса (например, префикс и суффикс), грамматическое же значение у них одно (а не два).

Например: в агглютинативном грузинском языке суффикс *эн-* (*аишэнэбэн* — строят они то) обозначает третье лицо и множественное число (один суффикс — две функции). В том же языке два аффикса выполняют одну функцию: *мо-надир-э* — охотник (от *надир* — дичь), *са-бурв-эл* — покрывало (то, чем покрывают — прич. буд. врем. страд. залога). В обоих случаях (*мо-* — *-э* и *са-* — *-эл*) два аффикса выступают с одной функцией.

В языке агглютинативного типа не должно быть таких явлений; принцип агглютинации заставляет думать, что здесь налицо вторичное явление. И действительно, история подтверждает этот вывод дедуктивного характера. Суффикс *-эн* в грузинском языке вначале обозначал лишь множественное число, показателем лица он стал постольку, поскольку другого показателя в третьем лице не было, а во втором и в первом лицах имелись личные показатели (флексии).

Равным образом аффиксы *мо-* — *-э*, *са-* — *-эл* вначале имели самостоятельную функцию, а именно: суффикс *-эл* (*-э*) служил детерминативом основы, префиксы же *мо-*, *са-* являлись показателями категорий грамматических классов (*мо-* — грамматической категории человека, *са-* — категории вещи). В дальнейшем категории грамматических классов отпали, а аффиксы остались, с некоторым изменением функции, выполняемой совместно с другим аффиксом. (В большинстве же случаев аналогичные аффиксы исчезли или срослись с основой.)

Таким образом, уяснение морфологического типа, к которому принадлежит изучаемый язык, может дать ценные указания для правильной постановки вопроса об истории явления, для верной ориентации в истории данного языка.

Следовательно, морфологическая классификация при всех её недостатках не лишена определённого значения как для разработки описательной грамматики, так и в плане изучения исторической грамматики соответствующего языка.

§ 65. К вопросу об изменчивости морфологического типа. Изменчив ли морфологический тип? На этот вопрос следует ответить положительно. Изменчивость морфологического типа вытекает из общего положения, что язык — историческая категория, что все звенья языковой системы изменяются, изменяется в частности и грамматический строй, изменяется очень медленно,

но всё-таки изменяется. Изменчивость морфологического типа вытекает с неизбежностью из положения, что аффиксов (формантов) вначале не было, они возникли из вспомогательных слов, из самостоятельных основ.

Изменчивость морфологического типа подтверждается конкретными данными из истории отдельных языков. Так, например, документально установлено, что китайский язык в древности не был так близок к корневому типу, как теперь; в китайских словах имелись аффиксы. К корневому типу китайский стал близок в результате долгого развития. Английский язык ещё не стал корневым, но очень сильно подвинулся в этом направлении за последние десять столетий.

С другой стороны, в Италии времён Цезаря, две тысячи лет тому назад, говорили флективным (латинским) языком и ныне говорят тоже флективным (итальянским) языком. На основе латинского языка сформировался новый, итальянский язык, но морфологический тип остался тот же.

Морфологический тип изменяется, но изменяется исключительно медленно, медленнее, чем даже грамматический строй.

§ 66. Генеалогическая классификация языков. В генеалогической классификации языки группируются по признаку общности происхождения, иными словами, по признаку материального родства.

Языки, объединённые общностью происхождения, составляют семью родственных языков; генеалогическая классификация есть классификация родственных языков по семьям. Таковы, например, семьи языков: индоевропейская, семитическая, иберийско-кавказская, угро-финская, алтайская (туранско-монгольская) и другие (подробнее о них см. ниже).

Семья языков представляет собою наиболее крупную группировку родственных языков. Но в пределах одной семьи, если она многочисленная, могут выделяться относительно мелкие группы, находящиеся между собою в более тесной связи, чем с другими языками той же семьи. Такие группы более близких друг к другу языков (внутри одной и той же семьи) обычно обозначаются термином „ветвь языков“ (той или иной семьи). Так, например, внутри индоевропейских языков выделяются ветви: индийских, иранских, славянских, германских, романских, кельтских и других языков.

В свою очередь ветвь может подразделяться на более мелкие группы; например, славянская ветвь индоевропейских языков делится на языки: восточно-славянские, западно-славянские, южно-славянские, но для таких единиц специального термина в генеалогической классификации не имеется; „семья языков“ и внутри семьи „ветвь языков“ — таковы основные термины, используемые для характеристики родственных языков в генеалогической классификации.

Термин „семья языков“ (так же как и „скрещивание языков“) в языкознании усвоен из биологии. С его употреблением связаны определённые неудобства: взаимоотношение языков носит характер исторический, а не биологический. Термин „семья языков“ может в отдельных случаях дать повод для фигуральных выражений: „языки, братски родственные“; „языки родственные, как двоюродные братья“¹, что, конечно, неоправдано. По аналогии с биологическими отношениями иногда даже считают возможным допускать существование родственных языков рядом с языками, которые их породили; такое сосуществование вполне естественно в мире биологическом, в отношениях живых организмов (родителей и порождённых), но оно совершенно невозможно в отношениях между языками (см. § 22).

Было бы точнее говорить об языках одного корня („языки индоевропейского корня“, „языки семитического корня“ и т. д.), поскольку родственные языки объединены общим исходным материалом и этим материалом являются корни и аффиксы (в свою очередь тоже ведущие начало от корней). Но с этим термином („языки одного корня“) связаны трудности стилистического порядка (не все нужные выражения образуются от термина „языки одного корня“).

В пользу термина „семья языков“ говорит длительная традиция. Поэтому термин „семья языков“, как традиционный для сравнительно-исторического языкознания, остаётся в употреблении (так же как и термин „скрещение языков“, биологическое происхождение которого, как ни странно, не обращало на себя

---

¹ См., например, у Н. Марра: „...Тогда как семитические языки братски родственны друг с другом, наличные представители яфетической ветви, в том числе и грузинской, с семитическими находятся в отношениях двоюродных братьев, детей двух родных братьев, т. е. пра-семитического и пра-яфетического“ (Н. Марр, Основные таблицы грамматики древнего грузинского языка. Сборник: По этапам развития яфетической теории, стр. 13).

внимания специалистов, ополчавшихся против термина „семья языков“).

Родство языков характеризует историческое взаимоотношение не только самих языков, но, как правило, и народов, как этнических образований, говорящих на данных языках.

Однако родство языков по происхождению не имеет ничего общего с антропологической характеристикой говорящих на данном языке народов: раса как понятие антропологии и язык друг с другом не связаны. Народы кавказской расы говорят на языках, совершенно различных по происхождению: на индоевропейских, семитических, иберийско-кавказских и др. Если же брать расу, как более мелкую антропологическую единицу (северная, южноевропейская раса и т. д.), окажется, что различные расы говорят на языках одной (например, индоевропейской) семьи. Словом, раса и язык не совпадают независимо от того, понимаются ли под расой крупные единицы антропологической классификации или единицы значительно более мелкие (общепринятой классификации рас не имеется).

Как возникают родственные языки? Родственные языки ведут начало от диалектов одного и того же языка: родственные языки — это диалекты одного и того же языка, развившиеся в самостоятельные языки. Процесс превращения диалектов одного языка в самостоятельные родственные языки и есть процесс образования семьи языков.

Язык, образующий материальную основу исторической общности родственных языков, иными словами, язык, от диалектов которого ведут начало родственные языки, называется языком-основой. Так, древнерусский язык представлял собой язык-основу для языков: русского, украинского, белорусского. Народная латынь служит языком-основой для романских языков (итальянского, французского, испанского, румынского и др.).

Как известно (§ 11, 18), у диалектов территориальных имеется свой основной словарный фонд и свой грамматический строй; диалекты объединяются по этим моментам при наличии ряда особенностей. Общий основной словарный фонд и общий грамматический строй, постепенно изменяясь, превращается в основы новых, самостоятельных, языков. Так представляются схематически процесс зарождения родственных языков из диалектов и конечная фаза данного процесса. Проследить пути развития род-

ственных диалектов в родственные языки значит выявить историю образования семьи родственных языков.

В чём выражается родство языков? В родственных языках в большей или меньшей степени сохраняется сходство и в основном словарном фонде, и в грамматическом инвентаре (префиксы, суффиксы), а также, как правило, и в звуковом составе. Не будь этого сходства, нельзя было бы отличить языки родственные от языков неродственных (от языков, не объединённых общностью происхождения).

Следует оговорить, что сходство может иметь место и между неродственными языками; оно может быть или материальным, но лишь случайным (заимствованные слова!), или может быть и неслучайным, типологическим, но не материальным (одинаковое в принципе строение слова, например, префиксация там, где в других языках налицо суффиксация). Сходство же родственных языков, проявляясь в основном словарном фонде и в грамматическом инвентаре, является сходством закономерным: одни и те же языковые факты (основы, аффиксы) в них представлены в дифференцированном виде.

Как устанавливается родство языков? При помощи сравнения. Сравнение родственных языков служит вспомогательным средством истории, которая должна воссоздать пути развития, пройденные родственными языками от диалектов до родственных самостоятельных языков.

Сравнение должно проводиться путём учёта истории сравниваемых фактов (так называемого приведения сравниваемого материала к „общему историческому знаменателю“).

Не вдаваясь в подробности техники историко-сравнительного анализа, поясним на элементарных примерах некоторые условия, соблюдение которых необходимо при сравнении.

1. Для сравнения не могут быть использованы совершенно различные по материалу факты родственных языков, например: русское слово *пушка* не может быть сравниваемо с украинским однозначным словом *гармата*: это разные основы. Равным образом не могут сравниваться: русск. *полоса* и укр. *смуга* того же значения; русск. *язык* (в значении *речь*) и укр. *мова* (*язык, речь*); русск. *труд* и однозначное укр. *праця*; русск. *тягостный* и укр. *важкий*; русск. *видеть* и укр. *бачити*; русск. *лук* (растение) и укр. *цибуля* и др.

Если бы все слова (основы) в русском и украинском языках расходились в такой же мере, как вышеуказанные, то сравнивать было бы нечего,—эти языки были бы неродственными, совершенно чуждыми по происхождению.

2. Для сравнения не может быть использован совершенно одинаковый материал в родственных языках, например, такие слова, как: *рука, дерево, день, слух, трава, ложка, сукно, щетина, корова, металл, техника, трактор* и многие другие; эти слова, одинаково звучащие и в русском, и в украинском языках и имеющие одинаковое значение, ничего не дадут для сравнения.

Это или искони общие для русского и украинского языков слова (*рука, день, дерево* и др.), или же усвоенные из других языков (*техника, металл, трактор* и т. п.).

Если бы все слова (основы) и все аффиксы были так одинаковы в русском и украинском языках, как это наблюдается в вышеуказанных примерах, то сравнивать опять-таки было бы нечего,—мы имели бы один, а не два родственных языка (русский и украинский).

3. Для сравнения должен быть использован материал, исторически общий для сравниваемых языков, но подвергшийся дифференциации.

Русск.	Укр.	Русск.	Укр.
<i>дом</i>	<i>дім</i>	<i>сено</i>	<i>сіно</i>
<i>нож</i>	<i>ніж</i>	<i>семья</i>	<i>сімя</i>
<i>коть</i>	<i>кінь</i>	<i>месяц</i>	<i>місяць</i>
<i>кол</i>	<i>кіл</i>	<i>свет</i>	<i>світ</i>
<i>род</i>	<i>рід</i>	<i>медь</i>	<i>мідь</i>
<i>ровно</i>	<i>рівно</i>	<i>век</i>	<i>вік</i>
<i>конец</i>	<i>кінець</i>	<i>жёлтый</i>	<i>жовтий</i>
<i>кошка</i>	<i>кішка</i>	<i>полный</i>	<i>повний</i>
<i>крепкий</i>	<i>кріпкий</i>	<i>полночь</i>	<i>північ</i>

В этих примерах сравниваются основы русских и украинских слов. Возьмём далее: русск. *жить, молот, колоть, искать* — укр. *жити, молоти, колоти, шукати*; здесь к сравнению привлекается формант, суффикс неопределённого наклонения (*-ть — -ти*), исторически также общий обоим языкам.

Из этих немногих примеров видно, что дифференцированный материал выявляет звуковые соответствия: в определённом

ных условиях русскому *o, e* соответствует в украинском *i*; русскому *л* — в украинском *в* (см. примеры выше).

Звуковые соответствия, как правило, устанавливаются в процессе сравнения родственных языков, и в дальнейшем эти соответствия сами служат надёжной опорой сравнения.

Что следует считать целью сравнения? Выше указано, что сравнение призвано помочь истории восстановить пути развития родственных языков, иными словами, выяснить место, которое занимают наличные словарные и грамматические факты родственных языков в истории развития данных языков, и тем сделать их понятными. Чем глубже проникаем в историю развития языков, тем большая близость обнаруживается между ними, если это — языки родственные. И наоборот: когда сравниваем неродственные языки, расхождение будет увеличиваться тем больше, чем больше углубляемся в историю, наличное же сходство окажется обусловленным сближением данных языков; следовательно, сходство это должно рассматриваться, как явление вторичное.

В XIX в. делались попытки путём сравнения восстановить факты языка-основы во всей их конкретности.

Характерна попытка Августа Шлейхера, опубликовавшего в 1868 г. рассказ в восемь строчек под заглавием „Овца и лошади“¹: рассказ составлен на индоевропейском языке-основе из слов, восстановленных согласно нормам сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Теоретически такая попытка правомерна, если имеются соответствующие условия. Известен случай, когда путём сравнения романских языков было восстановлено слово *riga* — *груша* и оно нашло впоследствии фактическое подтверждение в надписи, выполненной на народном латинском языке², являющемся языком-основой для романских языков (итальянского, французского, испанского и др.).

Это показательно для точности результатов, которая может быть достигнута при помощи историко-сравнительного метода.

---

¹ Содержание этого, сочинённого Шлейхером, незамысловатого рассказа сводится к следующему: „Стриженная овца увидела лошадей, везущих тяжело гружённый воз, и сказала: „Сердце сжимается, когда вижу людей, погоняющих лошадей“. Лошади ответили: „Сердце сжимается, когда вижу, что люди сделали тёплую одежду из шерсти овец, а овцы ходят стриженные. Овцам приходится труднее, чем лошадям“. Услышав это, овца отправилась в поле“.

² В письменном латинском языке *груша* будет *rigum*, а не *riga*.

Но народная латынь существовала в историческую эпоху, 1500—2000 лет назад, а язык-основа, к которой восходят, например, индоевропейские языки, уже не существовал по меньшей мере пять тысяч лет тому назад. Неизвестно, сколько было вначале индоевропейских языков (следует предполагать, что многие из индоевропейских языков исчезли); следовательно, нам недостаёт показаний многих языков при сравнении индоевропейских языков. Иными словами, необходимых для восстановления условий фактически не имеется, поэтому выводы, которые делаются при воссоздании фактов языка-основы, могут быть совершенно условными. Приписывать восстановленным фактам языка реальное существование в силу указанного обстоятельства неправомерно, во всяком случае, когда это касается фактов языка-основы, т. е. когда эти факты относятся к доистории¹.

Восстановленные при помощи сравнения факты языка принято обозначать звёздочкой (*). Следует отметить, что, применяя историко-сравнительный метод, исследователи часто злоупотребляют этой звёздочкой, рассматривая как реальный исходный факт восстановленные путём сравнения звук или слово, которые в действительности представляют собою лишь теоретический вывод, познавательная ценность которого определяется, с одной стороны, количеством привлекаемого к сравнению материала, с другой стороны — качеством анализа, т. е. той строгостью, с какой применяются принципы сравнения.

Цель сравнения — не язык-основа и восстановление его фактов. Понятие языка-основы прежде всего имеет значение регулятивного принципа, объясняющего, каким образом в языках, столь разобщённых, как латинский, русский и индийский, обнаруживаются общие явления в основном словарном фонде и грамматическом строе.

---

¹ Ещё пятьдесят лет тому назад индоевропейские языки делили на две группы: на группу *кентум* и на группу *сатам*, смотря по тому, как называется *сто* в соответствующем языке: латинское *centum* — *сто* (срв. *процент*) начиналось со звука *к*; *centum* произносилось в древности как *кентум*; индийское *satam* — *сто* начиналось со звука *с*. Латинский язык, греческий входят в группу *кентум*; индийские, иранские — в группу *сатам*, славянские относятся сюда же (*сто*).

Кентум-языки составляли западную группу, сатам — восточную. Но вот в начале XX в. в Китайском Туркестане были обнаружены тексты тохарского языка. Тохарский язык оказался языком группы *кентум*, хотя территориально он примыкает к восточной группе. Деление на восточную, или *сатам*-группу, и западную, или *кентум*-группу, нарушилось с обнаружением тохарского языка, а до того это деление было вполне выдержанным.

Цель сравнения—установить научно историю развития родственных языков в связи с историей говорящих на них народов.

Более надёжным методом изучения истории, чем метод историко-сравнительный, пока наука о языке не располагает. Все другие средства, какие предлагаются для изучения истории языков, страдают недостатками в несравненно большей степени, чем метод историко-сравнительный¹.

Сравнительно-исторический метод имеет, как указывает И. В. Сталин, „серьёзные недостатки“², но он всё-таки „толкает к работе, к изучению языков“³. И. В. Сталин учит, что исследование родственных языков научно оправдано, с точки зрения марксизма приемлемо: „...нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка“⁴.

Историко-сравнительный метод—средство установления родства языков, метод изучения родственных по происхождению языков, метод выявления пройденных языками путей развития.

Основной его недостаток заключается в том, что он не всегда и не с требуемой точностью выявляет пути развития языков, не всегда обеспечивает интересы истории. Историко-сравнительный метод нуждается в уточнении, в усовершенствовании с тем, чтобы он стал надёжным, мощным средством проникновения в историю развития языков.

§ 67. Семьи языков. Чтобы установить морфологический тип, к которому относится данный язык, достаточно проанализировать строение слов изучаемого языка в его наличном состоянии. Морфологическая классификация языков не нуждается в истории. Чтобы установить, с какими языками родственен данный язык, далеко не достаточно знать его современное состояние; необходимо знать его историю, его происхождение. Генеалогическая классификация невозможна без уяснения исторического взаимоотношения языков.

¹ См. ниже § 83.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 33.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 33—34.

Следовательно, дать генеалогическую классификацию всех языков немисливо, пока не уяснена их история. Родственные отношения многих языков к другим языкам пока ещё не изучены или же изучены недостаточно. Поэтому-то в настоящее время и невозможно дать такую генеалогическую классификацию, которая смогла бы отвести место всем языкам земного шара в соответствующей языковой семье.

Здесь мы рассмотрим те семьи языков, история которых наиболее изучена, а также те семьи, вопрос о составе которых уже при нынешнем состоянии изученности их наименее спорен. Таковы:

1. Индоевропейская семья языков (иначе: языки индоевропейского корня).

2. Семитическая и хамитическая семьи языков (иначе: языки семитического и хамитического корня).

3. Угро-финская семья языков (иначе: языки угро-финского корня).

4. Алтайская, или туранско-монгольская (традиционно — тюрко-татарская) семья языков.

5. Иберийско-кавказская семья языков.

6. Китайско-тибетская семья языков.

7. Дравидская семья языков.

8. Индонезийская семья языков.

Ниже даются краткие сведения о перечисленных выше языках: из каких групп и языков состоят эти семьи, какие из них являются письменными и с каких пор, по возможности указываются наиболее характерные особенности и т. д.

§ 68. Языки индоевропейской семьи. Индоевропейскую семью языков составляют:

1. Индийские языки (или индийская ветвь индоевропейской семьи языков).

2. Иранские языки, или иранская ветвь индоевропейской семьи.

3. Славянские языки, или славянская ветвь   "   "

4. Балтийские языки, или балтийская ветвь   "   "

5. Германские языки, или германская ветвь   "   "

6. Итальянские языки, или итальянская ветвь   "   "

7. Кельтские языки, или кельтская ветвь   "   "

8. Греческий язык.

9. Албанский язык.

10. Армянский язык.

11. Неситский, или канесийский, и лувийский (мёртвые языки).

12. Тохарский язык (мёртвый).

I. К индийским языкам относятся индоевропейские языки¹

Индии:

1. Древнеиндийский — ведийский язык и санскрит.

2. Среднеиндийский — пракрит, пали.

3. Новоиндийские языки, каковы, например, литературные: хинди, урду, бенгальский.

Древнейшими памятниками индийского языка являются Ве́ды; так называются гимны (песнопения) и иные тексты религиозного содержания (*веда* — древнеиндийское слово и означает знание, срв. русское *ведать* — знать; древнегреческое [*в*]ойда — знаю).

Различают: Риг-веду („веды гимнов“), Атарва-веду („веды жрецов“), Яджур-веду (веды, связанные с жертвоприношениями).

За Ведами идут Брахманы (т. е. комментарии Вед) и Сутры.

Когда составлены Ве́ды, с точностью не установлено².

Среди Вед наиболее древней является Риг-веда, которая, как предполагают, записана около XV в. до нашей эры.

Санскрит — также древнеиндийский язык, классический литературный индийский язык; *sanskṛta* означает искусственный, разработанный, совершенный. Считают, что в основе санскрита лежит индийский диалект, отличный от диалекта, лёгшего в основу Вед.

На санскрите написаны эпические произведения: Махабхарата („Великий Бхарата“), Рамаяна, Панчатантра („Пятикнижие“, сборник басен), Хитопадеша („Добрый совет“), сборник законов Ману.

Санскрит, как один из высокоразвитых литературных языков, был в употреблении с VI в. до нашей эры. Несмотря на то, что санскрит представляет собою мёртвый язык, в качестве книжного языка он до сих пор используется учёными так же, как в средние века в Западной Европе пользовались латинским языком.

---

¹ О неиндоевропейских языках Индии — дравидских и мунда — см. ниже § 78.

² Хронология древней истории Индии страдает неточностью. При установлении дат здесь обычны колебания в пределах двух-трёх веков.

Термин „санскрит“ может употребляться для обозначения вообще древнеиндийского языка, и тогда различают „санскрит Вед“ и „классический санскрит“ (т. е. собственно санскрит).

Санскриту противопоставляется пракрит („естественный“), т. е. народная речь, живые индийские диалекты, причём по месту происхождения различали конкретные разновидности пракрита: шаурасени, магадхи, махараштри.

Древнейшие надписи на языке пракрит принадлежат эпохе царя Ашоки и датируются третьим веком до нашей эры.

Праkrit — среднеиндийский язык. К среднеиндийскому языку относится и пали, на котором имеется религиозная литература буддизма.

Из диалектов среднеиндийского языка развились современные индийские языки. Они образуют три группы: западную, центральную и восточную (общее количество говорящих около 230 млн. чел.).

Западная группа, в которую входят языки: лахнда, или западный пенджабский (5 млн. чел.), синдхи (около 4 млн. чел.), гуджарат (14 млн. чел.) и маратхи (23 млн. чел.). Надписи на языке маратхи известны с XII в. н. э.; на гуджаратском языке письменность существует с XV в.

В центральную группу входят языки: собственно пенджабский (16 млн. чел.), пахарский, хиндский (западный — 42 млн. чел., восточный — 35 млн. чел.) и бихари (36 млн. чел.).

Главным диалектом западного хиндского языка является хиндустанский. На его основе созданы два литературных языка: урду — с арабским алфавитом (для индийцев-мусульман Пакистана) и хинди (в известной мере противопоставляющийся урду).

Восточную группу составляют: бенгальский (60 млн. чел.), урья (14 млн. чел.), ассамский (2 млн. чел.). Эти языки близки друг к другу.

Все три являются литературными языками; из них богаче и развитее бенгальский язык. На бенгальском языке писал крупнейший индийский писатель Рабиндранат Тагор.

Письмо древнеиндийского языка — деванагари — силлабическое письмо (отдельным знаком обозначается слог).

Предполагают, что это письмо арамейского происхождения (существует приблизительно с VIII в. до нашей эры).

К новоиндийским языкам принадлежит и цыганский язык.

II. Иранскими языками являются:

1) древнеперсидский язык,	6) афганский (пашту) язык,
2) авестийский язык,	7) белуджский язык,
3) среднеперсидский (пехлевийский) язык,	8) курдский язык,
4) новоперсидский язык,	9) осетинский язык,
5) таджикский язык,	10) согдийский язык,
	11) хорезмийский язык.

Древнеперсидский язык известен по клинописным надписям, которые принадлежат Ахеменидской династии персидских царей: Дария (522—486 гг. до нашей эры) и Ксеркса (486—466 гг. до нашей эры).

Наиболее пространный надпись вырезана на Бегистунской скале около Керманшаха („Бегистунская надпись“); в ней рассказывается о победах царя Дария.

Ахеменидские надписи двух- и трёхязычные; например, Бегистунская надпись вырезана параллельно на языках: древнеперсидском (это язык завоевателей), эламском и вавилонском.

Авестийский язык является языком религиозных текстов, именно текстов маздеизма (создателем маздеизма считается Зороастр, или Заратустра).

В Авесте различают двоякого рода тексты; одни из них — Гата („песнопения“) — почти такой же давности, как и Риг-веда, другие — „собственно Авеста“.

Авеста до нас дошла в поздней редакции, принадлежавшей эпохе Сассанидской династии. Авестийский язык близок к древнеперсидскому.

Среднеперсидский язык называется также сасано-пехлевийским. Древнейшая сасано-пехлевийская надпись вырезана в царствование основателя Сассанидской династии Ардашира (226—241 гг.). Сасано-пехлевийский язык считался церковным и государственным языком при династии Сассанидов (226—652 гг.) Сасано-пехлевийское письмо (парсийское) — арамейского происхождения.

Новоперсидский язык берёт начало с IX в. Из живых иранских языков новоперсидский язык является наиболее значительным литературным языком. Общее количество говорящих на персидском языке около 8 млн. чел.

Персидское письмо — арабское. Арабская лексика в эпоху арабского владычества обильно вошла в новоперсидский язык.

Новоперсидский язык имеет ряд диалектов (кашанский, ширазский, сивендский, мазандеранский). Распространённые в Азербайджанской ССР: татский (на Апшеронском полуострове) и талышский (в Сальянском районе Азербайджанской ССР) языки являются в сущности диалектами новоперсидского языка.

Афганский язык (язык пашту — около 4 млн. чел.) — язык основного населения Афганистана. Письменность на нём существует с XVI в. К иранским языкам относится и белуджский язык — в Белуджистане.

Курдский язык является языком коренных жителей Курдистана. Часть Курдистана находится в Турции, а ещё большая часть входит в пределы Ирана (Персии).

Таджикский язык — государственный язык Таджикской ССР (столица — Сталинабад).

Осетинский язык — на Северном Кавказе (в Северо-Осетинской АССР, центр — Дзауджикау) и к югу от Кавказского хребта в Грузинской ССР (Южно-Осетинская автономная область; центр — Сталинири).

Древнейшим памятником осетинского языка является перевод церковных книг, сделанный Ялгузидзе в начале XIX в.

Образцы согдийского языка были найдены в начале XX в. в Средней Азии (Китайском Туркестане). Большая часть текстов датируется VIII—IX вв. Некоторые из них должны быть отнесены к первым векам нашей эры. Согдийский и осетинский языки считаются близко родственными (А. Мейе).

Следы хорезмийского языка, занимающего среднее место между согдийским и осетинским языками (А. Фрейман), обнаружены в арабских рукописях XII—XIV вв. из Средней Азии.

В Средней Азии, в горах Памира, представлен целый ряд иранских диалектов.

К языку Авесты близко стоят аршако-пехлевийские, или парфянские, диалекты.

Иранские и индийские языки находятся в близком родстве. Их объединяют в одну ветвь индоевропейских языков; эту ветвь называют арийской. Во второй половине прошлого столетия термин арийский употребляли в значении индоевропейский. В таком значении употреблял этот термин и Ф. Энгельс¹.

---

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1951, стр. 86.

Ныне термин арийский в значении „индоевропейский“ не принят.

III. Славянские языки делятся на три группы: восточную, западную и южную.

В восточную группу входят:

русский,
украинский,
белорусский.

Русский язык — государственный язык РСФСР. Будучи национальным языком русского народа — старшего брата народов Советского Союза, — русский язык является языком и международного общения в Союзе Советских Социалистических Республик (столица — Москва). Русский язык не только самый крупный среди восточнославянских, но и вообще среди всех славянских языков. Русский язык „один из самых сильных и самых богатых живых языков“ (Маркс и Энгельс). На русском языке, как на родном языке, говорит более 100 миллионов человек. Письменность на русском языке существует по крайней мере с начала X в. (надпись на корчаге из Гнездово).

Древнейшим датированным памятником русского языка является Остромирово евангелие, переписанное для новгородского посадника Остромира в 1056—1057 гг. Замечательный памятник древнерусского языка (XII в.) — „Слово о полку Игореве“. На русском языке за последние полтора столетия создана богатейшая художественная литература, — самая идейная художественная литература, какую только знает история, — литература, зовущая на борьбу за передовые идеи человечества (А. Пушкин, Н. Гоголь, Н. Некрасов, И. Тургенев, Л. Толстой, М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов, А. Фадеев...). (Подробнее о русском языке см. гл. II, § 31, § 18.)

На украинском языке (государственный язык УССР, столица — Киев) говорит около 38 миллионов человек; украинский литературный язык сформировался в XVII в. В XIX в. на украинском языке творил классик украинской литературы, известный революционер-демократ Тарас Шевченко (умер в 1861 г.).

Количество говорящих на белорусском языке (государственный язык БССР, столица — Минск) доходит до 9 миллионов. Образцы белорусского литературного языка появились в начале XIX в. Крупнейший писатель — Янка Купала.

Западную группу славянских языков составляют:

польский,	словацкий (стоящий близко к чеш-
кашубский,	скому),
полабский,	лужицкий (называвшийся немцами
чешский,	вендским, или сорбским).

Польский язык — государственный язык Польской народной республики (столица — Варшава). На польском языке говорит до 20 миллионов человек, живущих в основном в Польше (кроме того, до 3 миллионов поляков — в Соединённых Штатах Америки). Памятники польского языка существуют с XIII в.

На чешском языке — государственном языке Чехословацкой республики (столица — Прага) — говорит около 9 миллионов человек, на словацком — до 3 миллионов. Словацкий язык ныне также пользуется правами государственного языка. Древнейшие письменные памятники чешского языка восходят к XIII в.

Лужицкий язык сохранился в Саксонии и по верхнему течению реки Шпрее. В Германской демократической республике созданы новые условия жизни для лужичан, их культуры и языка, существованию которых угрожала опасность в кайзеровской и гитлеровской Германии.

С 1948 года на основе закона, принятого демократическим ландтагом Саксонии, лужичане создали свою национально-культурную организацию „Домовина“ („Родина“), свои школы, учительский институт в Будишине (в Бауцене); на лужицком языке издаётся и газета „Нова Доба“ („Новое время“).

Кашубский язык сохранился западнее Гданьска; близок к польскому языку.

Полабский язык имел распространение по среднему течению реки Эльбы¹; он был близок к польскому и кашубскому; исчез с XVIII в.

Южную группу славянских языков образуют:
болгарский, македонский,
сербско-хорватский, словенский.

На один из диалектов болгарского языка Кирилл и Мефодий перевели церковнослужебные книги в IX в. Язык этих переводов называется старославянским языком.

---

¹ Славянское название — Лаба.

Болгарский язык (более 5 млн. чел.) — государственный язык Болгарской народной республики; столица — София.

Сербско-хорватский — в Югославии (около 10 млн. чел.); словенский в основном распространён в Крайне (около 1¹/₂ млн. чел.; одна часть Крайны принадлежит Югославии, а другая — Италии).

IV. К балтийским языкам индоевропейской семьи принадлежат:

литовский,
латышский и
древнепрусский.

Литовский язык — государственный язык Литовской ССР (столица — Вильнюс). Древнейшие письменные памятники литовского языка относятся к XVI в. (1547 г.).

Литовский язык сохраняет архаические свойства (например, своеобразное ударение); общее количество говорящих на литовском языке достигает почти 3 миллионов.

Латышский язык — государственный язык Латвийской ССР (столица — Рига). Древнейшие латышские тексты датируются XVI в. (1586 г.). На латышском языке говорит около 1¹/₂ млн. чел.

Древнепрусский язык вышел из употребления (был ассимилирован немецким языком) ещё в XVII в. От него остался лексический материал так (называемый „Эльбингский словарь“ — около 800 слов). В XV и XVI вв. на этот язык были переведены немногочисленные церковные тексты.

Балтийские и славянские языки более близки друг к другу, чем каждый из них к какой-либо другой ветви индоевропейских языков (например, балтийские — к германским, славянские — к иранским). Нередко эти две группы даже объединяют в одну группу, именуемую балтийско-славянской группой (индоевропейской семьи языков).

V. Германские языки делятся на три группы.

Восточная группа представлена готским языком. На этот язык готский епископ Вульфилла перевёл евангелие в IV в. Этот перевод представляет собой древнейший письменный памятник германских языков.

Кроме готского, в эту группу можно включить вандальский и бургундский (на этих языках не имеется никаких памятников).

Северогерманская, или скандинавская группа, в которую входят:

датский, норвежский
шведский, и исландский

(на всех четырёх языках говорит около 15 млн. чел.).

Образцы древней скандинавской речи сохранились в коротких надписях, исполненных руническим письмом.

Исландские памятники (поэтические сказания — Эдда) известны с XII в. Приблизительно с этого времени известен как письменный язык и норвежский, очень близкий к исландскому.

Древнейшие письменные памятники на датском языке датируются XIII в.

Западногерманская группа, в которую входят:

1. Верхненемецкий (с диалектами: баварским, алеманским, франкским); тексты известны с IX в. От Лютеровского перевода библии (в XVI в.) берёт начало современный литературный немецкий язык.

2. Нижненемецкий (древнейший памятник — поэма „Гелианд“ IX в.), представленный языками: голландским и фламандским (фламандский отличается от голландского главным образом в лексике).

3. Англо-саксонский, или древнеанглийский, образцы которого известны с VIII в. В результате сильного и длительного влияния сначала датского, а затем французского языков из англо-саксонского образовался английский язык.

4. Фризский.

Из германских языков письменными являются: готский (мёртвый), датский, шведский, норвежский, исландский, немецкий, голландский и английский. Общее количество говорящих на наречиях немецкого языка достигает 70 млн. чел. (О распространении английского языка см. § 31.)

VI. Итальянские языки (или итальянская ветвь индоевропейской семьи языков) ныне представлены живыми романскими языками, каковы:

- 1) итальянский,
- 2) французский,
- 3) провансальский (в Южной Франции),
- 4) каталонский (в Испании; столица Каталонии — Барселона),
- 5) португальский,

6) испанский,

7) рето-романский (в Тироле — в Альпах Австрии, в Швейцарии),

8) румынский и

9) очень близкий к румынскому — молдавский (государственный язык Молдавской ССР; столица — Кишинёв).

Исходным для романских языков служил ныне мёртвый латинский язык, а именно — народная латынь (но не письменный латинский язык).

Латинским языком первоначально пользовались в Риме и его окрестностях; эта область Италии в древности называлась Лациум (по древнему произношению *Латиум* — *Latium*; отсюда: латинский язык, *lingua latina*).

Усиление Рима способствовало распространению латинского языка из области Лациума по всему Апеннинскому полуострову. Здесь латинский язык вытеснил индоевропейские диалекты оскский и умбрский (оскский язык оставил надписи, а умбрский — так называемые свгубинские таблицы с ритуальными текстами), а также этрусский (неиндоевропейский язык, носители которого — этруски ещё до римлян создали в Италии значительную культуру; основной областью этрусков была Тоскана).

Когда в пределах Римской империи оказались Пиренейский полуостров и территория современной Франции, то и в этих областях распространился латинский язык, вытесняя кельтские и неиндоевропейские иберийские языки (Испания).

На протяжении ряда веков народы Западной Европы (французы, немцы, англичане, испанцы, итальянцы) в качестве основного письменного языка употребляли латинский, мёртвый язык. На латинском языке писались научные труды по ботанике, медицине, астрономии по старой традиции даже в XIX в.

Надписей на латинском языке сохранилось немало, начиная с III в. до нашей эры (древнейшим памятником считается надпись на золотой фибуле VI в. до нашей эры).

Что же касается живых романских языков, то древнейший памятник итальянского языка датируется 960 г.; в основу литературного итальянского языка легло наречие города Флоренции (*lingua toscana*).

Древнейший памятник французского языка относится к 842 г. Новогоранцузский язык возник в XVIII в.

На провансальском языке письменность была создана в XI в.

Древнейший памятник португальского языка датируют 1192 г., каталонского — 1171 г., испанского — 1145 г.

На румынском языке — государственном языке Румынской народной республики (столица — Бухарест) — письменность существует с XVI в. (количество говорящих — около 15 млн. чел.).

На французском языке говорит около 48 млн. чел., на испанском — около 80 млн. чел. (см. гл. II, § 31), на итальянском — около 39 млн. чел.

VII. Из кельтских языков поныне сохранились:

1. Ирландский (ирский) язык; древнейшие глоссы известны с VIII в.; с XI в. имеет богатую литературу. К 1911 г. на ирландском языке говорило 530 тыс. чел.

2. Шотландский (эрский) язык; по происхождению близок к ирландскому. С XVI в. шотландский становится литературным языком. В 1901 г. число говорящих на шотландском языке составляло около 230 тыс. чел.

3. Уэльский, или кимрский, язык — на западном побережье Англии; глоссы на этом языке известны с VIII в.; в средние века на уэльском языке возникает богатая оригинальная литература, в частности, оригинальная поэзия. Ныне на этом языке говорит около миллиона человек. Эмигрировавшие в Соединённые Штаты Америки и в Южную Америку — Патагонию — уэльсцы сохраняют свой родной язык.

4. Бретонский язык представлен в северо-западном уголке Франции, на полуострове Бретань. Древнейшие глоссы — VIII в.; литература — с XIV в. Бретонский считается родным языком приблизительно 1 миллиона 300 тысяч людей.

Усиливающееся влияние французского языка угрожает существованию бретонского языка (ныне на бретонском языке говорит преимущественно сельское население). Бретонский язык — это речь кельтов, выходцев из Англии (а не тех кельтов, которые в своё время занимали всю территорию Франции и известны в истории под именем галлов).

Ещё за несколько веков до нашей эры кельтские племена занимали северную Англию, Ирландию, Францию, Северную Италию, Испанию; одна их волна через Балканы достигла Малой Азии (там кельты основали Галатское царство). Кельтские языки были вытеснены из употребления латинским языком (в Север-

ной Италии, во Франции и Испании); опасность их существованию теперь создаёт английский язык (в Англии и Ирландии).

Ныне осталось четыре живых кельтских языка, в древности же количество кельтских языков было несравненно больше.

Историческая классификация делит кельтские языки на три группы:

1) гэльскую: ирландский (ирский), шотландский (эрский) (см. выше);

2) бриттскую: уэльский, или валисский (см. выше), корнвальский (в Корнуэльсе, в Англии; исчез в XVIII в.) и бретонский (см. выше);

3) галльскую; была распространена во Франции, Северной Италии, Испании (здесь, кроме галльского, были распространены и местные иберийские языки). (О галльских словах в современном французском яз. см. гл. II, § 26.) Сплошного текста на галльском языке не сохранилось.

VIII. Греческая ветвь представлена лишь греческим языком (ныне на греческом языке говорит около 7 млн. чел.). Различают: древнегреческий, византийский (VII в. — XVI в.) и новогреческий (с XVI в.). Древнейшие надписи датируются VI в. до нашей эры. Древнегреческая письменность отображает диалектную речь.

В древнегреческом языке выделяют следующие четыре группы диалектов:

1) ионическо-аттическую группу: ионический — в греческих колониях Малой Азии (в 12 городах); аттический — диалект города Афин; на ионическом диалекте писал, в частности, историк Геродот, а на аттическом — философ Платон;

2) ахейскую группу — диалекты: аркадский, кипрский, памфилийский; на этих диалектах сохранились надписи;

3) эолическую, или северо-восточную, группу — диалекты: фессалийский, беотийский и лесбийский (на острове Лесбосе); в VII — VI вв. на лесбийском диалекте создавалась литература; на этом диалекте писали поэты Алкей и Сафо;

4) дорическую, или западную, группу; диалекты этой группы были представлены в Эпире, Локриде, Лаконии, Коринфе, на острове Крите, на острове Сицилии, в Италии.

Дорическая речь представлена в прозе Архимеда („общедорический“ являлся литературным языком в греческих колониях — в Италии и Сицилии).

Язык поэм Гомера — „Илиады“ и „Одиссеи“ — близок к ионическому диалекту, но в нём прослеживаются и древнеэолические элементы.

В IV—III в. до нашей эры выработался греческий литературный общий язык койнэ (κοινή — *общий*), в основе которого лежит аттический диалект (в лексике замечается влияние ионического диалекта).

Этот общий язык нивелировал особенности греческих диалектов. Диалекты новогреческого языка не являются прямым продолжением древнегреческих диалектов. Для диалектов новогреческого языка исходным является вышеназванный общий язык (койнэ).

IX. А л б а н с к и й (шкипетарский или арнаутский) язык — государственный язык Албанской народной республики (столица — Тирана); число говорящих на албанском языке достигает до 2800 тыс. чел. В албанском языке различаются два диалекта: гегийский (северный) и тоскский (южный). В лексике албанского языка много греческих, славянских, романских и турецких слов.

Древнейшие памятники албанского языка — отдельные слова — фиксированы с XV в.

X. Н е с и т с к и й (или канесийский) язык — мёртвый язык; был одним из языков хеттского государства (1900—1200 гг. до нашей эры). Тексты, относящиеся в основном к XIV в. до нашей эры, обнаружены в 1906—1907 гг. на глиняных табличках во время раскопок на месте древней столицы хеттского государства Хатуша в сел. Богаз-кёй (в Анатолии, в 150 километрах к востоку от Анкары).

Чешский ориенталист Фр. Грозный и ряд языковедов-индоевропеистов считают неситский язык индоевропейским, хотя лексика неситского языка не объясняется из индоевропейского. „Многие существительные и отымённые глаголы не могут быть признаны индоевропейскими по своему происхождению“¹. Индоевропейской выглядит (и типологически, и материально) морфология неситского языка (склонение, спряжение), хотя и здесь не всё объясняется из индоевропейского; например, флексия отложительного (и творительного) падежа -az. Обращает на себя внимание отсутствие

¹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (русский перевод), 1938, стр. 86—87.

в неситском языке грамматических родов, что совершенно необычно для древних индоевропейских языков: в древнеиндийском, греческом, латинском категория грамматических родов ярко выражена (в то время, как грамматические роды исторически чужды иберийско-кавказским языкам). Равным образом примечательно в звуковом составе отсутствие подлинных звонких согласных. „Эта черта, отмечаемая в шумерском, в митаннийском, в эламском, повторяется в языках кавказских. Встречается также в этрусском“¹.

С учётом вышесказанного нельзя считать научно правомерным утверждение, будто „хеттские языки оказались индоевропейскими“. Хеттский язык — это язык аборигенов: „древнеегипетское название хеттов — хатту — относилось не к тому народу, который мы называем хеттами (автор имеет в виду неситов. — А. Ч.), а к другому, с совершенно иным языком. Хатту говорили на языке аборигенов, вероятно, кавказского происхождения“². (О хеттских языках см. ниже § 76.)

XI. Тохарский язык — мёртвый язык. Обнаружен в текстах медицинского и религиозного содержания, найденных в начале XX в. в Китайском Туркестане.

Письмо индийского происхождения. Предполагают, что тохарский язык был живым языком — во всяком случае в VII в. нашей эры. В тохарском языке различают два диалекта — турфанский и кучинский (их приравнивают к самостоятельным языкам).

XII. Армянский язык — один из древнеписьменных языков, государственный язык Армянской ССР (столица — Ереван).

В армянском языке сохранились иберийско-кавказские отложения; в нём имеются аффрикаты *тц* (с), *тч* (щ), характерные для иберийско-кавказских языков (и чуждые индоевропейским языкам). Показательно, что винительный падеж в армянском языке не имеет никакого суффикса (в то время как в индоевропейских языках для этого используется суффикс; видимо, аккузатив армянскому языку первоначально был так же чужд, как иберийско-кавказским языкам поныне).

Письменность на армянском языке существует с V в.; у армянского языка свой алфавит. Древнейшая датированная рукопись — евангелие — IX в. (887 г.).

¹ К. Отран, Самобытные языки древней Передней Азии. Сборник *Les langues du monde*, Париж, 1924, стр. 294.

² Ч. Лоукотка, Развитие письма (перевод с чешского), 1950, стр. 63.

Древнеармянский язык называется *грабаром* („письменный язык“); ему противопоставляется *новоармянский* — *ашхарабар* („народный язык“). Между ними значительное расхождение.

Армянский язык богат диалектами. Выделяют две группы диалектов — восточную и западную. Восточная группа представлена в Армянской ССР и других местностях Советского Союза. К западной группе относится диалект армян, живущих в Турции.

§ 69. О термине „индоевропейские языки“. Термин „индоевропейский“ образован по признаку географическому (он указывает, где распространены соответствующие языки). Индоевропейские языки в специальной литературе часто называют индогерманскими (в особенности немецкие языковеды); термин этот научно не оправдан.

Некоторые русские языковеды (Бодуэн де Куртенэ, Богородицкий) вместо термина „индоевропейский“ употребляли „арио-европейский“, исходя из того, что арийскими языками называют индийские и иранские языки (взятые вместе); таким образом в термине „арио-европейский“ учитываются и иранские языки, в термине же „индоевропейский“ наличие иранских языков (в составе индоевропейских) не отражено.

Для обозначения индоевропейских языков в так называемом „новом учении о языке“ Н. Я. Марра употреблялся термин „прометендский“.

Факт родства индоевропейских языков стал известен к концу XVIII в.; англичанин Вильям Джонс указал на родство индийского с греческим и латинским (1786 г.); ещё раньше (1767 г.) на это обстоятельство обратил внимание миссионер П. Керду (P. Coeurdoux) в меморандуме, представленном им во Французскую академию (меморандум был оставлен без внимания).

§ 70. Некоторые характерные особенности индоевропейских языков. С исторической точки зрения (если иметь в виду древнеиндийский, древнеперсидский, греческий, латинский языки) характерными для индоевропейских языков следует считать: в фонетике — простоту состава гласных; среди переднеязычных спирантов наличие только *с*; наличие сонорных (*р, л, н, м*), которые в различных положениях могли быть согласными, могли выступать и в роли гласных. Ударение было музыкальным и не вызывало редукции гласных.

Предложение расчленялось на слова; в составе слова выделялись: корень, суффикс, окончание. Глагол и имя были дифференцированы. Как для склонения, так и для спряжения характерна суффиксация (в дальнейшем у слов суффиксы усекались — по фонетическим и другим причинам).

Различались три грамматических рода: мужской, женский, средний. Исторически исходной для трёх родов служила дву-

членная классификация — деление на группы (классы) существ одушевлённых и неодушевлённых (категории живого и неживого). В группе одушевлённых впоследствии выделились мужской и женский роды; средний же род образовался в результате переосмысления категории неодушевлённых предметов.

§ 71. Языки семитической и хамитической семей. Семитические языки делятся на три группы: восточную, северную и южную. Эти две последние обычно объединяют в западную группу семитических языков.

1. Восточно-семитическими языками являются древние мёртвые языки — ассирийский и вавилонский; ассирийский и вавилонский вместе называют аккадским.

Древнейшие памятники семитических языков представлены в ассирийских клинописных текстах, расшифровка которых начата в XIX в. (Роулинсон, Хинкс, Опперт, Гаупт).

Древнейший памятник ассирийского языка датируется 1400 г. до нашей эры.

2. Северно-семитические языки делятся на две группы: ханаанскую и арамейскую.

В ханаанскую группу входят: финикийский, древнееврейский¹, моавитский, угаритский, памятники которого обнаружены в Рас-Шамра (в Сирии).

В арамейскую группу входят: арамейский, сирийский с богатой древней литературой, начиная со II в. н. э., мандейский, а также современные арамейские наречия урмийских (на Востоке), ливанских (на Западе) сирийцев.

3. Южно-семитические языки: арабский (северно-арабский и южно-арабский, каждый со своими диалектами); абиссинский (или эфиопский).

Из семитических языков наиболее значительным является арабский язык, который обладает древнеписьменным языком (древнейший памятник — надпись на могильной плите — датируется 328 г. нашей эры).

На древнеарабском языке имеется богатая философская, математическая и филологическая литература.

---

¹ Из семитических языков в Европе раньше всех стали изучать древнееврейский, как язык Библии (Ройхлин, XV—XVI вв.).

Древнейшим памятником еврейского языка считают „Песнопения Деборы“ из „Книги Судей“ (приблизительно X в. до нашей эры).

В связи с распространением ислама роль арабского языка на Востоке сильно возросла. В культурной жизни народов Ближнего Востока арабский язык играл такую же роль, как латинский язык — для народов Западной Европы.

В настоящее время странами арабского языка являются: Египет (столица — Каир), Ирак (столица — Багдад), Сирия (столица — Дамаск), Ливан, собственно Аравия (так называемая Саудовская Аравия и Йемен) и частично Палестина (центр — Иерусалим); ныне в одной части Палестины создано еврейское государство Израиль (столица — Тель-Авив).

Родственная связь семитических языков (арабского, еврейского, сирийского и др.) была замечена востоковедами (Буксторфом, Лудольфом, Кастелем, Хойтлингером) ещё в XVII в.; родство семитических языков нашло подтверждение в первой половине XVIII в. (в трудах Шультена и Шредера). Таким образом, родство семитической семьи языков было установлено раньше, чем родство индоевропейской семьи языков.

Следует отметить, что родство семитических языков было выявлено до возникновения сравнительно-исторического метода путём простого сравнения, что могло привести к положительному результату лишь благодаря близости семитических языков друг к другу.

С семитическими языками сближают языки хамитической семьи: древнеегипетский и восходящий к нему коптский, а также берберские языки (туарегов и кабиллов — в Северной Африке) и кушитские языки (в Абиссинии).

Древнейшие памятники древнеегипетского языка сохранились в египетских иероглифах (от IV тысячелетия до нашей эры). Памятники египетского иероглифического письма были расшифрованы французским учёным Шампольоном (1822).

Семитические и хамитические языки часто объединяют в одну семито-хамитическую семью языков.

Термины „семитический“, „хамитический“ (как и „яфетический“) образованы от имён сыновей библейского Ноя (по библейскому преданию, Ной, спасшийся во время „всемирного потопа“, имел трёх сыновей: Сима, Хама и Яфета; от них после „потопа“ будто бы и пошло человечество).

Семитические языки характеризуются целым рядом фонетических, морфологических и синтаксических особенностей. В фонетике характерно: слабое развитие гласных, обилие заднеязыч-

ных согласных, наличие своеобразных переднеязычных спирантов. Предложение расчленяется на слова; скелет слова, корень, состоит из согласных; обычно таких согласных — три („принцип трёхсогласности корня“; ныне предполагают, что третий согласный вначале не был корневым, а являлся основообразующим элементом, детерминативом основы). Гласные выступают в роли формантов (аффиксов), хотя аффиксы часто включают в свой состав и согласные.

Система склонения простая, спряжение сложное. Склонение суффиксальное, спряжение суффиксально-префиксальное.

В глаголе обращают на себя внимание явления полиперсонализма: в глагольных формах, кроме лица субъекта, выражается и лицо объекта, спряжение субъектно-объектное. Этим усложняется синтаксическое взаимоотношение подлежащего и дополнения; известная из индоевропейских языков синтаксическая полярность подлежащего и дополнения здесь исключается.

Характерно широкое распространение номинативных предложений (безглагольная предикация). В семитических языках выделяются два рода — мужской и женский (исторически для них исходным являлось различие одушевлённых и неодушевлённых — категории живого и неживого).

§ 72. Языки угро-финской семьи. Угро-финские языки совместно с алтайскими (туранско-монгольскими) языками традиционно объединялись в одну семью урало-алтайских языков. Поскольку генетическая общность этих языков не подтверждается, следует рассматривать эти семьи как самостоятельные (языки эти сближаются типологически, но не генетически).

В состав угро-финской семьи входят:

1. Финский язык, или язык суоми (до 3 млн. чел.), в Финляндии (столица — Хельсинки); имеет письменность с XVI в.

Финский же язык является государственным языком Карело-Финской ССР (столица — Петрозаводск; близок финскому языку — карельский).

2. Лапландский, или саамский, язык (в Финляндии и в северной части Скандинавского полуострова, в Швеции, Норвегии и в Советском Союзе); на нём говорит всего около 30 тыс. чел.

3. Эстонский язык (имеет письменность с XVI в.) — государственный язык Эстонской ССР (столица — Таллин); два

диалекта — таллинский и тартуский. Общее количество говорящих на эстонском языке — более 1 млн. чел.

4. Мордовский язык (Мордовская АССР, центр — г. Саранск; около 1 млн. чел.).

5. Марийский язык (Марийская АССР, центр — г. Йошкар-Ола; всего около 400 тыс. чел.).

6. Удмуртский, или вотяцкий, язык (Удмуртская АССР, центр — г. Ижевск; около 420 тыс. чел.).

7. Коми-зырянский язык (Коми АССР, центр — г. Сыктывкар; около 260 тыс. чел.).

Языки мордовский, марийский, удмуртский и коми-зырянский получили письменность лишь при советской власти.

8. Венгерский (мадьярский) — государственный язык Венгерской народной республики (10 млн. чел.; столица — Будапешт); имеет письменность с XIII в.

9. Близкие к венгерскому маньсийский (вогульский — 5 тыс. чел.) и хантыйский (остяцкий — 22 тыс. чел.) — в Западной Сибири, в бассейне реки Обь.

10. Языки и диалекты так называемых самоедских племён, в том числе ненецкий, тавгийский, селькупский, распространённые от полуострова Канина, у Белого моря, до Таймырского полуострова в Сибири.

Из этих языков наиболее архаические черты сохранил ненецкий язык, имеющий большое значение для истории угро-финских языков.

Для угро-финских языков характерны: слабая дифференцированность имени и глагола; наличие послелогов в склонении (вместо предлогов в индоевропейских языках; наличие наряду с субъектным спряжением и объектного — в переходных глаголах).

§ 73. Языки алтайской, или туранско-монгольской, семьи.

1. Азербайджанский язык — государственный язык Азербайджанской АССР (столица — Баку); на азербайджанском языке говорит и население северных провинций Ирана, прилегающих к Азербайджанской ССР.

2. Туркменский язык — государственный язык Туркменской ССР (столица — Ашхабад).

3. Узбекский язык — государственный язык Узбекской ССР (столица — Ташкент).

4. Казахский язык — государственный язык Казахской ССР (столица — Алма-Ата).
5. Киргизский язык — государственный язык Киргизской ССР (столица — Фрунзе); близок к казахскому языку.
6. Башкирский язык — Башкирская АССР (центр — г. Уфа).
7. Чувашский язык — Чувашская АССР (центр — г. Чебоксары).
8. Татарский язык — Татарская АССР (центр — г. Казань).
9. Якутский язык — Якутская АССР (центр — г. Якутск).
10. Турецкий язык — в Турции (столица — Анкара).

В этот же круг входят языки:

- кумыкский язык — в Дагестанской АССР;
- горно-алтайский язык (в Горно-Алтайской, бывш. Ойротской, автономной области, центр — г. Горно-Алтайск);
- кара-калпакский язык (в Кара-Калпакской АССР, центр — г. Нукус в составе Узбекской ССР);
- хакасский язык (в Хакасской автономной области, Красноярского края, центр — г. Абакан);
- тувинский язык (в Тувинской автономной области);
- шорский язык (в Красноярском крае).

Древнейший памятник алтайских языков представляют Орхонские надписи (VII — VIII вв. нашей эры).

11. Монгольские языки: халха-монгольский (государственный язык Монгольской народной республики), бурят-монгольский (в Бурят-Монгольской АССР) и язык основного населения Внутренней Монголии (в Китайской народной республике).

§ 74. Языки маньчжурско-тунгусской семьи состоят из двух групп — маньчжурской и тунгусской.

В группу маньчжурских языков входят: собственно маньчжурский (в Маньчжурии); гольдский (или нанайский), удэйский; группу тунгусских языков образуют языки: эвенкийский, ламутский (или эвенский), негидальский.

Корейский язык — национальный язык корейского народа, мужественно сражавшегося за свою независимость в борьбе против интервентов, — один из древнейших языков Востока. На корейском языке говорит около 25 млн. чел.; считается близко стоящим к маньчжурско-тунгусским языкам (вопрос не

решён). По морфологическому типу корейский язык относится к агглютинативным.

На корейском языке письменность существует с IV в. нашей эры; в корейском языке вначале использовались китайские письмена. С XV в. создан корейский алфавит.

Особо стоит японский язык; по морфологическому типу — агглютинативный язык. Письменность существует с VIII в. Генетическая связь с другими языками неясна.

В Восточной Сибири (и на островах: Сахалине, Алеутских) сохранились маленькие группы народностей с языками архаического строя; языки эти называются палеоазиатскими (древнеазиатскими).

К палеоазиатским языкам относятся: луораветланский (или чукотский), нымыланский (или корякский), ительменский (или камчадальский); далее: одульский (или юкагирский), нивхский (или гиляцкий), кеттский, унанганский (или алеутский — на Алеутских островах) и эскимосский (распространён и на Аляске), айнский.

В лингвистическом отношении палеоазиатские языки представляют большой интерес. Генетическая их связь требует доработки. Близкими считают языки: луораветланский, нымыланский и ительменский.

§ 75. Языки иберийско-кавказской семьи. Иберийско-кавказские языки или, как принято обычно их называть, кавказские языки ныне представлены лишь на Кавказе. Кавказ многоязычен. Но не все языки Кавказа являются кавказскими. На территории Кавказа представлены: языки индоевропейские — русский, украинский, армянский, осетинский, а также курдский; языки алтайские (азербайджанский, кумыкский); семитический язык (сирийский). Но основная масса языков индоевропейских, алтайских, семитических, с которыми родственны представленные на Кавказе армянский, осетинский, азербайджанский, кумыкский, сирийский, находятся за пределами Кавказа — в Европе, в Азии и частично в Африке.

Но на Кавказе, кроме упомянутых, имеется группа самобытных языков, которые сохранились ныне только на Кавказе¹,

---

¹ За пределами Кавказа один лишь баскский язык на Пиренейском полуострове может быть отнесён сюда.

представляя собою пережиток многочисленной древнейшей семьи хеттско-иберийских языков.

Эту группу самобытных языков и имеет в виду термин кавказские языки. Правильнее её обозначать термином иберийско-кавказские языки, чтобы легче было различить языки Кавказа и собственно кавказские языки¹ и точнее отобразить состав их.

Иберийско-кавказские языки в нынешнем их составе образуют четыре группы:

- 1) картвельскую, или иберийскую,
- 2) абхазско-адыгейскую,
- 3) бацбийско-кистинскую,
- 4) дагестанскую.

Картвельскую, или иберийскую, группу образуют языки: грузинский, занский и сванский.

Грузинский язык представлен рядом диалектов: картлийским, кахетинским, имеретинским и другими в Восточной и Западной Грузии; кроме того один диалект (ингилойский) представлен в Азербайджанской ССР, один (имерхевский) — в Турции и один (ферейданский) сохранился в Персии (в провинции Испагань; на нём говорят потомки выселенных из Кахетии в XVII в. шахом Абасом грузин).

Грузинский язык — единственный древнеписьменный язык среди иберийско-кавказских языков (древнейшая Болнисская надпись датируется 493—494 гг.); различаются: древнегрузинский (V—XI вв.) и новогрузинский язык, формирование которого начинается с XII в., когда творил Руставели („Витязь в тигровой шкуре“); окончательно новогрузинский язык утверждается со второй половины XIX в. (классики новогрузинской литературы Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, известный педагог и детский писатель Яков Гогебашвили). Классические образцы новогрузинского литературного языка даны в ранних работах И. В. Сталина, писанных на грузинском языке („Анархизм или социализм?“ и ряд статей; они составили первый том сочинений И. В. Сталина и часть второго тома).

Занский язык включает два диалекта: мегрельский (в Западной Грузии) и чанский, или лазский (в основном на побережье Чёрного моря, в Турции). Мегрельский и чанский оши-

---

¹ Н. Марр называл эти языки яфетическими.

бочно считались (Н. Марром и др.) двумя языками, тогда как это два диалекта одного и того же занского языка — при единстве основного словарного фонда и грамматического строя. Занский язык очень близок к грузинскому.

Сванский язык представлен четырьмя диалектами (в верховьях рек Ингури и Цхенискалаи, на южном склоне Кавказского хребта). Сохранил ценные для истории картвельских языков архаизмы. Занский и сванский языки — бесписьменные. Для мегрелов, чанов и сванов языком письменности был и является грузинский язык. На картвельских языках говорит более 2 млн. чел.

Абхазско-адыгейская группа включает в свой состав языки: абхазский, адыгейский (или черкесский) и убыхский.

Абхазский язык представлен четырьмя диалектами: абжуйским и бзыбским (к югу от Кавказского хребта — в Абхазской АССР, центр — Сухуми), тапантским и ашхарским, объединяемыми в группу абазинских наречий (к северу от Кавказского хребта, в Черкесской АО и Адыгейской АО). Абхазский язык имеет письменность на основе грузинской графики. На всех диалектах абхазского языка говорит около 70 тыс. чел. Письменность имеется и у абазинцев.

Адыгейский язык представлен двумя письменными языками: адыгейским (в Адыгейской АО, центр — г. Майкоп) и кабардинским (в Кабардинской АССР, центр — г. Нальчик и в Черкесской АО, центр — г. Черкесск). Адыгейский представлен диалектами: шапсугским, абадзехским, чемгуйским, бжедужским, хакучинским, бесленевским. Общее число говорящих на адыгейском и кабардинском языках — около 300 тыс., из них на адыгейском языке — около 90 тыс. Кроме того, по данным турецкой статистики, в одних лишь городах Турции проживает не менее 130 тысяч адыгейцев (черкесов), потомков выселившихся в 1864 г. в Турцию адыгейцев.

Убыхский язык представлен в Турции, в районе Измида, куда убыхи выселились в 1864 г. и где они сохранили свой язык поныне, выстояв в неравной борьбе с ассимиляторской политикой турецкого правительства.

На бацбийском, или цова-тушинском, языке говорят в селении Земо-Алвани, в Кахетии (Грузинская ССР), а на кистинском языке — в Панкисском ущелье, в трёх сельсоветах Ахметского района Грузинской ССР. Бацбийцы и кистинцы дву-

язычны: они владеют грузинским языком, помимо родного; учатся в грузинских школах.

Дагестанские языки образуют три подгруппы: 1) аварско-андийско-дидойскую, 2) даргинско-лакскую, 3) лезгинскую.

Аварский язык — один из наиболее распространённых в Дагестане. Представлен 4 диалектами: хунзахским, гидско-андалальско-карахским, анцухским и чарским. На основе северного хунзахского наречия выработался — ещё до создания письменного аварского языка — общий устный язык, „бол мацц“ („язык войска“), язык межплеменного общения аварцев.

В одну группу с аварским языком входят: андийский, дидойский, капучинский, а также ряд более мелких языков и наречий, каковы: ботлихский (с диалектом годоберийским), каратинский, чамалальский, тиндийский, ахвахский, хваршинский, багвалальский, обычно имеющие распространение лишь в нескольких аулах (некоторые из них, являясь диалектами, считаются самостоятельными языками лишь вследствие того, что мало изучены и взаимоотношения их неясны).

Языком межплеменного общения для всей аварско-андийско-дидойской группы служит аварский язык (общее число говорящих на аварском языке — около 220 тыс.).

Письменный язык этой группы — аварский — создан на основе северного хунзахского наречия с учётом некоторых особенностей андалальских говоров.

Даргинский язык объединяет ряд диалектов, каковы: акхушинский, урахинский, цудахарский, хайдакский, кубачинский (последние два обычно принимаются за отдельные языки, что лишено, однако, достаточного научного основания).

На диалектах даргинского языка говорит около 200 тыс. чел. В основе литературного даргинского языка лежит акхушинское наречие.

На лакском языке говорит около 60 тыс. чел. Этот незначительный по распространению язык (так же как и даргинский) является исключительно интересным по своему грамматическому строю.

Лакский язык в диалектном отношении слабо дифференцирован; лакский язык ныне письменный.

Лезгинский язык распространён в бассейне реки Самур; ныне письменный язык. Общее число говорящих — около 140 тыс.

Письменным является также табасаранский язык.

К лезгинскому языку примыкают: агульский, цахурский и рутульский языки, а также удинский, сохранившийся в двух селениях — Нидж и Варташен — Азербайджанской ССР и в одном селе — Октомбери — Грузинской ССР (удинский язык исторически имел значительно большее распространение, представляя собой один из пережиточно сохранившихся языков древней Кавказской Албании).

Одноаульным является арчинский язык (в горах Дагестана, между аварским и лакским языками). В горах Шах Даг на территории Азербайджанской ССР сохранились языки: будухский, хиналугский и крызский с диалектами.

Иберийско-кавказские языки в нынешнем их состоянии резко расходятся между собою вплоть до того, что общность даже морфологического типа ставится под сомнение; так, например, в абхазском языке имена не склоняются, но глагол исключительно богат формами, выражая морфологические категории грамматических классов и чисел, лиц (субъекта и объекта), переходности, статичности и динамичности, времени, наклонения, включая также частицы обстоятельства места, времени и т. д. В лезгинском же языке склонение развито хорошо, но глагол изменяется лишь по временам и наклонениям, не различая ни лиц, ни чисел, ни грамматических классов.

Более того, даже языки одной группы обнаруживают различия по существенным моментам: в адыгейском, лезгинском грамматические классы не различаются, в морфологии же абхазского, лакского, даргинского языков категория грамматических классов играет важную роль.

Однако, несмотря на наличные ныне расхождения, чем лучше удаётся уяснить историю развития иберийско-кавказских языков, тем ближе они оказываются друг к другу, тем больше общих моментов вскрывается (в процессе сравнительно-исторического изучения их) в грамматическом строе и в корне-слове. Эта общность первична, расхождение же — вторичное явление: это — результат сложного исторического пути, пройденного в своём развитии этими языками.

Так, при современном состоянии иберийско-кавказского языкознания можно считать твёрдо установленным ряд черт, исторически общих всем иберийско-кавказским языкам. Таковы — в фонетике — преобладание согласных в звуковом составе при

слабом развитии гласных, наличие абруптивных („резких смычных“) к', т', п', ц' (тц), ч' (тч), къ. Для грамматического строя характерны: слабая дифференцированность имени и глагола; отсутствие винительного падежа, наличие эргативного падежа, который выступает в роли субъекта переходных глаголов; соответственно эргативный строй предложения, находящий выражение в спряжении глагола (даже при отсутствии падежей, например, в абхазском); исконное отсутствие залоговых различий (действительного, страдательного); различие грамматических категорий человека (личности) и вещи; односложность корня.

Иберийско-кавказские языки пытались генетически связать с другими семьями языков. М. Броссе (1834), Ф. Бопп (1847) пытались доказать, что картвельские (иберийские) языки принадлежат к индоевропейской семье. М. Мюллер (1855) объявил иберийско-кавказские языки отдалёнными представителями туранской (урало-алтайской) семьи. Н. Марр исходил из положения, что грузинский язык (и другие картвельские языки) ближайше родственны семитическим (арабскому, еврейскому), и соответственно „окрестил“ картвельские языки „яфетическими“ (впоследствии, когда выявилось родство картвельских языков с горскими иберийско-кавказскими языками, термин „яфетический“ был использован для обозначения всех иберийско-кавказских языков; наконец, в так называемом „новом учении о языке“ Н. Марра „яфетическая семья“ превратилась в „яфетическую стадию развития“ (см. об этом § 83).

Ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. Благодаря этим попыткам окончательно выяснилось лишь то, что иберийско-кавказские языки не могут быть отнесены ни к индоевропейским, ни к алтайским (урало-алтайским), ни к семитическим.

Ныне общепризнанным считается мнение, высказанное ещё в 1864 г. Ф. Мюллером, согласно которому иберийско-кавказские языки представляют собою — подобно баскскому языку в Пиренеях — пережиток некогда многочисленной семьи языков, имевших распространение не только на Кавказе, но и к югу от Кавказа ещё задолго до появления здесь индоевропейских и семитических языков.

§ 76. Древние языки Передней Азии и Междуречья. В этой связи встаёт вопрос о древних, ныне мёртвых языках Передней

Азии, Месопотамии. В древности здесь засвидетельствованы языки: шумерский, хеттские, хуритский, урартский, эламский (или сузский).

На шумерском языке в Месопотамии письменность была создана ещё в четвёртом тысячелетии до нашей эры. Это самое древнее из известных письмен, начавшееся с пиктографии и развившееся в клинопись. На смену шумерам в Месопотамию пришли семиты — ашуря (ассирийцы) и вавилоняне. Но и при господстве семитов „шумерский язык в течение долгих веков оставался священным языком жрецов ... И только постепенно ... шумерский стал отмирать и был заменён семитским. Окончательно был забыт шумерский язык и исчезли таблички с шумерскими надписями в ассирийскую эпоху, приблизительно в 1000 — 600 гг. до нашей эры“¹.

В Малой Азии во втором тысячелетии (1900 — 1200 гг. до нашей эры) существовало мощное государство хеттов. Во время раскопок в Анатолии, в деревне Богаз-кёй, на месте бывшей столицы хеттского государства Хатуша, в архиве хеттских царей на глиняных табличках были обнаружены по крайней мере четыре местных языка, из которых два — неситский и лувийский — по морфологии сближаются с индоевропейскими, но лексику имеют неиндоевропейскую (лексика хеттская или хеттизированная), два же других — хеттский (т. н. протохеттский, или собственно хеттский) и палайский исследователями сближаются с иберийско-кавказскими языками.

Различают иероглифическое и клинописное хеттское письмо. Язык, для которого использованы хеттские иероглифы, не тождествен с неситским (его считают палайским). В хеттской клинописи впервые был введён знак долготы.

Хетты играли роль связующего звена между Западом и Востоком. О могучем влиянии хеттской культуры свидетельствуют открытые в 1926 г. в Индии, в долине реки Инда — в Мохенджо Даро и Хараппе, Чаньху Даро и Джхукару — засыпанные и разрушенные города древней культуры; эта культура доиндийская; датируется она 2400—2100 гг. до нашей эры.

„Найденные художественные изделия, вазы, скульптурные изображения, инструменты, утварь, предметы туалета и тому подобное наглядно показывают, что эта культура произошла

¹ Ч. Лоукотка, История письма, 1950, стр. 33.

целиком из Передней Азии" ¹. Ф. Грозным установлено наличие общих знаков у хеттского иероглифического, критского и протоиндийского письма" ².

Ясно, что здесь может идти речь лишь о хеттском или палайском, но не о неситском языке: экспансия индоевропейских племён в Малую Азию датируется вторым тысячелетием до нашей эры, но не раньше.

Язык хурритский (со второй половины III тысячелетия до нашей эры) относится к тому же кругу, что и собственно хеттский (т. е. протохеттский).

Язык эламский (с XXIII в. до нашей эры), а также урартский (халдский) язык Ванского царства (IX—VI вв.) тяготеют к самобытным языкам Передней Азии и Междуречья.

Языки шумерский, хеттский и палайский, хурритский, урартский, эламский (и ряд мелких древних языков Малой Азии — лидийский, ликийский, карийский и др.) объединяют в группу азианических языков (термином „азианический“ подчёркивается самобытность обозначаемых языков).

Эти языки изучены далеко не достаточно. Они ныне не употребляются. Материал по этим языкам, которым располагают исследователи, скуден. Расшифровка письмен клинописных (и тем более иероглифических) наталкивается на большие трудности: нелегко установить, как произносилось написанное и что оно значило в точности; как отмечают специалисты: идеограммы понятны, но неизвестно, как звучало соответствующее слово; клинопись же читается относительно легко, но значение понять в точности не удаётся.

Однако при данной ступени изученности упомянутых языков специалисты определённо держатся того мнения, что эти древние языки не являются ни семитическими, ни индоевропейскими, ни алтайскими. Когда чешским ориенталистом Ф. Грозным был установлен индоевропейский характер основных фактов морфологии ³ неситского языка, обнаруженного в архиве Богаз-кёя, все хеттские языки вообще были объявлены индоевропейскими, хотя всеми признаётся, что нельзя считать индо-

---

¹ Ч. Лоукотка, История письма, 1950, стр. 67.

² Там же, стр. 71.

³ Лексика — в основной части — неиндоевропейская. Впрочем, не все явления даже морфологии сводимы к индоевропейскому (об этом см. выше, § 68).

европейским собственно хеттский, который стали называть протохеттским („первохеттским“).

Термином хетты (хаты) египтяне обозначали именно „протохеттов“, „собственно хеттов“ ещё задолго до вторжения в Малую Азию племён с индоевропейскими языками. Раз „протохеттский“ („собственно хеттский“) язык не является индоевропейским языком, то не имеется никаких научных оснований термин хеттский закреплять за (индоевропейским или индоевропеизированным мешанным) неситским языком, а „собственно хеттский“ называть нехеттским языком. Хеттским языком (языками) является именно неиндоевропейский, древний, малоазиатский язык, представленный хеттскими иероглифами и впоследствии в клинописи.

Называть неситский язык хеттским, а подлинно хеттский „протохеттским“ — значит создавать терминологическую путаницу, затемняющую и без того сложную картину исторических взаимоотношений.

Хеттский („собственно хеттский“, „протохеттский“), палайский, хурритский, урартский, эламский, шумерский образуют круг самобытных языков народов¹, создавших одну из древнейших цивилизаций в истории человечества, задолго до выступления на историческую арену народов индоевропейских, семитических и алтайских.

Пережиток языков этого круга мы имеем в современных иберийско-кавказских языках, которые тоже не являются ни индоевропейскими, ни семитическими, ни алтайскими. Этим объясняется исключительный интерес к изучению живых иберийско-кавказских языков, в которых думают обрести ключ к разгадке древних мёртвых языков Передней Азии.

Следует, однако, отметить, что попытки сближения с иберийско-кавказскими языками азианических языков (Хюзинг, Борк, Тромбетти, Вайднер, Форрер, Контено и др.) пока что лишены, к сожалению, должного методического обоснования, поскольку привлекаемые к сравнению факты живых иберийско-кавказских языков берутся без учёта их истории в наличной системе родственных языков.

---

¹ Сюда же, по всей видимости, относились древние иберийские языки на Пиренейском полуострове, а также язык этрусков, создателей доримской цивилизации на Апеннинском полуострове, первых учителей римлян, как это общепризнано ныне.

§ 77. Языки китайско-тибетской семьи. Китайско-тибетские языки делятся на две ветви — китайско-сиамскую и тибетско-бирманскую.

Китайско-сиамскую ветвь составляют китайский, таи (сиамский) и вьетнамский (аннамский) языки.

1. Китайский язык — в Китайской народной республике (столица — Пекин). Это язык великого китайского народа, под водительством коммунистической партии сбросившего ярмо империализма и зажившего свободной жизнью. На китайском языке говорит более 400 миллионов человек: это самый крупный язык в мире. Китайский язык — язык богатейшей и древнейшей культуры. В китайском языке ряд диалектов, образующих две группы: северную и южную. Диалекты расходятся сильно (кантонцы затрудняются понимать китайскую речь тянцзинца); однако письменность, основанная на идеографическом принципе (см. гл. III, § 59), одинаково понимается всеми китайцами, хотя и читается по-разному.

В истории письменного китайского языка различают четыре периода:

1. древнейший, или архаический (со второго тысячелетия до нашей эры до VI в. нашей эры);
2. древний — с VI в. до X в.;
3. средний — с X в. до XIII в.;
4. новый — с XIII в.

Историческая преемственность в китайской письменности сохранена на протяжении по крайней мере четырёх тысяч лет. Ни один народ земного шара не имеет письменного языка, история которого прослеживалась бы на протяжении четырёх тысяч лет и к тому же была бы так богато документирована, как китайский язык. Данные истории китайского языка представляли бы исключительную ценность для общего языкознания, если бы китайское письмо являлось фонетическим и мы имели бы возможность точно установить, как произносились китайские идеограммы в древности.

2. Язык таи (или сиамский; на нём говорит около 7 млн. чел.) с рядом диалектов.

3. Язык карен (в Бирме) — около $1\frac{1}{3}$ млн. чел.

4. К языкам таи и китайскому тяготеет язык вьетнамцев (или аннамский), на котором говорит около 14 млн. чел.¹

---

¹ Некоторые авторы вьетнамский язык объединяют с языком мон-хмер.

Тибетско-бирманская ветвь состоит в основном из двух групп — тибетской и бирманской (всего около 20 млн. чел.).

Тибетскую группу составляют:

1) собственно тибетский язык (в Тибете, центр — Лхасса) с близкими к нему диалектами (около 13 диалектов) — на нём всего говорит около 3 млн. чел.;

2) тибетско-гималайские языки и наречия (8 языков и наречий: гурунг, мурли, ленча и др.);

3) языки северного Ассама (6 языков и наречий — ака, абор-мири, дафла и др.).

На тибетском языке имеется богатая буддийская литература, переводная с индийского, начиная с VII в. нашей эры.

Известный китайско-тибетский двуязычный договор, высеченный на каменной стеле в Лхассе, датируется 822 г.

Бирманскую группу составляют:

1) бирманский язык (около 10 млн. чел.; столица Бирмы — Рангун), включающий ряд диалектов, из которых более известны пять;

2) языки куки-чин, включающие более 25 диалектов.

На бирманском языке существует письменность с XI в. (древнейшая четвероязычная надпись на каменной стеле от 1084 г.). И тибетский, и бирманский используют индийский алфавит.

К тибетско-бирманской группе относят, кроме вышеозначенных, языки бодо-нага-качин (более 35 диалектов), а также группы языков ло-ло, лю-со, си-хиа и др.

§ 78. Языки дравидской семьи. Языки дравидской семьи представлены в Индии; говорящие на этих языках народы занимают южную часть Индийского полуострова (к западу от Калькутты), часть острова Цейлон, а также встречаются в виде островков среди индийского населения (и народа Мунда)¹. Общее количество говорящих на дравидских языках составляет по меньшей мере 63 млн. чел. (а по некоторым данным достигает 80 млн.). Даже если исходить из меньшей цифры, окажется, что на дравидских языках говорит одна пятая часть всего населения Индийского полуострова.

¹ На территории Индии, в Индокитае, в Бирме представлены небольшими массивами языки: мунда, сантал, корку, мон-хмер и др. Относят их к австро-азиатской (точнее — австрало-азиатской) группе.

Дравидские языки образуют три группы:

1. Язык телугу с рядом наречий (всего около 24 млн. чел.). Имеет письменность с XI в. (грамматика, перевод Махабхарата).

2. Язык тамильский, или тамульский: (тамила || дамила, давина || давида, драмида || дравида; предполагается, что первые два варианта являются палийскими, последующие два — пракритскими и, наконец, два последних — драмида || дравида) — санскритскими.

На тамильском языке говорит не менее 17 млн. чел. Письменность существует с IV в.

В эту же группу, кроме тамильского, входят:

язык м а л а й а л а м (около 7 млн. чел.);

язык к а н а р а (канарский) (около 10 млн. чел.); письменный язык (надписи существуют с V в.);

язык т у л у, близкий к канарскому (около 500 тыс. чел.).

Языки групп телугу и тамильский образуют по распространению сплошную массу.

3. Третью группу образуют языки, ныне находящиеся в окружении иных (индийских, мунда языков).

Таковы: язык к у и ($1\frac{1}{2}$ млн. чел.),

язык к у р у х ($\frac{1}{2}$ млн. чел.),

язык г о н д и (около 1 млн. чел.),

язык м а л т о (горцев) (12 тыс. чел.).

В 1891 г. на языке гонди говорило 1300 тыс. чел., а в 1911 г. — 1000 тыс. чел.; столь ясно выраженная тенденция к убыванию заставляет предполагать, что дравидские языки исторически должны были иметь значительно большее распространение.

4. Далеко на западе, в Белуджистане, в окружении иранских языков, в горах сохранился дравидский язык брахуи (около 170 тыс. чел.).

Наличные древнеписьменные языки (тамильский — с IV в., канарский — с V в.) используют индийское письмо и сильно отличаются от разговорного языка.

Для дравидских языков характерны: суффиксация; наличие грамматических родов; различие имён высшей и низшей категорий. Простейшая форма имени представлена в именительном падеже, глагола — в повелительном наклонении. Предложение по типу именное.

Дравидские языки (равно как и язык мунда) представляют собою языки древнейших обитателей Индийского полуострова, где лишь впоследствии получили распространение индийские языки (индоевропейской семьи).

§ 79. Индонезийские языки. Особо следует выделить индонезийские языки (островов Ява, Суматра, Борнео, Целебес и др.), на которых говорит около 70 млн. чел.

Из индонезийских языков в первую очередь должны быть названы: яванский (20 млн. чел.), сунда ($6\frac{1}{2}$ млн. чел.), мадура (3 млн. чел.), малайский (3 млн. чел.) и др.

Малайский язык — один из распространённых (на Борнео, на Малаккском полуострове); на нём существует письменность с XIV в. Древнеписьменным языком является яванский, или язык кави¹; предполагается, что письменность на яванском языке существовала с I в. нашей эры.

Рядом с индонезийскими языками обычно перечисляют полинезийские, микронезийские и меланезийские языки, что следует рассматривать как чисто географическую, а не генеалогическую (историческую) классификацию.

То же приходится сказать о языках австралийских племён; эти языки объединяют в северную, центральную и южную группы.

§ 80. Языки Африки и Америки. В Африке насчитывают около 430 негро-африканских языков и диалектов. Выделяются из них три большие группы:

1) языки суданских негров, состоящие из 16 мелких групп;
2) языки банту (язык межплеменного общения — суахили); на языках банту говорит около 50 млн. чел.;

3) языки бушменские и готтентотские. Среди языков Африки — ряд литературных (суахили, хауса, берберский и др.).

Языки американских индейцев представляют многочисленные группы племенных языков.

Основными группами являются:

---

¹ Кави — слово индийское (санскр.) и обозначает *поэт, мудрец*. Яванскому языку посвящена работа В. Гумбольдта „*Ueber die Kawisprache auf der Insel Jawa*“ („О языке Кави на острове Ява“) — три тома (1836—1840), в виде введения к которой дано философское рассуждение „О различии строя человеческих языков и о его влиянии на умственное развитие человечества“.

В Северной Америке:

1) языки атабаскские,	4) языки сиу-дакота,
2) „ алгонкинские,	5) „ мускоге и др.
3) „ ирокезские,	

В Мексике и Центральной Америке:

1) языки уто-ацтекские,	3) языки отоми,
2) „ майа,	4) „ сапотеки.
	5) язык кечуа.

В Южной Америке:

1) языки аровакские,	3) языки тупи-гварани,
2) „ каранбские,	4) „ чибча и др.

В Северной Америке в условиях беспощадного гонения со стороны колонизаторов-европейцев (англичан, французов, американцев) индейцы сохранились в виде маленьких этнических групп. Если при появлении европейцев в Северной Америке общее количество индейцев составляло около 1 $\frac{1}{2}$ миллиона человек, ныне оно не превышает двухсот пятидесяти тысяч (Блумфильд). В Мексике, в Центральной и Южной Америке индейцы составляют значительную массу населения (до 50 процентов общего количества современного населения).

Ацтеки в Мексике и инки в Перу достигли значительного развития ко времени появления в Америке испанцев. У ацтеков имелось пиктографическо-идеографическое письмо.

Из языка ацтеков (языка наватль) заимствованы в европейских языках слова: *табак, шоколад, томат*.

§ 81. Языки Советского Союза в генеалогическом отношении. В Советском Союзе представлены языки многих семей, а также ряд пережиточно сохранившихся групп и языков.

Языки индоевропейской семьи представлены славянскими языками: русским, украинским и белорусским. Крупнейший из славянских языков, богатейший и один из самых влиятельных культурных языков современности, русский язык — язык мирового значения (см. § 31,63). Из романских языков в СССР имеем молдавский язык.

Индоевропейскую семью представляет также армянский язык, государственный язык Армянской ССР; на армянском языке сохранилась богатая древняя письменность (начиная с V в.).

К иранской группе индоевропейских языков относятся: таджикский — государственный язык Таджикской ССР — и осетинский язык (в Северо-Осетинской АССР, в Юго-Осетинской АО); языки талышский и татский (в Азербайджанской ССР).

В Советском Союзе находим оба сохранившихся балтийских языка — литовский и латышский — государственные языки Литовской ССР и Латвийской ССР.

Из угро-финских языков в Советском Союзе представлены: эстонский (государственный язык Эстонской ССР), карельский и финский (государственный язык Карело-Финской ССР); а также языки: мордовский, марийский, удмуртский, коми-зырянский — в соответствующих автономных советских социалистических республиках; маньсийский (вогульский) и хантыйский (остяцкий) — в бассейне реки Оби; наконец, так называемые самоедские языки (ненецкий, тавгийский, селькупский и др.).

Языки алтайской семьи основной своей массой сосредоточены в Советском Союзе. Из них: азербайджанский, туркменский, узбекский, казахский, киргизский — государственные языки соответствующих союзных республик.

Башкирский, чувашский, татарский, кара-калпакский, якутский — языки соответствующих автономных советских республик.

К алтайской же семье относится монгольский язык (Бурят-Монгольская АССР), а также: горно-алтайский, тувинский, хакасский языки (в соответствующих автономных областях) и шорский (в Красноярском крае).

В Советском Союзе представлены все иберийско-кавказские языки¹, из которых грузинский язык — язык древнеписьменный (с V в. нашей эры); младописьменными являются восемь иберийско-кавказских языков (абхазский с абазинским, адыгейский, кабардинский, аварский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский).

В Советском Союзе, в Сибири и Дальневосточном крае, представлены: тунгусские языки: эвенкский, ламутский (или эвенский), негидальский и др.; маньчжурские языки: удэйский, гольдский (или нанайский) и др.; палеоазиатские языки, сохранившиеся на крайнем северо-востоке СССР: луораветланский (чукотский), нымыланский (корякский), ительменский (камчадальский), унанганский (алеутский), одульский (юкагирский) и др.

¹ За исключением убыхского, а также баскского.

Многие из этих языков лишь при советской власти получили письменность.

Наличие столь многообразных — как по своему грамматическому строю, так и происхождению — языков в Советском Союзе открывает исключительные перспективы для развития у нас общего языкознания.

§ 82. Взаимоотношение генеалогической и морфологической классификаций. Генеалогическая классификация обусловлена историко-сравнительным изучением языков; генеалогическая классификация есть классификация историческая, поэтому она не могла быть создана до возникновения историко-сравнительного языкознания, она не могла быть создана без применения историко-сравнительного метода. Генеалогическая классификация и историко-сравнительный метод внутренне связаны между собою и с историческим языкознанием: историко-сравнительный метод есть метод генеалогической классификации. Нельзя отрицать историко-сравнительный метод и в то же время признавать генеалогическую классификацию.

В отличие от генеалогической классификации морфологическая классификация не зависит от историко-сравнительного изучения языков, она не нуждается в сравнительно-историческом методе; поэтому-то она могла появиться до возникновения науки о языке.

В результате морфологической классификации выделяются морфологические типы, в результате же генеалогической — семьи языков. В каком отношении находятся друг к другу морфологический тип и семья языков? Эти понятия, построенные на различных основаниях, друг друга не покрывают, не совпадают. Языки одного и того же морфологического типа могут иметь различное происхождение, принадлежать к различным семьям: грузинский язык иберийско-кавказской семьи и казахский язык алтайской семьи по морфологическому типу являются агглютинативными языками. И наоборот, в пределах одной и той же семьи могут оказаться языки различного морфологического типа. Таких случаев меньше, но они бывают. Например: английский и русский языки входят в одну семью, но в русском языке имеется богатая морфология, в английском же форм словоизменения почти нет. Такое расхождение в типологии этих языков — вторично.

§ 83. Научная несостоятельность стадияльной классификации Н. Марра и ненаучный, идеалистический, характер анализа по элементам. Так называемое „новое учение о языке“ Н. Марра отвергало генеалогическую классификацию языков и сравнительно-исторический метод. Генеалогической классификации оно противопоставило стадияльную классификацию, сравнительно-историческому методу — палеонтологический „метод“ анализа по элементам, пресловутый четырёхэлементный анализ.

Основные положения так называемого „нового учения“ Н. Марра определялись учением о первичных элементах; стадияльная классификация представляла собою вывод из положения об элементах. Учение об элементах составляло основу основ теории Н. Марра.

Человеческая речь — по Н. Марру — ведёт начало от четырёх элементов; эти элементы суть: *сал, бер, йон, рош*¹ (они будто бы представляли древнейшие племенные названия, как думал одно время Н. Марр).

Все слова всех языков земного шара состоят из этих четырёх элементов: „в лексическом составе какого бы то ни было языка нет слова, содержащего что-либо сверх всё тех же четырёх элементов“². Всякое слово любого языка состоит из одного элемента или двух, реже — трёх элементов (двухэлементное и трёхэлементное слово — это скрещённое слово).

Раз Н. Марр допускает, что все языки образовались из одного и того же материала — четырёх элементов! — языки имеют общий исходный материал, языки — по Марру — не могут быть различными по исходному материалу, по происхождению. Процесс развития языков также един (единый языкотворческий — глоттогонический — процесс Н. Марра).

Каким же образом возникли различные языки? Чем обусловлено различие языков? Различие языков — по Марру — обусловлено различием ступени (стадии) развития: различные языки воплощают различные ступени развития. Итак — по Марру — не различие исходного материала, не различие происхождения, а различие в ступени (стадии) развития — вот откуда идёт разнообразие языков.

Сколько же ступеней (стадий) развития представлено в человеческой речи? Чем отличаются стадии развития друг от друга? По каким конкретным языковым признакам можно отличить одну стадию от другой? На эти вопросы определённого ответа Н. Марр не даёт (так же, как не дали ответа „ученики“ и последователи Н. Марра). Н. Марр ограничивался лишь примерными схемами, которые должны были иллюстрировать положение о стадиях, но которые оставляют без разъяснения основные вопросы (к тому же эти схемы не вполне сходятся).

В схеме от 1928 г. языки у Марра образуют четыре группы в зависимости „от периода возникновения их“ (как говорит Н. Марр).

Первую группу образуют языки корневые (односложные) и полисемантические: 1) китайский и 2) живые средне- и дальнеафриканские языки; это „языки системы первичного периода“, т. е. стадияльно самые древние.

Вторую группу составляют языки: 1) угро-финские, 2) турецкие, 3) монгольские („языки системы вторичного периода“).

¹ Н. Марр, Яфетическая теория. Общий курс учения об языке, избр. раб., т. II, стр. 16.

² Там же, стр. 16.

Третью группу — языки: 1) яфетические и 2) хамитические („языки системы третичного периода“).

Четвёртую группу — языки: 1) семитические и 2) индоевропейские („протемеидские“) — индийский, греческий и латинский („языки системы четвертичного периода“) ¹.

Таким образом, в стадиальной схеме Марра древнейшую стадию развития представляют китайский (и односложные языки Африки), последнюю ступень развития — семитические и индоевропейские языки; иными словами, односложными, корневыми языками начинается развитие, а флективными языками оно заканчивается. В своей схеме Н. Марр не даёт новых, стадиальных, понятий, он оперирует старыми, обычными, понятиями — морфологического типа и семьи языков — и из этого материала строит свою стадиальную схему, располагая их в хронологической последовательности.

Морфологические типы и раньше пытались толковать, как различные ступени развития (строения слова), причём совершенно неосновательно флективные языки (индоевропейский и семитический) объявлялись высшей ступенью развития (см. гл. IV, § 63). Но семьи языков не могли рассматриваться, как образовавшиеся одна из другой: поскольку они имеют различный исходный материал, нельзя было даже ставить вопрос о трансформации одной семьи в другую (можно было говорить лишь о возникновении двух семей из общего источника).

Н. Марр произвольно допустил, что в основе всей человеческой речи лежат четыре элемента (*сал, бер, йон, рои*), что исходный материал у всех языков общий, и, таким образом, отвергнув изначальное материальное родство языков ², входящих в одну семью, открыл себе возможность толковать семьи языков (и их группы), как различные ступени развития.

Марровскую схему, строго говоря, нельзя рассматривать как стадиальную: она не содержит групп языков, выделенных по стадиальному признаку. И это далеко не случайно: понятие „стадии языка“ не определено в теории Н. Марра; ни у Н. Марра, ни у его последователей нигде нет указаний не только на то, сколько стадий, но и на то, что собственно следует подразумевать под „стадией“ языка, по каким признакам надо выделять стадию языка, какими свойствами должны обладать лексика и грамматический строй того или иного языка, чтобы его можно было отнести к той или иной стадии. Например, никто из представителей так называемого „нового учения о языке“ не смог бы определить, какую стадию представляют ацтекский язык (наватль) или ирокезский, или алгонкинский, или другие языки американских индейцев, которые не нашли места в схеме Н. Марра.

Более того, в схеме Н. Марра не обосновано и то, почему монгольские языки относятся к языкам „системы вторичного периода“, а хамитические языки вместе с яфетическими фигурируют в „системе третичного периода“ (по морфологическому принципу они вряд ли могут быть так сгруппированы).

Основной недостаток стадиальной классификации заключается не в том, что она неполная (т. е. что она не охватывает всех языков) или что она не

¹ Н. Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком? Избр. раб., т. II, стр. 405.

² Н. Марр, избр. раб., т. I, стр. 191.

была доработана; её нельзя было и доработать, поскольку не было определено понятие стадии, поскольку не указаны основные признаки стадии языка. Генеалогическая классификация тоже не является полной; не все языки охарактеризованы с точки зрения происхождения, но её можно восполнить, потому что известно, по какому признаку выделяется основное понятие данной классификации, — семья языков.

В теории Н. Марра дана идея языковой стадии, но не дано понятие стадии, тем более не имеется классификации языков по стадиям развития. Акад. И. И. Мещанинов пытался сконструировать понятие стадии по синтаксическому признаку, а именно: взяв за основу строй предложения (в частности, грамматическое выражение подлежащего). Но попытка охарактеризовать степень развития всего языка по этому моменту не удалась. Таким образом, понятие „стадии развития“ осталось совершенно неясным, но это не мешало последователям Марра рекламировать стадиальную „теорию“, как якобы великое достижение марксистского учения о языке.

Пытаясь перелицезвать наличные классификации (морфологическую, генеалогическую), Н. Марр утверждал:

1) что стадиальное развитие — смена одной стадии другой — происходит путём взрывов;

2) что в едином языкотворческом процессе существуют языки новой стадии рядом с языками, из которых они произошли;

3) что „языки сменённых систем характеризуют народы, отпавшие от общего мирового движения“.

Эти утверждения Н. Марра ничем не обоснованы, хотя они и носят категорический характер.

Эти утверждения Н. Марр выдавал за марксистские положения, обязательные для всех, кто стоит на точке зрения марксизма. Однако за эти голословные утверждения марксизм не может нести ответственности; они не вытекают из марксизма; они не согласуются с марксизмом; они научно несостоятельны.

В развитии языка невозможны взрывы. Таково свидетельство фактов. Невозможность взрыва в развитии языка теоретически обоснована И. В. Сталиным (подробнее об этом см. § 25).

Трансформацию языков Н. Марр поясняет на примере взаимоотношения яфетических и индоевропейских языков. Н. Марр заявляет: „Индоевропейские языки представляют собою лишь новую формацию тех же яфетических языков“¹, не указывая, однако, в чём же это выразилось, какие явления лексики и грамматического строя, морфологического инвентаря индоевропейских языков являют собою перевоплощение фактов яфетических языков. Ныне существуют и индоевропейские языки („новая формация“), и яфетические языки („древняя формация“). Если яфетические языки преобразовались в индоевропейские языки, они не могут существовать рядом с индоевропейскими: существовать породивший и порождённый могут в мире живых существ, но не языков (§ 26). Сосуществовать могут языки более архаичные и менее архаичные, когда они идут от различного исходного материала, когда у них различное происхождение, но сосуществовать не могут языки, если они

---

¹ Н. Марр, Иберо-этрusco-италская скрещённая племенная среда, избр. раб., т. I, стр. 187.

идут от одного и того же исходного материала и рассматриваются, как развившиеся один из другого.

„Языки всего мира, — пишет Н. Марр, — представляют продукты одного глоттогонического процесса, в зависимости от времени возникновения принадлежат к той или иной системе, сменявшей одна другую, причём языки смежных систем отличают народы, отпавшие от общего мирового движения, независимо от того, вовлечены ли они снова мировым хозяйством и мировой общественностью в круговорот мировой жизни...“¹.

Языки, иллюстрирующие схему стадияльного развития, размещены Н. Марром по различным ступеням развития; на этих ступенях — по утверждению Н. Марра — они и застыли, поскольку они представляют языки народов, „отпавших от общего мирового движения“. Оказывается, не имеет значения, включатся ли в дальнейшем эти народы в поток общего мирового развития, или нет: соответствующие языки всё равно „не двинутся дальше“, они навсегда застряли на определённой ступени стадияльного развития.

Такое толкование Н. Марру понадобилось, чтобы объяснить, почему китайский язык, как он думал, и поныне воплощает первую, древнюю стадию, почему вообще языки первой, второй и третьей стадий оказались не в состоянии сдвинуться с места, а всё пребывают на предыдущих стадиях.

Такое толкование не имеет ничего общего ни с фактами истории, ни с принципами марксизма. История не знает ни народов, ни языков, которые были бы лишены способности развиваться. Темпы развития различных языков в различные эпохи могут быть различными, но не было и не будет такого живого языка, который перестал бы развиваться. Живой язык, лишённый способности развиваться — „застывший живой язык“, — это не факт действительности, а мёртвый продукт ненаучной стадияльной схемы Н. Марра.

Согласно стадияльной схеме развития языков Н. Марра весь языкотворческий процесс состоит из языков (систем языков), застывших в своём развитии; языки (системы языков) иллюстрируют процесс развития, но сами не развиваются. Такое понимание процесса развития является антиисторическим, метафизическим, ненаучным.

Отказывая определённым языкам в способности развиваться, стадияльная теория Н. Марра объективно помогает расизму.

Схема Н. Марра, согласно которой флективные (семитические и индоевропейские) языки оказались завершающими стадияльную схему развития, объективно вполне совпадает с утверждением Шлейхера, будто флективный тип являет собою высшую ступень развития. Выражение „новейшая формация“ (индоевропейских языков) может оказаться равнозначным выражению „наиболее совершенная“ в таких выражениях, какие встречаем у Н. Марра:

„И в самых совершенных индоевропейских языках имеются менее тронутые, как бы реликтовые яфетические слои“²; здесь у Н. Марра индоевропейские языки, как „самые совершенные“, противопоставляются яфетическим.

Сути дела не меняет, если Н. Марр, желая дискредитировать генеалогическую классификацию языков, в полемических целях без усталости повторяет,

¹ Н. Марр, Язык, избр. раб., т. II, стр. 135.

² Н. Марр, Индоевропейские языки Средиземноморья, избр. раб., т. I, стр. 185.

что генеалогическая классификация языков есть расовая классификация, а сравнительно-историческое языкознание не что иное, как „буржуазная индоевропеистика“, „плоть от плоти и кровь от крови отживающей буржуазной общественности“¹. Объективно именно стадийная классификация языков Н. Марра помогает расизму.

Таковы основные пороки стадийной схемы развития и утверждений Н. Марра о развитии языков, выставленных в связи с идеей стадийного развития.

Стадийность, как сказано (см. стр. 236), вытекает из учения об элементах, из положения, гласящего, что все языки восходят к четырём элементам (*сал, бер, йон, рош*). В этой связи необходимо ответить на два вопроса: 1) каким образом удалось Н. Марру установить, что первичных элементов было всего четыре и что этими элементами являлись *сал, бер, йон, рош*; 2) возможно ли и, если возможно, каким образом возможно в современных языках обнаружить первичные элементы?

Начнём с последнего вопроса. Допустим (совершенно условно), что вначале имелось четыре элемента (*сал, бер, йон, рош*). С тех пор прошло по меньшей мере несколько десятков тысяч лет (сам Н. Марр называет в качестве минимальной цифры 50 тысяч лет!). Чтобы представить себе, какие произошли с тех пор изменения, достаточно вспомнить, что тогда „было“ четыре элемента, а теперь имеется по меньшей мере несколько сот самостоятельных языков: в эти языки превратились начальные элементы. Искать изначальные элементы в словах современных языков и „находить“ эти элементы — значит ставить крест над всем процессом развития, приведшим от элементов к сотням языков. Таким образом, сама постановка вопроса об установлении первичных элементов человеческой речи ненаучна.

Теперь о том, каким образом установлено Н. Марром, что вначале было четыре элемента и этими элементами были *сал, бер, йон, рош*.

Что вначале имелось всего четыре элемента и что это были *сал, бер, йон, рош*, Н. Марром нигде не доказано; более того, ни в одной работе Н. Марра и не даётся попытки обосновать, что речь человеческая ведёт начало от *сал, бер, йон, рош*. Эти элементы совершенно случайно оказались началом, — совершенно случайно с точки зрения объективного положения вещей; для истории становления человеческих языков *сал, бер, йон, рош* представляют собой вполне произвольные величины; для теории же Н. Марра, однако, эти элементы далеко не случайны. Элементы эти суть племенные названия: *фе-салы, и-беры, ион-яне, рас-ены* (самоназвания этрусков). В племенных названиях Н. Марр видел древнейшие факты человеческой речи. Сравнивая факты многообразных яфетических языков, Н. Марр тем больше внимания уделял племенным названиям, чем меньше было надёжного для сравнения материала (например, при сравнении баскского и иберийско-кавказских языков). Таким путём, из бездны неисследованных фактов Н. Марр выделил племенные названия, как „наиболее древний“ материал, облюбовав сперва двенадцать, затем четыре элемента. Так была создана норма, столь же необходимая для теории Н. Марра, сколь произвольной она является объективно, с точки зрения научной истории развития языков.

¹ Н. Марр, Об яфетической теории, избр. раб., т. III, стр. 1.

Объявив совершенно произвольно племенные названия началом начал всех языков, Н. Марр тем самым получил оперативный простор для сравнения фактов языков, принадлежащих различным по происхождению языкам и различным периодам развития языков. Н. Марр сравнивал друг с другом груз. *გონ-ე — сила*, *გონ-ებ-ა — разум*, русск. *огонь*, русск. *конь*, название венгров *Hun-gar*, название реки в Грузии *Еп-გი*, название местечка *ჟონ-ი* (Хони) около Кутаиси и *ჟინ-ჯა-ღ* (Хун-зах) в Дагестане, связывая значения этих слов по нормам палеонтологического мышления. По нормам историко-сравнительного языкознания нельзя сравнивать факты языков, входящих в различные семьи, поскольку эти факты являются различными по происхождению, а внешне сходными лишь случайно (гл. IV, § 66); когда же факты не случайно сходные, а заимствованные, то и тогда они не могут привлекаться к сравнению: заимствованный материал для сравнения не подходит. Элементный анализ „упрощает“ дело сравнения, не видя препятствия в том, что сравниваемые факты принадлежат к языкам различного происхождения, к языкам различных семей: груз. *გონ-ებ-ა — разум*, русск. *о-гонь*, русск. *конь*, аварск. *хун-зах* — все эти слова для Марра в равной мере являются производными первого элемента *sal — сал*! Без элементов и элементного анализа Н. Марр не признавал сравнения.

Без элементного анализа была немыслима марровская палеонтология речи, было невозможно возникновение и существование так называемого „нового учения о языке“ Н. Марра. Элементный анализ узаконяет произвол и в подборе сравнительного материала, и в разложении слова, и в толковании выделенных в процессе разложения частей слова. Элементный анализ подрывает самые основы научного анализа фактов языка, истории языка. Н. Марр противопоставлял свой четырёхэлементный анализ, как метод „марксистской языковедной теории“, сравнительно-историческому методу „буржуазного языкознания“. По этому поводу И. В. Сталин пишет: „Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как «идеалистический». А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьёзные недостатки, всё же лучше, чем действительно идеалистический четырёхэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырёх элементов“¹.

Не лишне отметить, что принцип элементного анализа из так называемого „нового учения о языке“ заимствовали турецкие расисты, найдя более последовательным началом начал видеть в одном единственном элементе (вместо марровских четырёх элементов!), причём этим единственным элементом „оказалось“ турецкое слово *ağ — белый*. К этому первоэлементу и сподяют все слова всех языков земного шара турецкие расисты, „устанавливая“ таким нехитрым способом, что все языки произошли от турецкого языка.

Тем самым лишний раз подтверждается, что гадание по элементам (или элементу) и наука о языке несовместимы.

---

¹ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1952, стр. 33.

МЕСТО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ НАУК

§ 84. Языкознание как общественно-историческая наука. Науки принято классифицировать или по характеру знания, представленного в той или иной специальности, или по характеру изучаемого объекта. Эта вторая точка зрения наиболее правомерна.

В зависимости от изучаемого предмета науки образуют две основные группы: науки, изучающие природу (естественно-исторические науки), и науки, изучающие общество (общественно-исторические науки, или — общественные науки).

Поскольку язык представляет собою общественное явление, языкознание следует считать общественно-исторической наукой. В шестидесятых годах прошлого столетия отдельные авторы, пользуясь значительным влиянием, полагали, что языкознание следует причислить к разряду наук естественно-исторических, поскольку для языка характерен рост, а не развитие (Шлейхер, М. Мюллер), поскольку язык представляет собою организм (Шлейхер). Язык нельзя рассматривать, как организм. Для языка характерно развитие, а не рост (гл. II, § 16). Языкознание нельзя включать в круг естественно-исторических наук.

Языкознание представляет одну из самых сложных общественно-исторических наук. Это определяется природой языка, как средства общения и обмена мыслями.

Язык, как средство общения и обмена мыслями, обслуживает общество: „Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне

общества нет языка“¹. Обслуживая общество, язык отображает культуру, быт, нравы и обычаи соответствующего общества в его историческом развитии. Этим обусловлена связь языкознания с общественно-историческими науками (с историей, археологией, этнографией и др.): „...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“².

Язык, как воплощение мысли, обуславливает необходимость связи языкознания с теми науками, объектами изучения которых является мысль — её становление, её познавательная функция, — а именно: с психологией (в особенности, с психологией мышления), с логикой, с философией вообще.

Материалом языка служат звуки. Образование произносимых звуков обуславливает связь языкознания с физиологией, а восприятие звуков — с акустикой, как частью физики.

Язык — создание и достояние сотен поколений народа; язык — необходимое условие существования общества; язык — средство реализации мысли — бесценное сокровище народа. Все эти положения характеризуют науку о языке как одну из интереснейших и важнейших теоретических общественно-исторических наук. При строго научном анализе фактов языка она может стать самой точной общественной наукой. Этим определяется общеобразовательное значение языкознания, как теоретической науки.

§ 85. Прикладное значение науки о языке. Но этим не исчерпывается значение языкознания. Оно имеет немалое практическое применение. В этом отношении следует указать на ряд вопросов, связанных с возникновением и развитием литературных языков.

Языкознание, как известно, не предписывает норм, не устанавливает, что следует считать правильным в литературном языке, что следует насаждать и чего надо избегать. Но без языковедческого анализа вряд ли можно найти целесообразное решение вопроса о нормах литературного языка.

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22.

² Там же.

При всех случаях, когда приходится выбирать между двумя (или более) вариантами, каждый из которых претендует на литературность (например: *лэкторы* и *лэкторá*), следует установить, как возникли параллельные варианты, насколько соответствует каждый из них основам системы данного языка, какой из них более отвечает основным тенденциям развития литературного языка и т. д. Без предварительного теоретического анализа, без должного научного обоснования нормирование явлений литературного языка рискует стать простым техническим нормированием вслепую.

С развитием науки и техники язык, естественно, обогащается новыми терминами и специальными выражениями. Целесообразная разработка терминологических вопросов, естественно, требует языковедческой консультации: какие новообразования соответствуют грамматическому строю и словарному составу данного языка и какие чужды ему; какие термины вообще не требуется создавать (т. е. можно усвоить, как термины, имеющие интернациональное распространение) и т. д.

Научная постановка изучения иностранных языков, научная разработка школьной грамматики родного языка не может быть осуществлена без помощи языкознания.

Создание письменности для бесписьменного языка немислимо, если не установлен фонематический состав данного языка: здесь не обойтись без помощи специалиста в области фонетики.

Разработка целесообразной стенографической системы вряд ли возможна, если не принимаются во внимание особенности грамматического строя языка, который приходится обслуживать.

Помощь фонетики требуется и логопедии: лечение дефектов речи будет лишено надёжной основы, если врач не разбирается в артикуляции звуков речи и не в состоянии ясно представить себе, в чём заключается дефект и что требуется для нормального произношения соответствующего звука.

Наука о языке и её данные существенно важны для истории культуры, в особенности для уяснения древнейших этапов истории народа, для психологии, логики, также литературоведения. Учёный историк, психолог, философ, литературовед вряд ли могут обойтись без знания основ науки о языке.

Редакторы *Ф. Ф. Кузьмин* и *Н. М. Шанский*.
Технический редактор *Н. П. Цирульницкий*.
Корректор *И. И. Бурдзелян*.
Переплёт художника *Б. С. Никифорова*.

Подписано к печати 15/VIII 1953 г. А-04222.
Тираж 125 тыс. экз. Бумага $60 \times 92\frac{1}{16} = 7,63$
бумажных листов — 15,25 печатных листов.
Уч.-издат. листов 14,07. Цена без пере-
плёта 2 р. 80 к. Переплёт 1 р. 50 к.
Зак. № 487.

Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома Глав-
издата Министерства культуры СССР.
Москва, Валовая, 28.

